

Э. Ренан

ЖИЗНЬ
Иисуса

Э. РЕНАН

ЖИЗНЬ ИИСУСА

**Москва
Амрита-Русь
2004**

ББК 86.39

Э. Ренан
ЖИЗНЬ ИИСУСА. – М.: Издательство «Амрита-Русь», 2004. – 224 с.

Дополнение А. И. Кузьмина

Полный перевод с последнего французского издания

Книга Э. Ренана «Жизнь Иисуса» посвящена основателю христианства Иисусу Христу. В легкой доступной широкому читателю художественной форме выдающийся французский историк христианства, талантливый писатель раскрывает внутренний мир Христа, знакомит с широким кругом его последователей и врагов, изображает исторические условия жизни древней Иудеи. Едва ли можно назвать другую книгу, которая оказала бы большее влияние на писателей, художников конца 19-го начала 20 вв., пожелавших познать суть великого ученья, чем труд Э. Ренана. Книга снабжена «Дополнением» доктора филологических наук А. И. Кузьмина, автора ряда книг по истории русской литературы и искусства.

Книга Э. Ренана, несмотря на свою громадную популярность, давно стала библиографической редкостью и найдет путь к сердцам читателей.

СДБН 5-94255-126-3

© Амрита-Русь, оформление, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	27
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	36
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	44
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	51
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	59
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	66
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	73
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	81
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	85
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	93
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.....	99
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.....	106
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.....	114
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.....	122
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.....	130
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.....	134
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.....	141
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.....	149
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.....	154
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.....	164
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	174
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.....	180
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.....	191
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.....	195
ДОПОЛНЕНИЕ.....	199

*Светлой памяти
моей сестры Генриетты,
почившей в Библосе 24 сентября 1861 г.*

Помнишь ли ты, в лучшем из миров, о долгих днях, проведенных нами в уединении в Газире, когда я писал эти страницы, проникнутые впечатлениями о местах, которые мы вместе посетили? У наших ног расстилались море, деревни, лощины, горы. Ты, молча, сидела возле меня, перечитывала каждую страницу и переписывала ее тотчас же, едва она была написана. Когда же яркое солнце уступало место бесчисленной армии звезд, ты своими тонкими и осторожными вопросами, своими скромными сомнениями вновь возвращала меня к высокому предмету наших общих дум. Ты мне сказала однажды, что всегда будешь любить эту книгу, во-первых, потому, что она была написана вместе с тобою, а затем потому, что она пришлась тебе по душе. Если ты и боялась узких суждений о ней легкомысленных людей, то ты всегда была уверена, что она, в конце концов, понравится истинно религиозным людям. И вот во время этих сладких размышлений, нас коснулась своим крылом смерть: одновременно мы впали в забвение от болезни, и я пришел в себя уже одиноким. Теперь ты почиваешь в земле Адониса близ священного Библоса и тех святых вод, у которых проливали слезы женщины времен древних мистерий. Открой же мне, мой добрый гений, мне, которого ты так любила, те истины, которые побеждают смерть, рассеивают страх перед нею и дают возможность почти полюбить ее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Место Иисуса во всемирной истории. – Детство и юность Иисуса. Его первые впечатления.

Важнейшим событием всемирной истории является тот переворот, при посредстве которого благороднейшие расы человечества перешли от древних религий, объединенных не совсем определенным термином «языческих», к религии новой, основанной на понятии о единстве божества, троичности и воплощении Сына Божьего. Для осуществления этого перехода потребовалось около тысячи лет; и прошло, по крайней мере, три столетия, пока новая религия сложилась окончательно. Исходной же точкой переворота, о котором здесь идет речь, послужил факт, совершившийся в царствование римских императоров Августа и Тиберия. В это время жил гениальный человек, который своей смелой инициативой, обаянием своей высокой личности, создал самый объект и указал исходную точку новой веры человечества.

Иисус родился в Назарете, небольшом городке Галилеи, который до него был совершенно неизвестен. Всю жизнь его звали назарянином, если же впоследствии легенда и произвела его из Вифлеема, то лишь благодаря значительной натяжке. Мы далее увидим, для чего была сделана эта подтасовка и почему она была необходимым следствием приписанной Иисусу роли Мессии. Год рождения его точно не известен. Он родился в царствование Августа, вероятно, около 750 года римского летосчисления, т. е., по-видимому, несколькими годами раньше первого года христианской эры, которая всеми цивилизованными народами принята для счета лет от предполагаемого дня его рождения. Данное ему имя Иисус представляет популярное искажение имени Иошуа, и было одним из обычных; но впоследствии, и в нем стали искать таинственный смысл и

намек на его призвание Спасителя. Возможно, что и его самого, как всех мистиков, воодушевляла подобная мысль. История знает не один пример, когда имя, данное ребенку без всякой задней мысли, служило поводом для великой исторической миссии. Пламенные натуры ни за что не хотят видеть во всем, касающемся их, простой случай. Вся их судьба уже наперед предопределена Богом; знак высшего промысла они усматривают в самых ничтожных обстоятельствах.

Население Галилеи было весьма разнообразно, что видно из самого названия этой страны. В ней в эпоху Иисуса жило множество не-иудеев (финикияне, сирийцы, арабы и даже греки). Обращения в иудейскую веру в стране с таким смешанным населением были нередки. А потому и невозможно возбудить здесь вопроса о расе и разыскивать, какая кровь текла в жилах того, кто сам более всех содействовал искоренению кровных различий в человечестве.

Родом он был простолудин. Отец его Иосиф и мать Мария принадлежали к среднему классу и были ремесленниками, содержавшими себя трудами рук своих, — положение весьма обыкновенное на Востоке, которое не может назваться ни благосостоянием, ни крайней нуждой. Чрезвычайная простота жизни в этом крае, устраняя потребность в роскоши, как бы уничтожает преимущества богача и обращает всех в добровольных бедняков. С другой стороны, полное отсутствие художественного вкуса и всякого влечения к искусственному украшению материальной жизни придает жилищу людей, которые собственно ни в чем не нуждаются, какой-то вид убогости. Если оставить в стороне ту отталкивающую неопрятность, которую принес с собою ислам в Св. Землю, то можно думать, что Назарет эпохи Иисуса представлял почти такую же картину, как теперь. Мы узнаем улицы, на которых он играл ребенком, в этих каменистых, выющихся между хат, дорожках или переулочках. Дом Иосифа имел, конечно, много сходства с теми жалкими лачужками, в которые свет проникает через дверь и которые служат одновременно мастерскою, кухнею и спальней; вся обстановка их состоит из циновки, нескольких подушек на полу, двух или трех глиняных горшочков и крашеного сундука.

Семья его – происходила ли она от одного или нескольких браков – была довольно многочисленная. У Иисуса были братья и сестры, из которых он был, по-видимому, старший. Все они остались в неизвестности; ибо те четыре лица, которые выдаются за его родных братьев и между которыми один Иаков получил в первые же годы развития христианства большое значение, были собственно двоюродными братьями Иисуса. Дело в том, что у матери Иисусовой, Марии, была сестра по имени тоже Мария, бывшая замужем за неким Алфеем или Клеопой (оба имени по-видимому обозначают одно лицо) и имевшая нескольких сыновей, которые играли позже среди учеников Иисуса важную роль. Эти-то двоюродные его братья, отличавшиеся привязанностью к своему юному учителю (его родные братья не веровали в него и даже были ему враждебны), и получили прозвание «братьев Господних». Родные братья Иисуса, равно как и мать его, не имели при жизни его никакого значения и стали популярны уже после его смерти. Но и тогда, по-видимому, они далеко не пользовались тем уважением, как двоюродные братья, которые следовали за Иисусом более самостоятельно и отличались большей оригинальностью характера. Сами имена их забыты до такой степени, что когда евангелист в своем уставе назареян перечисляет братьев Иисусовых по плоти, то ему, прежде всего, вспоминаются имена сыновей Клеопы.

Иисусовы сестры вышли замуж в Назарет; там же провел и он первые годы своей юности. Назарет был маленький городок, раскинувшийся в широкой долине, которая значительно расширяется по направлению к вершинам гор, замыкающих с севера плоскогорье Эздрелонское. В настоящее время в нем считается до трех или четырех тысяч жителей и можно думать, что эта цифра мало изменилась с эпохи Иисусовой. Зимой там довольно холодно и климат вообще здоров. Этот городок, подобно всем еврейским местечкам того времени, был просто группой хижин, выстроенных безо всякого стиля, и представлял, без сомнения, тот общий вид, довольно печальный и бедный, который характерен для всех вообще селений в семитических

странах. Дома, по-видимому, не слишком отличались от тех сложенных из камня, лишенных всякого украшения маленьких кубиков, какими усеяны по сие время плодоноснейшие части Ливана и которые, однако ж, среди виноградников и фиговых деревьев составляют, тем не менее, довольно приятное впечатление. Окрестности восхитительны; и едва ли найдется в мире местность более располагающая к грезам об абсолютном счастье. Даже в наше время Назарет – прелестный уголок, единственное, может быть, в Палестине место, где путешественник несколько отдыхает от тяжелого чувства, сжимающего его душу среди беспримечной пустыни. Улыбка и привет сияют на лице туземца, вся страна утопает в пышной зелени роскошных садов. Антонин Мученик, живший в конце VI века, набрасывает очаровательную картину окрестностей Назарета, которые он сравнивает с земным раем. Некоторые долины к западу от города вполне оправдывают и ныне его описание. Источник, когда-то служивший центром всей жизни и веселья этого города, теперь уже заглох, его растрескавшиеся водоемы дают лишь мутную воду. Но красота женщин, собирающихся вокруг него и ныне по вечерам, осталась та же; красота эта, которая была замечена еще в VI веке, в которой некоторые видели особый дар Девы-Марии, сохранилась поразительно и доныне. Это сирийский тип по всей его прелести и грации. Без сомнения, некогда и Мария ходила сюда за водою с кувшином на плече и останавливалась зачастую поболтать с землячками, так и умершими в безвестности. Антонин Мученик замечает, что еврейские женщины, в других местах столь неприязненно относящиеся к христианам, здесь, напротив, очень приветливы. Действительно, религиозная нетерпимость и в наше время не столь остра в Назарете, как в других местах Палестины.

Горизонт города тесен; но если подняться на небольшое, всегда освежаемое ветерком, плоскогорье, то перед вашими взорами развернется прелестная картина. С запада высятся живописные группы Кармельских гор, замыкающиеся крутым пиком, который точно готов опрокинуться в море. Далее виднеется возвышающаяся над городом Магедло,

двойная вершина; а там – Сихемские горы со своими святынями, которые восходят древностью ко временам Патриархов. Здесь горы Гельбоэ – небольшая живописная группа, с которою связаны то прелестные, то умилительные воспоминания Сулема и Аэндора. Фавор – в своей прекрасно округленной форме, напоминавшей древним женскую грудь; сквозь ущелье между горами Сулемом и Фавором виднеются долина Иорданская и плоскогорье Перейское, образующие вместе одну сплошную линию с восточной стороны. На севере – горы Сафед, постепенно понижаясь к морю, полузаслонили Сен-Жан-д'Акр, а позади них виден как на ладони залив Каифа. Таков был горизонт, открывавшийся очам Иисуса. Из этой-то волшебной сферы, из этой колыбели Царствия Божия смотрел он на Божий мир в течение многих лет. Даже можно сказать, что во всю жизнь свою он мало выходил из этих пределов, столь ему знакомых с раннего детства. Ибо тут же, с северной стороны, почти можно различить на фоне Гермонских гор Кесарею Филиппинскую, самый отдаленный предел его путешествий в страну язычников; а с южной, позади гор Самарийских, уже не так живописных, вы как будто предчувствуете мрачную Иудею с ее губительной атмосферой абстракции и смерти.

Если когда-либо мир, оставаясь христианским, но глубже постигнув сущность христианских начал, вздумает заменить подлинными святынями ложные и жалкие, к которым прилепилось благочестие грубых веков, то здесь, на этих высотах Назарета, построит он свой храм. Здесь, на месте первого появления христианства, в самом центре деятельности создателя его, должен бы быть заложен храм, в котором могли бы слиться воедино молитвы всех христиан. Эта земля, скрывающая прах плотника Иосифа и тысяч безвестных, никогда не выходивших за пределы своей долины назарян, – более всякой другой местности располагает философа к созерцанию человеческих дел, к исцелению от оскорблений, наносимых ими нашим самым дорогим чувствам божественной цели, к которой стремится мир через бесчисленные препятствия, не обращая внимания на всяческую суету.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Воспитание Иисуса.

Вот эта-то прекрасная, величественная природа одна и совершила все воспитание Иисуса. Он учился читать и писать, без сомнения, по восточному методу, состоящему в том, что ребенку дают книгу и заставляют повторять ее в такт с товарищами до тех пор, пока он не выучит наизусть. Сомнительно, однако, чтоб он понимал еврейские книги на подлинном их языке. Он приводит иногда тексты из них, но как это видно из сказаний его биографов, на арамейском языке. Принципы его экзегетики, сколько мы можем о них судить по экзегетике его учеников, имели много общего с бывшими тогда в общем ходу и составляющими дух Таргумима и Мидрашима.

Должность школьного учителя в маленьких еврейских городках исправлял обыкновенно гаццан или чтец синагоги. Более высокие школы книжников или соферимов Иисус посещал мало (быть может, в Назарете такой школы не было), и вообще Он не обладал ни одним из тех знаний, которые в глазах толпы дают право на ученость. Тем не менее, было бы большой ошибкой думать, что он был невежда в обычном для нас смысле этого слова. У нас школьное образование проводит глубокую черту различия в личном достоинстве между получившими и не получившими его. Но не так было на Востоке; не так было вообще в доброе старое время. Ныне, при нашей изолированной и чисто индивидуальной жизни, человек, не прошедший школу, отличается некоторой грубостью. Это явление неведомо там, где нравственная культура и общий дух времени передаются путем беспрестанного общения людей между собою. Араб, отроду не ведавший никаких учителей, тем не менее, обнаруживает иногда значительное развитие; его шатер является

известного рода открытой академией, где из взаимного общения людей, сведущих и опытных, рождается великое умственное и даже литературное движение. Изящество манер и тонкость ума не имеют на Востоке ничего общего с так называемым у нас воспитанием. Напротив, педантами и неблаговоспитанными здесь как раз и считают люди ученых. В этом общественном строе невежество, которое у нас почти всегда отталкивает человека в низший слой общества, там, наоборот, есть существенное условие великих дел великой оригинальности.

Мало также вероятия, чтоб Иисус знал по-гречески. Этот язык был слабо распространен в Иудее, за исключением правящих классов и населенных язычниками городов, как, например, Кесарея. Обычным языком Иисуса было смешанное с еврейским сирийское наречие, на котором тогда говорила Палестина. Еще менее оснований думать, чтоб он был знаком с греческой культурой. Греческая наука была в большом гонении у палестинских учителей, которые за одно проклинали «того, кто разводит свиней, и того, кто учит сына греческой премудрости». Во всяком случае, эта наука не проникала в такие маленькие городки, как Назарет. Конечно, несмотря на анафему ортодоксов, были в то время и такие иудеи, которые уже восприняли и усвоили себе греческую культуру. Не говоря об иудейской школе Египта, где еще за двести лет перед тем делались попытки к слиянию эллинизма с иудаизмом, один еврей, Николай Дамасский, в эту именно эпоху считался одним из самых замечательных, самых ученых, самых влиятельных людей своего века. Вскоре за тем Иосифу Флавию суждено было представить другой пример еврея, совершенно эллинизированного. Но Николай был евреем разве только по происхождению, а Иосиф заявляет, что он составлял между соотечественниками исключение, и вся иудейская школа Египта, считавшаяся ересью, отделилась от Иерусалима в такой степени, что мы не находим о ней ни малейшего упоминания ни в Талмуде, ни в еврейском предании. Несомненно лишь одно, что в Иерусалиме греческий язык тогда изучали

мало, что греческую науку находили опасною, что занятие ею считалось пристойным для рабов или для суетной красоты женщин. Одно лишь изучение Закона считалось почтенным и достойным серьезного мужа. Один ученый раввин на предложенный ему вопрос, когда всего приятнее учить детей «греческой мудрости», отвечал: «в тот день и час, когда нет ни дня, ни ночи; как сказано о законе: изучай его днем и ночью».

Итак, ни прямым, ни косвенным путем ни один элемент эллинской культуры не достиг Иисуса. Вне науки иудаизма он ничего не знал; его ум сохранил ту простодушную наивность, которая всегда ослабляется обширным и многосторонним образованием. Даже в самой сфере иудаизма он остался чужд многих таких стремлений, которые шли почти параллельно с его собственными. Так, ему совершенно не известны были, с одной стороны, аскетизм ессеев и терапевтов, с другой – превосходные теории религиозной философии, созданные иудейской школой Александрии, гениальным представителем которой был в его время Филон. Встречающиеся на каждом шагу черты сходства между ним и Филоном, эти прекрасные изречения о любви к Богу, о человеколюбии, об успокоении в Боге, которые в сочинениях знаменитого александрийского мыслителя звучат отголоском евангелий, легко объясняются одинаковым направлением возвышенных умов, которое обуславливалось господствующим духом времени.

К счастью для него, он столь же мало был знаком и с уродливой схоластикой, которая преподавалась в иерусалимских синагогах, и из которой скоро вышел талмуд. Если, может быть, и случалось некоторым фарисеям заносить ее в Галилею, то он не прислушивался к их проповеди, а когда впоследствии ему пришлось столкнуться с этой пустой казуистикой, то она внушила ему только отвращение. Можно, впрочем, думать, что учение Гиллеля было ему неизвестно. Гиллель за пятьдесят лет до Иисуса высказывал афоризмы, во многом сходные с Иисусовыми. По своей кротости, своему равнодушию к мирским благам, мягкости

характера и по нападкам своим на лицемеров и первосвященников Гиллель был прямым учителем Иисуса, если только можно говорить об учителе у человека столь высоко оригинального.

Гораздо большее влияние имело на него чтение Ветхого Завета. Канонические священные книги распались на две главные части: Закон, т. е. Пятикнижие, и Пророки в том виде, в каком мы знаем их теперь. Обширная аллегорическая экзегетика работала над всеми этими книгами и старалась извлечь из них то, чего в них не было, но что отвечало упованиям данной эпохи. Закон, представлявший не древние постановления страны, а скорее несбыточные утопии, фантастические предписания и благочестивые подделки, относившиеся ко времени царей пиетистов, сделался неисчерпаемым источником для самых хитрых толкований с тех пор, как нация лишилась самостоятельности. Что касается пророчеств и псалмов, то сложилось убеждение, что в этих книгах каждое сколько-нибудь темное таинственное выражение относилось к Мессии, и в нем прежде всего искали тип, который должен был осуществить все национальные надежды. Иисус разделял общее влечение к этим аллегорическим толкованиям, но вместе с тем, и истинная поэзия Библии, которой наивные иерусалимские толкователи совершенно не замечали, была открыта его могучему духу. Закон, по-видимому, не имел в глазах его особенного обаяния; он был убежден, что мог бы и сам дать в этом роде нечто лучшее; но религиозная поэзия псалмов как нельзя более отвечала его мягкой, лирической душе; эти священные песни в течение всей его жизни служили ему духовной пищей и ободрением. Пророки, особенно Исаия и его продолжатели в эпоху вавилонского пленения с их пламенным красноречием, с их грезами о светлом будущем, с их негодующими обличениями, которые смягчались пленительными образами, сделались его истинными наставниками. Он без сомнения читал также многие из апокрифов, тех довольно уже поздних сочинений, авторы которых для придания им авторитета, составлявшего монополию только

самых древних писателей, прикрывали свои произведения именем какого-нибудь пророка или патриарха. Одна из этих книг особенно поражала его; это была книга Даниила. Написанная неведомым еврейским энтузиазмом времен Антиоха Епифана и освященная известным именем древнего мудреца, книга эта была как бы эхом Израиля за последнее время. Ее автор, истинный творец философии истории, первый имел смелость взглянуть на историческую эволюцию и на смены царств, как на явления, подчиненные судьбам еврейского народа, Иисус был с детства проникнут этим высоким упованием. Возможно, что ему знакомы были также книги Еноха, пользовавшиеся тогда авторитетом наравне со священным писанием, и другие книги в этом же роде, столь сильно возбуждавшие народное воображение. Пришествие Мессии во всей его славе и одновременно столь страшное, народы, низвергающиеся один за другим в бездну, конечное разрушение неба и земли, – все это беспрестанно рисовалось его фантазии; а так как все эти перевороты считались очень близкими, и множество людей высчитывали срок их наступления, то область сверхъестественного, в которой постоянно витали благодаря подобным видениям его мысли, стала казаться ему совершенно натуральною и простою.

Как ложны были его представления о тогдашнем мире видно на каждом шагу из подлинных его речей. Ему мир представляется еще разделенным на царства, которые ведут между собою войны; он, по-видимому, ничего не знает ни о «римском мире», ни о новом состоянии общества, которым был славен его век. О могуществе Империи он не имел никакого определенного понятия. До него дошло одно только имя «Кесарь». Он видел, как строились в Галилее или ее окрестностях: Тивериада, Иулиада, Диокесарея, Кесарея, пышные сооружения иродов, старавшихся этими великолепными постройками выразить свое восхищение перед римской цивилизацией и свою преданность членам фамилии Августа; ныне, по странному капризу судьбы, искаженные имена этих городов служат названиями ничтожных

бедуинских поселков. Он знал, вероятно, что Себасту, создание Ирода Великого, показной город, развалины которого имеют такой вид, точно все эти украшения были привезены сюда совершенно готовыми, и их оставалось только расставить на месте, как декорации. Эта архитектура тщеславия, привезенная в Иудею из заморских стран, эти сотни колонн, все одного диаметра, годные для украшения разве какой-нибудь пошлой «улицы Риволи», – вот что он называл «царствами мира его и всей их славой». Эта роскошь, созданная по заказу, это казенное искусство были ему не по душе. Он гораздо более любил свои галилейские деревни, где беспорядочно перемешивались хижины, хозяйственные постройки, высеченные в скалах, виноградные тиски, колодцы, гробницы, фиговые и масличные сады. Он держался всегда ближе к природе. Царский двор представлялся ему наполненным придворными, разряженными в дороге, блестящие платья. Милые несообразности, которыми изобилуют его притчи, как только на сцене появляются цари или сильные мира сего, доказывают, что аристократическое общество он представляет себе как деревенский юноша, который смотрит на «свет» сквозь призму своей наивности.

Еще менее знакомо было ему важное завоевание греческой науки, эта основа всякой философии, вполне подтверждаемая всем современным знанием: идея, заключавшаяся в отрицании сверхъестественных сил, которым простодушная вера древнейших времен приписывала управление вселенной. Почти за сто лет до него Лукреций превосходно формулировал идею незыблемости общего закона природы. Отрицание чудес, мысль, что все в мире происходит согласно естественным законам, нарушить которые никакие высшие существа не могут, – эта мысль тогда была уже общим достоянием великих школ во всех странах, познакомившихся с греческой культурой. Быть может, не чужда она была даже Вавилону и Персии. Но об этих завоеваниях науки Иисус ничего не знал. Несмотря на то, что он родился в эпоху, когда уже провозглашен был принцип положительного знания, однако ж, он жил в области сверхъестественного.

Может быть, никогда еще не была в евреях так сильна жажда к чудесному. Даже Филон, живший в крупном центре тогдашнего интеллектуального мира и получивший очень широкое образование, не чужд самых вздорных и низкопробных суеверий.

Иисус ничем не отличался в этом отношении от своих земляков. Он верил в дьявола, которого считал каким-то гением зла, и вместе со всеми воображал, что нервные болезни являются делом демонов, которые овладевают больным и волнуют его. Чудесное не казалось ему исключением; оно было для него нормальным. Понятие о сверхъестественном и о его невозможности является на свет лишь со дня рождения экспериментального естествознания. Кто не имеет никакого понятия о физике, кто думает, что молитвою можно изменить движение облаков, остановить болезнь и саму смерть, тот не видит в чудесах ничего особенно странного, потому что весь мировой порядок кажется ему зависящим от произвола Божества. Такое умственное состояние было для Иисуса постоянным. Но на его великую душу эти верования производили действие совершенно обратное тому, какое они имеют на рядовых людей. У последних вера в непосредственное вмешательство Божие обыкновенно вызывает простодушное легкоеверие и шарлатанские плутни. У него, напротив, она выражалась в глубоком сознании самых близких отношений человека к Богу и в преувеличенном благодаря этому доверии к могуществу человека, — дивная ошибка, таившая в себе источник его силы! Ибо если она и должна была со временем повредить ему в глазах физика и химика, то она давала ему над современниками такую власть, какую не обладал еще ни один смертный ни до, ни после него.

Уже в раннем возрасте обнаружился его оригинальный характер. Легенда с удовольствием повествует о том, как он еще двенадцатилетним отроком восстал против родительской власти и как ради своего призвания не задумался свернуть с проторенного пути. Положительно известно, по крайней мере, то, что родственные отношения имели для

него мало значения. В своей семье он, по-видимому, не пользовался любовью, а по временам и сам бывал к ней не слишком нежен. Иисус, как и все люди, преданные исключительно своей идее, ни во что не ставил кровные узы. Единственная связь, которую признают такие натуры между людьми, это идейная связь. «Вот мать моя и братья мои, – говорил он, указывая на своих учеников, – ибо кто будет исполнять волю отца моего небесного, тот мне брат, и сестра, и мать». Простодушная толпа не могла понять этого, и однажды, говорят, какая-то женщина, проходя мимо него, воскликнула: «Блаженно чрево, носившее тебя, и сосцы, тебя питавшие!» – «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его!» – ответил он на это. Скоро в этом смелом отрицании природы он должен был сделать еще шаг вперед; и мы увидим, как он потом отвергнет все земное, узы крови, любовь, отчизну, и не оставит в душе места ничему, кроме идеи, представлявшейся ему в абсолютной форме добра и истины.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мир идей, в котором развивался Иисус.

Как застывшая земля уже не позволяет вскрыть механизм первоначального творения вследствие того, что проникавший ее огонь давно погас, точно так же и самые продуманные объяснения всегда оказываются в чем-нибудь неудовлетворительны, когда дело идет о применении наших скромных методов анализа к переворотам творческих эпох, определивших судьбы человечества.

Иисус жил в один из тех моментов, когда социальная борьба ведется, так сказать, в открытую, когда общественный деятель бросает на карту ставку, увеличенную во сто крат. В эти моменты каждый, взявший на себя ответственную роль, рискует жизнью, ибо подобные движения предполагают такой размах, такое отсутствие всякой предосторожности, которые немислимы без страшного по силе противовеса. Теперь человек рискует немногим, но и выигрывает немного.

Грандиозная мечта в течение многих веков жила в еврейском народе, она и обновляла его всегда в моменты падения. Чуждая теории о личном возмездии, известной в Греции под именем бессмертия души, Иудея всю силу любви и упований сконцентрировала на своем национальном будущем. Она верила, что божественным промыслом ей уготована безграничная слава. Но горькая действительность уже с IX-го столетия до Р. Х. все более и более сурово напоминала евреям, что царство мира сего еще не отошло в вечность; они все яснее и яснее убеждались в полном крушении всех своих надежд, – и вот, в отчаянии мысль их стремится сочетать самые непримиримые идеи, бросается в область самых экстравагантных фантазий. Еще до вавилонского пленения, когда земному господству Иудеи был

нанесен окончательный удар отделением от нее северных колен, родилась мечта о восстановлении дома Давидова, о воссоединении обеих частей народа, о грядущем торжестве теократии и о победе культа Иеговы над языческими религиями. Великий поэт эпохи пленения рисовал в столь дивных красках великолепие будущего Иерусалима, обратившего самые отдаленные народы и острова в своих данников, что можно думать, будто луч света из глаз Иисусовых проник в его душу через расстояние целых шести веков.

Победа Кира казалась некоторое время осуществлением всех этих надежд. Степенные почитатели Авесты с одной стороны, и поклонники Иеговы – с другой, возомнили себя братьями. Персия, изгнав многочисленных «дэвов» и превратив их в демонов («дивов»), кое-как выработала из древних арийских фантазий, по существу своему натуралистических, нечто похожее на монотеизм. Пророческий тон многих учений Ирана имел большое сходств с некоторыми произведениями Осии и Исаии. Под скипетром Ахеменидов Израиль вздохнул свободнее, а в царствование Ксеркса (Асура библии) стал страшен для самих иранцев. Но торжествующее и зачастую насильственное вторжение в Азию цивилизации греческой и римской снова повергло его в мечтания. Теперь более чем когда-либо он стал призывать Мессию, – судью и мстителя народов. Он жаждал теперь всемирного обновления, переворота, который поколебал бы мир в самых коренных его основах и всколыхнул бы его из конца в конец; лишь этого было достаточно еврею для утоления той страшной жажды мести, которую постоянно разжигало в нем ярмо унижения и сознание своего превосходства.

Лишь только Иисус начал мыслить, как сейчас же вступил в жгучую атмосферу, созданную в Палестине брожением этих идей, которые не преподавались ни в одной школе, но носились в воздухе, и душа юного реформатора уже с раннего возраста прониклась ими. Свойственные нашему времени колебания и сомнения были ему неведомы. Конечно, Иисус раз двадцать сиживал на вершине Назаретской горы, где ни один современный человек не может сидеть,

не чувствуя в душе какого-то тревожного раздумья о своей жизни, иногда довольно-таки пустой. Но Иисуса здесь не осаждали никакие сомнения. Свободный от эгоизма, главного источника наших печалей, настойчиво заставляющего нас искать выгоды для нашей добродетели по ту сторону могилы, – он не думал ни о чем, кроме своего великого дела, кроме своего народа и всего человечества. Эти горы, это море, это лазурное небо, эти высокие равнины на горизонте были для него не скорбным признаком, каким они представляются душе, вопрошающей природу о своей участи, нет – для него они были определенным символом, видимым отражением невидимого мира и новых небес.

Политическим событиям своего времени Иисус никогда не придавал большого значения и, вероятно, был с ними мало знаком. Династия Иродов жила в мире, настолько для него чуждом, что он, без сомнения, знал ее только по имени. Ирод Великий умер в самый год рождения Иисуса, оставив после себя неизгладимую память, – монументы, которые своим величием должны были принудить даже самое неблагоприятное к нему потомство поставить его имя наряду с Соломоном, которые, тем не менее, остались незаконченными, и закончить которые было невозможно. Этот тщеславный светский человек, запутавшийся в лабиринте религиозных распрей, этот хитрый Идумеянин обладал перед толпою слепых фанатиков теми выгодами, которые дают хладнокровие и ум, не сдерживаемые никаким нравственным чувством. Но его мечта о земном царстве Израиля, если бы она даже и не была анахронизмом при тогдашнем состоянии мира, – точно так же, как и аналогичный проект Соломона, – разбилась бы о препятствия, лежавшие в самом характере нации. Его три сына были не более как римскими наместниками, вроде индийских раджей под владычеством англичан. Антипатр или Антипа, тетрарх Галилеи и Перей, подданным которого Иисус оставался всю жизнь, был ленивым ничтожеством, любимцем и угодником Тиверия, слишком часто поддававшим дурному влиянию своей второй жены Иродиады. Филипп, тетрарх

Гавлонитиды и Васаны, по владениям которого нередко странствовал Иисус, был гораздо более достойным правителем. Что касается Архелая, правителя Иерусалимского, то Иисус не мог его знать. Ему было около десяти лет от роду, когда этот слабый, бесхарактерный, а иногда свирепый человек был смещен Августом. Таким образом, для Иерусалима исчезли последние признаки самостоятельности. Вместе с Самарией и Идумеей Иудея образовала как бы род округа сирийской провинции, где императорским легатом был сенатор и весьма известный консул Публий Сульпиций Квириний. Целый ряд римских прокураторов – Копоний, Марк Амбивий, Анний Руф, Валерий Грат и, наконец, Понтий Пилат (в 26 г. нашей эры), – подчиненных в важнейших вопросах императорскому легату Сирии, сменяются здесь один за другим, пытаясь разрешить все ту же задачу: потушить вулкан, сотрясавшийся под их ногами.

В самом деле, беспрестанные мятежи, возбуждаемые ревнителями Моисеева закона, продолжали возмущать Иерусалим все это время. Мятежникам угрожала неизбежная гибель; но раз дело шло о незыблемости закона, смерть представлялась вожделенной наградой. Низвергнуть римских идолов, разрушить памятники искусства, созданные Иродами иногда с нарушением Моисеевых уставов, поднять мятеж из-за выставленных прокуратором щитов с гербами, надписи на которых представлялись идолопоклонническими – таковы были постоянные усилия фанатиков, дошедших до той степени экзальтации, при которой жизнь теряет всякую ценность. Так, Иуда, сын Сарифея, и Матфей, сын Маргалота, два очень известных законоучителя, образовали партию, смело восставшую против существующего порядка, партию, продолжавшую борьбу и после их казни. Самаритяне были охвачены такими же волнениями. Кажется, никогда еще закон не находил такого множества пламенных поклонников, как в момент, когда уже народился тот, кто явился отменить его всей властью своего гения и своей могучей души. Стали появляться «зелоты» (Канаим) или «сикарии», благочестивые убийцы, вменявшие себе в

обязанность умерщвлять всякого, кто нарушал в глазах их Закон. Благодаря непреодолимой потребности этой эпохи в сверхъестественном и божественном, пользовались общим доверием и представители совершенно иного духа, тауматурги-волхвы, на которых взирали как на каких-то богоподобных существ.

Несравненно большее влияние оказало на Иисуса движение, поднятое Иудой Гавлонитом или Галилеянином. Из всех тягостей, возлагаемых Римом на вновь покоренные страны, самой непопулярной был ценз или имущественная перепись. Эта мера, которая всегда изумляет народности, не привыкшие к налогам, устанавливаемым центральной властью, была особенно ненавистна евреям. Уже в царствование Давида мы видим, что перепись вызвала резкие осуждения и угрозы со стороны пророков. В самом деле, перепись была основанием налога; а налог, с точки зрения чистой теократии, был почти богопротивным делом. Бог есть единственный господин, которого человек должен признавать, и потому платить подать светскому правителю, значит, некоторым образом ставить его на место Божие. Совершенно чуждая идее государства еврейская теократия из своей исходной точки делала вполне логичные конечные выводы, отвергая гражданское общество и какое бы то ни было правительство. Деньги в общественных кассах считались крадеными. Объявленная в 6-м году христианской эры Квиринием перепись дала новый сильный толчок этим идеям и вызвала широкое волнение. Восстание началось в северных провинциях. Некто Иуда из города Гамалы на восточном берегу Тивериадского озера и один фарисей по имени Садок, отвергая законность податей, создали многочисленную партию, которая вскоре подняла открытое восстание. Основными положениями этой школы провозглашалось, что свобода выше жизни и что никого не следует называть «Господом», ибо это имя принадлежит одному только Богу. Без сомнения, Иуда проповедовал не только это, о чем, однако, Иосиф Флавий, старающийся всегда не скомпрометировать репутацию своих единоверцев, намеренно

умалчивает; ибо иначе непонятно, почему столь элементарная идея дает ему в глазах еврейского историка место среди философов его нации и почему он оказывается основателем четвертой великой школы, параллельной школам фарисеев, саддукеев и ессеев. Очевидно, Иуда был главою галилейской секты, исповедовавшей мессианство и, в конце концов, поднявшей политическое движение. Прокуратор Копоний подавил восстание Гавлонита; но школа его уцелела и сохранила своих вождей. Под предводительством сына Иуды, Менахема, и некоего Елеазара, его родственника, она снова принимает деятельное участие в последней борьбе евреев с римлянами. Иисус, быть может, сам видел этого Иуду, столь отлично от него понимавшего еврейскую революцию; во всяком случае, он был знаком с его школой и, быть может, даже протестуя против его заблуждения, он и произнес свой знаменитый афоризм о динарии кесаря. Мудрый Иисус, далекий от всякого мятежа, воспользовался ошибкой своего предшественника и мечтал об ином царстве, ином освобождении.

Чарующая природа способствовала образованию в Галилее монотеизма гораздо менее, если смею так выразиться, терпкого, придававшего всем ее мечтам прелестный, идиллический отпечаток. Трудно представить себе что-нибудь угрюмее смежных с нею окрестностей Иерусалима. Напротив, Галилея, утопающая вся в зелени, в тени, радостно улыбающаяся, – поистине страна Песни песней, страна песнопений Возлюбленного. В марте и апреле поля представляют сплошной ковер цветов, краски которых поражают несравненной свежестью. Туземные животные малорослы и чрезвычайно кротки. Легкие, резвые горлицы, сизые дрозды так воздушны, что под ними не гнется даже трава, хохлатые жаворонки садятся чуть ли не у самых ног путника, маленькие речные черепахи с блестящими кроткими глазами, аисты со стыдливым и важным видом ничуть не пугаются человека и подпускают его так близко, что кажется, словно манят его за собой. Нигде в мире горный пейзаж не ласкает так взора, вызывая в душе человека рои

самых возвышенных дум. Иисус, по-видимому, особенно любил горы. Важнейшие события его божественного поприща совершаются на горах; здесь чаще всего снисходит на него вдохновение, здесь он ведет тайные беседы с древними пророками, здесь же пред учениками совершается и его «преображение».

Эта прелестная страна, благодаря страшному опустошению, произведенному исламом, имеет ныне унылый и печальный вид, и лишь местами, где человеческая рука пощадила ее, она все еще дышит привольем, тишиною и негой. Во времена Иисуса она цвела благосостоянием и весельем. Галилеяне отличались энергией, мужеством, трудолюбием. За исключением одной Тивериады, выстроенной (около 15 года) Антипой в честь Тиверия в римском стиле, больших городов в Галилее не было. Тем не менее, страна была заселена очень густо; покрытая маленькими городками и большими деревнями, она была повсюду тщательно возделана. По развалинам, остаткам ее прежнего блеска, можно судить, что страна эта принадлежала земледельческому народу, не одаренному художественным чутьем, мало заботившемуся о роскоши, совершенно равнодушному к красоте форм и отдавшемуся идеализму. Страна изобиловала свежей водою и плодами; более значительные фермы утопали в тени виноградников и смоковниц; сады почти сплошь состояли из яблонь, ореховых и гранатовых деревьев. Вино было превосходно, – если судить по вину нынешний сафедских евреев, – и пили его много. Но эта привольная и легкая жизнь отнюдь не сводилась ни к тупому материализму нашего крестьянина, ни к грубому веселью Нормандии, ни к тяжелому шутовству фламандцев. Она одухотворялась эфирными мечтами, своеобразным поэтическим мистицизмом, сливающим небо с землею. Пусть суровый Иоанн Креститель проповедует покаяние в иудейской пустыне, питаясь саранчой, живя с шакалами, – но чего ради будут поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Радость – удел каждого в царствии Божиим. И разве она не дитя всех кротких сердцем и чистых помыслами.

Таким образом, вся история возникновения христианства рисуется какой-то идиллией. Мессия на брачном пиршестве; грешница и добродетельный мытарь Закхей на его торжествах – званые гости; основатели царства небесного в виде свадебных поезжан – вот на что дерзнула Галилея, вот что она допускала. Греция в скульптуре и в поэзии оставила миру дивные картины человеческой жизни, но они лишены всегда широкой перспективы, обширных горизонтов. В Галилее не было ни мрамора, ни искусных художников, ни изощренного языка, зато галилейское народное творчество возвысилось до создания величайшего в мире идеала, – ибо за этой идиллией чувствуется потрясение судеб человеческих, и озаряющий ее свет есть солнце царствия Божия.

Иисус жил и созревал в этой очаровательной среде. С детства он почти каждый год отправлялся в Иерусалим на праздники. Такие путешествия для провинциальных евреев были торжеством, полным прелестей. Целый ряд псалмов был посвящен восхвалению этих семейных странствований, продолжавшихся несколько дней; паломники пускались в путь весною через горы, холмы и долины, находясь под впечатлением благоговейного страха, внушаемого святыми местами, радости общения с братьями, предвкушая великолепие Иерусалима. Маршрут Иисуса в этих странствованиях был тот же самый, что и ныне, то есть через Гиннею и Сихем. От Сихема до Иерусалима дорога труднее, но бодрость духа поддерживается в путнике мыслью о соседстве древних святынь: Силоамской купели и Вефиля, мимо которых лежит его путь. Последний этап Аин-эль-Харамие, уголок, навевающий на душу грусть и вместе с тем полный очарования; ни с чем нельзя сравнить впечатление, которое испытывает здесь путник, располагаясь на ночлег. Долина узкая и мрачная; черная вода течет из скал с высеченными в них гробницами. Надо думать, что это – та самая «долина плача» или сочащихся вод, воспетая как перепутье в чудном 84-м псалме, которую впоследствии обратил в эмблему жизни нежный, печальный мистицизм средних веков. На другой день, рано утром, путники будут

в Иерусалиме. Это ожидание еще и теперь ободряет караван. Короткий вечер миновал, и легкий сон смежил очи усталых паломников.

Эти путешествия, способствуя обмену идей всей нации и ежегодно превращая столицу в очаг сильнейшего возбуждения, приводили Иисуса в соприкосновение с душою его народа и, без сомнения, уже довольно рано внушили ему сильнейшее отвращение к тем порокам, которыми отличались официальные представители иудаизма. Иные утверждают, что пустыня была для него второй школой, и что будто бы иногда он долго проживал в ней. Но Бог, которого он находил здесь, был не его Бог. Это был, скорее всего, Бог Иова, – суровый и грозный, не ведающий ни для кого прощения. Порою сатана пытался здесь искушать его. Тогда он возвращался в свою милую Галилею, и здесь среди зеленеющих гор и светлых источников, среди хороводов детей и женщин, которые с весельем в душе, с ангельскими песнями в сердце ждали спасения Израиля, находил своего Отца Небесного полного любви и милости.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первые изречения Иисуса. – Его идеи о Боге-отце и истинной религии. Первые ученики.

Иосиф умер, когда сын его еще не играл никакой общественной роли. Мария осталась таким образом главою семьи, и этим-то объясняется, почему Иисуса называли «сыном Марии» в отличие от многих других, носивших то же имя. Есть основание думать, что по смерти мужа, ничем не связанная более с Назаретом, она переселилась в Кану, уроженкой которой, вероятно, и была. Канна маленький городок в двух или двух с половиной часах пути от Назарета; у подножья гор, прорезающих с севера равнину Азохис. Вид этой равнины, пересекаемой чрезвычайно живописно Назаретскими горами и Сефоризскими холмами, менее величествен, чем вид Назарета. В этом местечке Иисус, по-видимому, провел некоторое время. Здесь, вероятно, прошла часть его молодости, и тут имели место первые его выступления.

Иисус продолжал ремесло своего отца, который был плотником. Это не считалось унижительным для того времени. Еврейский обычай требовал, чтобы человек, посвятивший себя умственному труду, изучил какое-нибудь ремесло. Самые знаменитые ученые были ремесленники; так, Павел, получивший столь блестящее образование, делал палатки и ковры. Иисус не был женат. Вся сила его любви устремлялась на то, что он считал своим высшим призванием. Чрезвычайно нежное чувство, которое заметно в нем по отношению к женщинам, нисколько не отделялось в нем от безграничного самоотвержения, с которым он относился к своей идее. Так же как и Франциск Ассизский, и Франциск Сальский он относился как к сестрам к женщинам, которые горели пламенем той же идеи, что и он; он имел и свою

св. Клару, и свою Франсуазу Шанталь. Вероятно только, что они любили больше его, чем дело; он был, несомненно, сильнее любим, чем любил сам. Как часто бывает с натурами возвышенными, сердечная нежность обратилась у него в безграничную мягкость, в неопределенную поэтичность, во всеобщую обаятельность.

Конечно, не сразу пришел Иисус к высокому самоутверждению, что он сын Божий. Но, вероятно, что отношения его к Богу с первых же шагов представлялись ему отношениями сына к отцу. В этом величайшая его оригинальность: в этом он нисколько не принадлежит своей расе. Ни иудей, ни мусульманин не понимали этой прекрасной теологии любви. Бог Иисуса это – не владыка, одаренный силою рока, который убивает нас, осуждает на вечные муки или спасает по своему произволу. Бог Иисуса – наш Отец. Его услышишь, внемля легкому дуновению, которое вызывает в нас: «Авва, Отче»! Бог Иисуса – не пристрастный деспот, избравший Израиля своим народом и покровительствующий ему против и вопреки всем. Это – Бог человечества. Иисус не мог быть патриотом, как маккаеи, или теократом, как Иуда Гавлонит. Смело поднявшись над предрассудками своего народа, он утвердил всеобщую отчизну по богу. Гавлонит говорил, что лучше умереть, чем называть «Господом» кого-либо, кроме Бога; Христос предоставляет это имя всякому, кто захочет им воспользоваться; для Бога же он оставляет более благостное имя. Охотно воздавая внешнее почтение, полное иронии, сильным мира сего, которые для него – лишь представители насилия, он создает высшее утешение, прибежище к Отцу, которое всякий имеет на небе, истинное царство Божие, которое каждый носит в своем сердце. Название «царства божьего» или «царства небесного» было любимым выражением Иисуса для обозначения той революции, которую он приносит в мир. Как и все почти мессианские термины, это выражение заимствовано из книги Даниила. По словам автора этой необыкновенной книги, вслед за четырьмя нечестивыми царствами, обреченными на гибель, придет пятое, вечное царство

«святых». Это «царство божие на земле», естественно, подало повод к самым различным толкованиям. Для многих это было царство Мессии или нового Давида; с точки зрения иудейского богословия «царство божие» – не что иное, как сам иудаизм, истинная религия, монотеистический культ, благочестие. В последние дни своей жизни сам Иисус, по-видимому, думал, что царство это должно осуществиться материально путем внезапного обновления мира. Но, без сомнения, не такова была его первоначальная мысль. Достойная удивления мораль, которую он черпает из познания Бога-Отца, не есть мораль энтузиастов, которые думают, что мир близок к концу, и, отдаваясь аскетизму, готовятся к химерической катастрофе: это мораль мира, который хочет жить и живет. «Царство Божие среди вас», – говорил он тем, кто усердно старался найти признаки его будущего пришествия. Реальное понимание божественного пришествия было лишь облачком, случайной недолговременной ошибкой, которую смерть заставила забыть. Иисус, создавший истинное царство Божие, царство смиренных и кротких, – таков Иисус первых светлых, ничем не омраченных дней его жизни, когда голос Отца его находил себе чистейший отзвук в груди его. Было таких несколько месяцев, быть может, год, когда Бог действительно сошел на землю. Голос молодого плотника зазвучал вдруг с необычайной прелестью. Безграничная обаятельность исходила из всего его существа, и те, кто видел его раньше, не узнавали его теперь. У него не было еще учеников, и группа, его окружавшая, не представляла ни секты, ни школы; но здесь чувствовался уже общий дух, нечто проникновенное и обаятельное. Его приветливый характер и, вероятно, обольстительная наружность, какая иногда встречалась в еврейской расе, создавали вокруг него какой-то очаровательный круг, волшебной силы которого не мог преодолеть почти никто из среды этих добродушных и наивных племен.

И рай действительно сошел бы на землю, если бы идеи молодого учителя не слишком превзошли тот уровень посредственной добродетели, выше которого не мог до сих

пор подняться род человеческий. Братство людей, сынов божиих, и приистекающие отсюда моральные последствия были введены с необычайно тонким чутьем. Как и все раввины того времени, Иисус, мало склонный к последовательным рассуждениям, облакал свое учение в форму кратких, выразительных, иногда загадочных и причудливых афоризмов. Некоторые из этих правил заимствованы из книг Ветхого Завета. Другие принадлежали новейшим ученым, особенно Антигону из Соко, Иисусу – сыну Сирахову и Гиллелю; последние дошли до Иисуса не вследствие его ученых изысканий, но как часто повторяемые пословицы. Синагога была богата правилами, чрезвычайно удачно сформулированными и составлявшими своего рода ходячую литературу пословиц. Иисус усвоил себе почти все это устное учение, вдохнув в него, однако, новый высший смысл. Ставя требования выше обычных правил, определенных законом и древними обычаями, он стремился к совершенству. В этом первом учении заключались в зародыше все добродетели, которые можно по справедливости назвать христианскими лишь в том смысле, что они действительно проповедовались Христом: и кротость, и всепрощение, и милосердие, и самоотречение, и самоуничтожение. Что касается справедливости, то он ограничился повторением уже известной аксиомы: «Итак, во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Но эта старая мудрость, еще в достаточной степени эгоистическая, не удовлетворяла его. Он доходил до крайности:

«Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду».

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя».

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

«Не судите, да не судимы будете. Прощайте и прощены будете. Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд. Блаженнее давать, нежели принимать».

«Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится».

Что касается милостыни, благочестия, добрых дел, кротости, миролюбия, полного бескорыстия сердечного, то Иисусу немного пришлось прибавить к учению синагоги. Но он придал его содержанию столько умилительной, благодатной силы, что афоризмы, давно известные, сделались как бы новыми. Мораль не исчерпывается принципами более или менее удачно выраженными. Поэзия поучения, внушающая преданность ему, есть нечто большее, чем самое учение, взятое в виде отвлеченной истины. И потому невозможно отрицать, что те же правила имеют иную силу в Евангелии, чем в древнем Законе или в Талмуде. Не древний Закон, не Талмуд покорили и изменили мир. Мораль Евангелия, мало оригинальная сама по себе в том смысле, что всю ее почти целиком можно было бы сложить из правил более древних по своему происхождению, тем не менее, остается высшим творением человеческого духа, прекраснейшим из кодексов совершенной истины, начертанных когда-либо моралистами.

Иисус никогда не восставал против закона Моисеева, но чувствуется ясно, что он считает его недостаточным, и это обнаруживается из его собственных слов. Он непрестанно повторял, что должно делать больше, чем говорили древние ученые. Он запрещал малейшую грубость, он не допускал развода и клятв, осуждал месть, хулил ростовщичество и находил сладострастное вождение равно преступным, как и прелюбодеяние. Он требовал всеобщего прощения обид. Мысль, на которой он основывал эти правила высшей нравственности, была всегда одна и та же: «...Да будете сынами Отца вашего небесного, ибо он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми... Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный».

Чистое почитание, религия без жрецов и без внешних обрядностей, основанная всецело на чистом сердце, на подражании, на непосредственном общении совести с Отцом небесным – таковы следствия этих правил. Иисус никогда не отступал перед этим смелым выводом, делавшим его истинным революционером в лоне иудаизма. К чему посредники между человеком и его отцом? Бог видит одно сердце; к чему же все эти очищения, все обряды, касающиеся только тела? Само предание, столь священное у иудеев, – ничто в сравнении с чистым чувством. Лицемерие фарисеев, которые, молясь, оборачивали голову, чтобы узнать, видят ли это люди, – которые творили милостыню напоказ и накладывали на свои одежды особые знаки, чтобы отличить себя, как людей благочестивых, – все эти кривлянья ложной добродетели вызвали в нем негодование. – «Они уже получают награду свою, – говорил он. – У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтоб милостыня твоя была втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. И когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А, молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него».

Сам Иисус не обнаруживал никаких внешних признаков аскетизма, ограничиваясь молитвой или, вернее, размышлением на горах и в уединенных местах, где всегда человек искал бога. Это высшее понимание отношений человека к Богу, которое и после него могли воспринять лишь очень немногие, – выливалось у него в одну молитву, составленную им из фраз, бывших в ходу у иудеев и до него, и преподанную им своим ученикам.

«Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». В особенности он настаивал на той мысли, что Отец небесный лучше нас знает, что нам нужно, и что просить у него нечто определенное есть почти богохульство.

Здесь Иисус сделал лишь выводы из великих принципов, выставленных иудаизмом уже ранее, которые, однако, официальные классы стремились все больше и больше забыть. Греческая и римская молитва почти всегда носила в себе пятнающие ее черты эгоизма. Никогда языческий жрец не говорил верующему: «Если ты принесешь дар свой к жертвеннику и вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и прежде помирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой». Только иудейские ветхозаветные пророки, особенно Исая, в своей ненависти к жертвоприношению провидели истинную природу почитания, которым человек обязан Богу. – «К чему мне множество жертв ваших? – говорит Господь. – Я пресыщен всесожжениями овов и туком откормленного скота... Курение отвратительно для Меня... Ваши руки полны крови... Очиститесь. Удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло, научитесь делать добро... тогда придите». В последнее время некоторые из учителей, Симон праведный, Иисус, сын Сирахов, Гиллель почти постигли истинную суть Закона и объявляли, что, выражаясь коротко, она не что иное, как справедливость. В иудейско-египетском мире Филон одновременно с Иисусом пришел к идеям равной моральной высоты и святости и – как следствие этого – не придавал значения установленным обрядностям. Шемайя и Авталион неоднократно высказали себя весьма либеральными толковниками. А вскоре равви Иоханан поставил дела милосердия даже выше изучения Закона. Тем не менее, только Иисус выразил мысль с полной определенностью и силой.

Никто не был в меньшей степени жрецом, чем Иисус, зато никто не был и большим врагом внешних формальностей, задушивших религию под предлогом покровительства ей. В этом отношении мы все – его ученики и последователи; и этим он заложил вечные незыблемые основы истинной религии, и если роль религии в жизни человечества велика, то этим он вполне заслужил титул «божественного», присвоенный ему. С ним впервые пришла в мир одна идея, абсолютно новая, – идея благопочитания основанного на чистоте сердца и братства людей; идея настолько возвышенная, что христианской церкви пришлось впоследствии совершенно изменить мысли своего основателя, и даже в наше время найдется еще немного людей, способных следовать ей.

Тонкое понимание природы давало ему ежеминутно необходимую для речи выразительность образом. Афоризмы его иной раз поражают замечательной меткостью, – тем, что называется у нас остроумием, в других случаях удачное применение ходячих пословиц придает его речи необычайную живость. «Как скажешь брату твоему: дай, я выну сучок из глаза твоего; а вот в твоём глазе бревно? Лицемер, вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».

Эти поучения, долго таившиеся в душе молодого учителя, собрали теперь вокруг него несколько последователей. Образование небольших церквей было в духе того времени: это был век эссеев и терапевтов. То тут, то там появлялись равви, создававшие каждый свое учение: Шемайя, Авталион, Гиллель, Шаммаи, Иуда Гавлонит, Гамалиил и многие другие, поучения которых наполняют Талмуд. Писалось, собственно, очень мало: еврейские ученые того времени не составляли книг; все излагалось в устных беседах и публичных поучениях, которым старались придать легкую для усвоения форму. Таким образом, не был вовсе исключительным событием тот день, когда молодой плотник из Назарета впервые формулировал перед толпой свои правила, в большинстве уже известные, и которым, однако, суждено было призвать мир к возрождению. Стало

просто больше одним учителем (правда, это был самый обаятельный из них), и вокруг него сгруппировалось несколько молодых людей, жаждавших слушать его и стремившихся к неведомому. Для того чтобы преодолеть равнодушие людей и приковать к себе их внимание нужно время. В эту пору еще не было христиан; но истинный христианизм уже родился в свете и, без всякого сомнения, никогда он не был так чист, как в этот именно первый момент своей жизни, и ничего более прочного уже не мог к нему прибавить Иисус. И больше того: впоследствии он исказил его, ибо всякая идея для своего успеха в мире должна поступиться чем-либо: из жизненной борьбы не выходят без пятен.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Иоанн Креститель. – Путешествие Иисуса к Иоанну и его пребывание в пустыне Иудейской. – Крещение от Иоанна.

Около этого времени появился необыкновенный человек, роль которого за недостатком документов остается для нас отчасти загадочной, но несомненно, что он находился в сношениях с Иисусом. Эти отношения заставили молодого пророка из Назарета отклониться по некоторым вопросам от своего пути, но они же дали ему некоторые детали его будущих религиозных учреждений и, во всяком случае, доставили его ученикам очень сильный авторитет в глазах известного класса еврейского общества.

Около 28 г. нашей эры (15-й год царств. Тиверия) по всей Палестине распространилась весть о некоем Иоханне или Иоанне, молодом аскете, необыкновенно пылком. Иоанн принадлежал к священническому роду и родился, кажется, в Иутте, близ Хеврона, или в самом Хевроне. Хеврон, город патриархальный по преимуществу, расположенный в двух шагах от иудейской пустыни и в нескольких часах ходьбы от большой Аравийской пустыни, в ту эпоху был тем, чем является еще и теперь: одним из оплотов семитического духа в его самой строгой форме. С детства Иоанн был паси́'ом – Назареем Евангелия, т. е. дал обет воздержания. Пустыня, которой он был, так сказать, со всех сторон окружен, привлекала его прежде всего. Он вел там жизнь индийского йога, одетый в шкуры или материю из верблюжьей шерсти, питаясь акридами и диким медом. У него было несколько учеников, разделявших его жизнь и внимавших его суровой проповеди. Можно было подумать, что находишься на берегах Ганга, если бы некоторые своеобразные черты не обнаруживали в этом пустынноике последнего потомка великих пророков Израиля.

С момента, когда еврейским народом овладел особый род отчаяния, выразившийся в размышлениях о своем мистическом призвании, воображение народа с особенной радостью переносилось к древним пророкам. Однако из всех пророков прошлого, о которых, подобно сну тревожной ночи, пробуждала и волновала народ, самым великим был Илия. Этот исполин среди пророков в своем суровом одиночестве на Кармельской горе проводил жизнь среди диких животных и жил в пещерах между скал, откуда, подобно молнии, он появлялся, чтобы возводить и низлагать царей; благодаря последовательным превращениям, он сделался каким-то сверхчеловеческим существом, то видимым, то невидимым, не знавшим смерти. Верили, что Илия явится снова на землю и восстановит величие Израиля. Жизнь пустытника, которую вел Илия, грозные воспоминания, которые он по себе оставил и под впечатлением которых Восток живет еще и теперь, этот мрачный образ, который и в настоящее время поражает и заставляет трепетать, — вся эта мифология, полная лести и ужасов, сильно действовала на умы и до некоторой степени отмечала своим влиянием все порождения народной фантазии. Всякий, кто хотел приобрести сильное влияние на народ, должен был подражать Илию, и так как отшельническая жизнь была характерной чертой этого человека, то «человека Божьего» представляли себе в образе отшельника. Думали, что у всех святых людей были свои дни покаяния, дни близости к природе и проникновенной суровости. Удаление в пустыню сделалось, таким образом, условием и прологом высокого назначения.

Нет никакого сомнения, что мысль о подражании Илию сильно занимала Иоанна. Жизнь отшельника, столь противоречившая духу древнего еврейского народа, жизнь, с которой обеты назиров и рехабитов не имели ничего общего, — эта жизнь, тем не менее, со всех сторон врывалась в Иудею. Ессеи жили близ страны Иоанна, на берегах Мертвого моря. Воздержание от мяса, вина, чувственных наслаждений считалось послушничеством, обязательным для мужей откровения. Вождями секты, по мнению верующих, могли

быть только отшельники, со своими особыми правилами и уставами, подобно основателям религиозных орденов. Учителя молодых людей были также иногда чем-то вроде анахоретов, весьма похожих на гуру брахманизма. Действительно, не было ли здесь отдаленного влияния индийских мунисов? Некоторые из этих буддистов монахов-странников, которые обходили весь свет, как впоследствии первые францисканцы, проповедуя одной лишь назидательностью своей внешности, которые говорили на языке, непонятном для своих слушателей, и которые, без сомнения, были в Сирии и Вавилоне, не посещали ли они также и Иудею? Это остается неизвестным. Вавилон с некоторого времени стал очагом буддизма: Будасп (Бодисатва) считался мудрым халдеем и основателем сабизма. А самый сабизм – что он такое? На это указывает этимология этого слова: баптизм, т. е. религия нескольких крещений. Это первоначальный корень секты, еще существующей и теперь, носящей имя «христиан святого Иоанна», или мандаитов, и называемой арабами «эль-могтозила», т. е. «баптисты». Очень трудно распутать эти неопределенные аналогии. Разнообразные секты, появляющиеся то здесь, то там, в иудаизме, христианстве, баптизме, сабизме, которые мы встречаем по ту сторону Иордана в первые века нашей эры, представляют для критики вследствие спутанности сведений, до нас дошедших, – одну из труднейших задач. Можно думать, во всяком случае, что большинство внешних обрядов Иоанна, ессеев и духовных учителей еврейского народа в это время – явились плодом непосредственного влияния горного Востока. Основной обряд, который определял характер Иоанновой секты и дал этой секте ее имя, этот обряд всегда имел центром своим низменную часть Халдеи, и там создается религия, которая сохранилась до наших дней.

Этот обряд – крещение или совершенное погружение в воду. Омовения были уже известны иудеям, как и всем религиям Востока. Ессеи дали этим омованиям особенное распространение. Крещение сделалось обычным обрядом при введении новообращенных в лоно еврейской религии,

чем-то вроде посвящения в таинство. Никогда, однако, до нашего крещения этому погружению в воду не придавали ни такого большого значения, ни такой формы. Иоанн сделал ареной своей деятельности ту часть иудейской пустыни, которая граничит с Мертвым морем. В те моменты, когда ему надо было крестить, он отправлялся на берег Иордана, в Вифанию или Вифавару, на восточной берег, вероятно, как раз напротив Иерихона – или же в местность, носившую имя Енон, т. е. «источники», близ Селима, где было много воды. Там он крестил значительные толпы, особенно из колена Иуды, которые стекались к нему сюда. В несколько месяцев он сделался, таким образом, одним из самых влиятельных людей Иудеи, и все должны были считаться с ним.

Крещение было, впрочем, для Иоанна только внешним знаком, который должен был произвести впечатление и приготовить умы к какому-то великому движению. Нет сомнения, что он обладал высшей степенью мессианской надежды. «Покайтесь, – говорил он, – ибо приблизилось царство небесное». Он возвещал «великий гнев», т. е. страшные катастрофы, грозящие наступить, говорил, что «уже секира при корне дерева лежит», что скоро оно будет брошено в огонь. Он рисовал своего Мессию с лопатой в руке; он оставляет хорошее зерно и сжигает ость и солому. Покаяние, для которого крещение было символом, милостыня, улучшение нравов – вот важнейшие средства Иоанна для подготовки к близким событиям. Неизвестно, в каком свете он представлял себе эти события. Но с уверенностью можно установить, что он проповедовал с большой силой против тех самых противников, на которых позже напал Иисус: против богатых священников, фарисеев, ученых, – словом, против официального иудаизма, и, подобно Иисусу, был особенно чтим и принят среди презируемых классов. Он сводил на нет титул сыновей Авраама и говорил, что Бог мог бы себе их сделать из придорожных камней. Непохоже на то, чтоб он обладал хотя бы в зародыше той великой идеей, которая создала торжество Иисуса, – идеей чистой религии, но он могущественно служил этой идее, поддерживая обряд, лишенный узаконенных церемоний, для совершения

которых не надо было присутствия священников, – и этим он несколько напоминал путешественников. Реформации – средневековых флагеллантов, ибо он отнял у официального духовенства монополию на таинства и отпущение грехов. Основной тон его речей был суров и жесток.

Хотя полем действия Крестителя была Иудея, но слава его быстро проникла в Галилею и дошла до Иисуса, который составил себе уже своими первыми беседами маленький кружок слушателей. Пользуясь еще малым авторитетом и, без сомнения, побуждаемый также желанием увидеть учителя, учение которого имело так много общего с его собственными идеями, Иисус покинул Галилею и отправился со своей маленькой школой к Иоанну. Новые пришельцы были окрещены, как и все. Иоанн принял очень хорошо эту толпу галилейских учеников и не нашел ничего дурного в том, чтоб они остались отличными от его учеников. Оба учителя были молоды, у них было много общих идей, они любили друг друга и соперничали на глазах народа во взаимной предупредительности. Такой факт с первого взгляда поражает в Иоанне Крестителе, и это приводит к тому, что создается сомнение в самом его существовании. Смирение никогда не было чертой сильных еврейских характеров. Кажется бы, что характер столь непреклонный – должен был быть до крайности гневным и нетерпимым по отношению ко всякому сопернику или ученику, принимавшему его проповедь лишь наполовину. Но этот способ понимать вещи покоится на ложном представлении о личности Иоанна. Его представляют человеком зрелого возраста, между тем он был одних лет с Иисусом и очень молод по представлениям того времени. В мире идей он был братом, а не отцом Иисуса. Оба молодых энтузиаста, полных тех же надежд и той же ненависти, могли создать общину и взаимно друг друга поддерживать. Верно, что старый человек, видя, что к нему является человек неизвестный и ограждает себя независимостью, – возмущился бы: нет примеров, чтоб глава школы с такой поспешной готовностью принимал того, кто будет его преемником. Но юность способна на всякое самоотречение, и позволительно допустить, что Иоанн, признав в Иисусе

ум, аналогичный со своим собственным, принял его без всякой личной задней мысли. Эти хорошие отношения сделались потом исходной точкой целой системы, развитой евангелистами; цель этой системы – дать в качестве первого опорного пункта божественной миссии Иисуса аттестат Иоанна. Так высок был авторитет Иоанна, что, казалось, нельзя найти во всем мире лучшей гарантии, поручительства, чем он. Но далекий от мысли, что Иоанн стоит ниже его, Иисус в течение всего времени, которое он провел близ Иоанна, признавал его выше себя и только робко развивал свой собственный гений.

Действительно, кажется, что, несмотря на свою глубину оригинальность, Иисус в течение нескольких недель или меньше того был подражателем Иоанна. Его собственный путь еще был окутан мраком перед ним. Хотя Иисус постоянно уступал общему мнению и принимал много вещей, которые не подходили к его направлению или о которых он мало заботился, – только потому, что они были популярны, однако же, подробности никогда не вредили его главной мысли и всегда ей были подчинены. Иоанн завоевал крещению большие симпатии масс, и Иисус счел себя обязанным поступить так же, как Иоанн: он крестил, его ученики также. Без сомнения, они сопровождали этот обряд такой же проповедью, как и Иоанн. Иордан покрылась, таким образом, на всех концах крестителями, речи которых имели более или менее значительный успех. Ученик сравнялся скоро с учителем, и его крещения очень сильно искали. В этом деле существовало соперничество между учениками; последователи Иоанна приходили ему жаловаться на возрастающий успех молодого галилеянина, крещение которого, по их мнению, скоро вытеснит крещение Иоанна.

Оба учителя остались выше этих мелочей. Как утверждает традиция, в школе-то Иоанна и создал Иисус группу самых знаменитых своих учеников. Превосходство Иоанна было слишком неоспоримо, чтобы Иисус, еще мало известный, мог подумать о борьбе с ним. Он только хотел расти в тени его славы и считал себя обязанным, чтоб приобрести

расположение толпы, пользоваться теми же внешними средствами, которые доставили Иоанну такой поразительный успех. Когда он после того, как Иоанн был схвачен, стал крестить снова, первые слова, которые вкладывают ему в уста, представляют собой только повторение одной из обычных фраз Крестителя. Многие другие выражения Иоанна в буквальном виде содержатся в беседах Иисуса. Обе школы, кажется, долго прожили в добром взаимопонимании, и после смерти Иоанна Иисус, как товарищ и поверенный, был одним из первых извещен об этом событии.

Иоанн был рано остановлен на своем пророческом пути. Подобно древним еврейским пророкам он в самой высокой степени был борцом против установленных властей. Крайняя резкость, с которой он выражался на их счет, не могла не создать затруднений на его пути. В Иудее Пилат, кажется, не беспокоил Иоанна, но в Пере, по ту сторону Иордана, он вступал уже на земли Антипы. Этого тирана беспокоила политическая закваска, плохо скрытая в проповедях Иоанна. В этих больших скоплениях людей, созванных религиозным и патриотическим энтузиазмом вокруг Крестителя, было нечто внушающее подозрения. Чисто личное неудовольствие присоединилось, впрочем, к этим государственным мотивам и сделало неизбежным гибель сурового судии нравов.

Одним из самых замечательных характеров в трагической семье Иродов – была Иродиада, внучка Ирода Великого. Наглая, честолюбивая, страстная – она питала отвращение к иудаизму и презирала его законы. Она вышла замуж, вероятно, против воли, за своего дядю, Ирода, сына Мариамны, которую Ирод Великий лишил наследства, и которая никогда не играла общественной роли. Внешнее положение ее мужа в сравнении с положением членов ее семьи не давало ей покоя; она хотела быть царицей, – чего бы это ни стоило. Антипа был орудием, которым она воспользовалась. Этот слабый человек, потеряв голову от любви к ней, обещал ей жениться на ней и развестись со своей первой женой, дочерью Гарета, царя Петры и властителя соседних племен Переи. Аравитянская царевна, догадавшись

об этом проекте, решила бежать. Скрывая свой план, она притворилась, будто серьезно хочет сделать путешествие в Махерон, страну ее отца, и велела нескольким приближенным Антипы сопровождать себя.

Макур, или Махерон, называлась колоссальная крепость, построенная Александром Иоанеем и потом восстановленная Иродом в одном из самых уединенных оазисов на восток от Мертвого моря. Крепость была как раз на границе царств Гарета и Антипы. В этот момент она была во владении Гарета. Этот последний, предупрежденный дочерью, велел приготовить все для ее бегства, и она, переходя от племени к племени, была приведена к Петру.

Тогда почти кровосмесительный союз Антипы и Иродиады осуществился. Еврейские предписания относительно брака беспрепятственно служили почвой для скандальных столкновений между нерелигиозной семьей Иродов и набожно-суровыми евреями. Члены этой многолюдной и резко изолированной династии были доведены до необходимости вступать в брак в пределах своей династии, в результате чего были частые нарушения установленных законом запрещений. Иоанн был только эхом всеобщего чувства, когда энергически осуждал Антипу. Этого было больше, чем достаточно, чтоб побудить Антипу дать ход своим подозрениям. Он велел схватить Крестителя и отдал приказание заключить его в крепость Махерон, которой он, вероятно, овладел после отъезда дочери Гарета. Более трус, чем тиран, Антипа не хотел предавать Иоанна смерти. Согласно некоторым слухам он боялся народного возмущения. Согласно другой версии, он будто бы находил удовольствие в речах пленника и будто эти беседы повергали его в большое смущение. Но что можно сказать наверное, так это то, что заключение продолжалось и что Иоанн и в заключении сохранил широкую свободу действий. Он переписывался с учениками, и мы еще увидим его в сношениях с Иисусом. Его вера в пришествие Мессии только укрепилась; он внимательно следил за событиями внешнего мира и старался открыть в них благоприятные указания и подтверждение тем надеждам, которые питали его душу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Развитие идей Иисуса о царствии Божьем.

До момента ареста Иоанна, который мы относим приблизительно к лету 29 года, Иисус не покидал окрестностей Мертвого моря и Иордана. Удаление в пустыню иудейскую рассматривалось, главным образом, как подготовка великих событий, как какое-то «уединение» перед общественной деятельностью. Иисус наложил на себя этот долг по примеру своих предшественников и провел сорок дней, не видя никого, кроме диких животных, в суровом посте. Воображение учеников сильно было занято этим моментом. Пустыня, по народным верованиям, была жилищем демонов. Трудно найти во всем мире область более удаленную от жизни, чем скалистая покатость, образующая восточный берег Мертвого моря. Существует сказание, что в течение того времени, что Иисус провел в этой ужасной стране, он пережил ужасные испытания, что сатана наводил на него ужас своими явлениями или убаюкивал обольстительными обещаниями, и что ангелы потом явились служить ему, чтоб наградить его за победу над искушениями.

Вероятно, уходя из пустыни, Иисус узнал о том, что Иоанн Креститель схвачен. У него не было причин оставаться долее в стране, которая наполовину стала чуждой. Быть может также он боялся пострадать от тех же суровых преследований, каким подвергся Иоанн, и не хотел бросаться в опасность в такое время, когда при незначительной его известности – смерть его не могла бы служить распространению его идей. Он вернулся в Галилею, свою настоящую родину, созревшим от испытания, почерпнув из своих сношений с великим человеком, совершенно отличным от него, чувство уверенности в собственной своей оригинальности. В общем, влияние Иоанна на Иисуса было более

вредно, чем полезно для последнего. Это влияние было остановкой в его развитии; все дает повод думать, что когда он собирался вниз по Иордану, у него были идеи высшие, чем Иоанновы, и что благожелательность, с которой он некоторое время относился к баптизму, была чем-то вроде уступки. Быть может, если бы Креститель, от авторитета которого ему трудно было освободиться, остался на свободе, — Иисус не мог бы сбросить иго обрядности и внешних религиозных церемоний, и тогда, без сомнения, он стал бы неизвестным иудейским сектантом, ибо свет не оставил бы одних обрядов для других. Только как религия, совершенно свободная от внешних форм культа, христианство увлекало самые возвышенные умы. Но с заключением в тюрьму Крестителя школа его быстро уменьшилась, и Иисус почувствовал себя предоставленным собственным силам. Единственная вещь, которую он был обязан Иоанну, это искусство проповедовать и вербовать последователей. С этого момента, действительно, он проповедует с большей силой, и авторитет его имеет больший вес в глазах народа.

Кажется также, что его знакомство с Иоанном — скорее в силу естественного хода его собственной мысли, чем вследствие влияния Крестителя, — это знакомство дало возможность созреть его идеям о «царствии небесном». С этого времени лозунгом его становится «благая весть» о близости царствия Божия. Иисус уже не является теперь утешающим сердца моралистом, стремящимся заключить в нескольких живых и кратких афоризмах возвышенное учение; это великий революционер, пытающийся обновить мир до самого его основания и восстановить на земле постигаемый им идеал. «Ждать царствия Божия» — становится синонимом приверженности к Иисусу. Это слово о «царствии небесном», как мы уже сказали, было издавна в употреблении у евреев. Но Иисус придал ему моральный смысл, общественное значение, которое даже сам автор книги о Данииле в своем апокалипсическом энтузиазме не мог предвидеть. В мире, каков он есть, царствует зло. Сатана — «князь мира сего» и все ему повинуется. Цари убивают пророков.

Священники и ученые сами не делают того, что приказывают другим. Праведники преследуются; единственный удел добрых – слезы. «Мир», таким образом, является враждебным Богу с его святыми; но Бог пробудится и отомстит за своих святых. День близится, ибо безнравственность достигла высшей своей точки. Наступает очередь царства добра. Пришествие этого царства добра будет великой и внезапной революцией. Будет казаться, что настал конец мира; так как его современное состояние дурно, то, чтоб представить себе будущее, достаточно представить себе нечто ему противоположное. И первые будут последними. Новый порядок будет управлять человечеством. Теперь добро и зло перемешано между собой, как пшеница и плевелы в поле; господин дает им расти вместе; но настанет час насильственного раздела. Царствие Божие будет подобно огромному улову невода, который тащит и хорошую, и дурную рыбу; но хорошую опускают в кувшины, а остальную выбрасывают. Зародыш этой великой революции будет сначала не замечен. Он будет подобен горчичному зерну, которое меньше всех семян, но, брошенное в землю, оно превращается в дерево, под листья которого слетаются для отдыха птицы. Или этот зародыш уподобится закваске, которая, будучи положена в тесто, приводит его в брожение. Целый ряд подобных притч, часто весьма темных, должен был выражать всю внезапность этого неожиданного события, кажущиеся несправедливости, которые его будут сопровождать, его неизбежный и окончательный характер.

Кто же водворит это царствие Божие? Вспомним, что первой мыслью Иисуса, мыслью настолько глубокой, что у нее, вероятно, не было определенного источника, и коренилась она в самом существе его природы, – было то, что он – сын Божий, доверенный своего Отца, исполнитель его желаний. Ответ Иисуса на подобный вопрос отнюдь не мог быть сомнительным. Убеждение в том, что он даст царствие Богу, всецело овладело его душой. Он смотрел на себя, как на всемирного реформатора. Небо, земля, природа, все вместе, безумие, болезнь, являются для него лишь орудиями.

Увлеченный своей героической волей, он считает себя всемогущим. Если земля не поддается этому высшему преобразованию, она будет истерта в порошок, очищена пламенем и дыханием Божиим. Новое небо будет создано тогда, и весь мир будет населен ангелами Божиими.

Коренной переворот, охвативший самую природу – вот основная мысль Иисуса. С этой минуты он, без сомнения, отказался от политики; пример Иуды Гавлонита показал ему бесполезность народных возмущений. Никогда он не думал восставать против римлян и тетрархов. Необузданный анархический принцип Гавлонита не находил себе в нем почвы. Его подчинение установленной власти, в существе своем ироническое, по форме было полным. Он платил подать Кесарю, чтобы не вызвать в нем раздражения. Свобода и право – не от мира сего; зачем смущать и искажать свою жизнь пустыми мелочами? – Презирая землю, убежденный, что существующий мир не стоит того, чтобы о нем заботиться, он удалился в свое идеальное царство; он основал учение о высшем презрении, истинное учение о свободе духа, которое только и может дать душевное успокоение. Но он еще не сказал: «Царство мое не от мира сего». Много еще нелепого было в его самых определенных взглядах. Иногда в уме его проносились странные сомнения. В пустыне иудейской сатана предлагает ему царства земные. Не зная сил римской империи, он мог на основании энтузиазма, царившего в Иудее и вылившегося скоро в страшное вооруженное восстание, он мог, говорю, надеяться основать царство при смелости и многочисленности своих приверженцев. Быть может, много раз вставал перед ним вопрос высшего порядка: чем создается царствие Божие, силой или кротостью, восстанием или терпением? Однажды, говорят, народ в Галилее хотел увлечь его и провозгласить царем. Иисус бежал в горы и оставался там некоторое время один. Его прекрасная натура спасла его от ошибки, которая сделала бы из него агитатора или вождя повстанцев, Февду или Бар-Кохбу.

Революция, которую он хотел совершить, всегда была революцией в области морали; но он еще не дошел до того,

чтоб доверить ее осуществление ангелам и звукам последней трубы. Он хотел действовать на людей и через людей самих. Мечтатель, у которого нет другой мысли, кроме идеи близости страшного суда, не употребил бы столько усилий для морального подъема людей и не создал бы самое прекрасное учение практической морали, какое только получало когда-либо человечество. Много колеблющегося осталось еще, без сомнения, в его мысли; его побуждало ко всему делу скорее благодарное чувство, чем установившиеся намерения, и это дело было осуществлено через него, но совсем не таким образом, как он себе представлял.

Действительно, он основал царствие Божие, я хочу сказать, царство духа, – и если Иисус, взирая с лона своего Отца, видит те плоды, которые принесло его дело в истории человечества, он может по справедливости сказать: «Вот то, чего я хотел». То, что основал Иисус, что осталось от него навеки, – если исключить те несовершенства, которые примешиваются ко всякому делу, осуществляемому человечеством, – это учение о свободе духа. Уже греки имели и высказывали о ней прекрасные мысли. Многие стойки находили средство быть свободными под господством тирана. Но, в общем, античный мир представлял себе свободу связанной с известными политическими формами; свободными названы Гармодий и Аристокитон, Брут и Кассий. Истинный христианин гораздо менее связан какими бы то ни было цепями; здесь на земле – он изгнанник; какое может иметь для него значение преходящий земной владыка, когда земля – не его родина? Свобода для него – это истина. Иисус не знал хорошо истории, чтобы понять, насколько такое учение пришлось кстати тому времени, когда республиканская свобода угасла, а мелкие муниципальные конституции древности задыхались и растворялись в единой римской Империи. Но у него был надежный и чудесный руководитель в лице его удивительного здорового смысла и истинно-пророческого инстинкта, раскрывшего ему истинный смысл его миссии. Словами своими: «Воздайте кесарево кесарю, а богам – божье», он создал нечто

далекое от политики, убежище для души среди господства грубой силы. Конечно, такое учение имело свои опасные стороны. Установить в принципе, что для определения законной власти надо смотреть на монету; провозгласить, что совершенный человек платит подать из презрения и нежелания спорить из-за нее, – это значило по древнему пониманию разрушать республику и поддерживать властную тиранию. Христианство в этом смысле сильно способствовало ослаблению чувства гражданского долга и подчинению мира абсолютной власти совершившихся фактов. Но, учреждая огромный свободный союз, который в течение трехсот лет сумел избежать политики, христианство возместило полностью тот ущерб, который причиняло гражданским добродетелям. Благодаря ему, власть государства была ограничена земными делами, дух освобожден или, по крайней мере, грозная пирамида римского всемогущества была разбита навсегда.

Человек, ближе занятый общественными обязанностями, не прощает другим всегда того, что они могут ставить что-нибудь выше его партийных идеалов. Он порицает тех, кто подчиняет политические вопросы – общественным, и проповедует по отношению к ним некоторый индифферентизм. Он прав в известном смысле, потому что всякое направление, которое основано на исключении всех остальных, вредно с точки зрения общего руководства человеческими делами. Но каковы успехи партий в создании общей морали человечества? Если бы Иисус вместо основания царства небесного отправился в Рим, занялся бы заговорами против Тиверия или стал бы горевать о Германике – что было бы с миром? Если бы он стал суровым республиканцем и пламенным патриотом, он не остановил бы великого движения событий своего века, – между тем, как, объявив политику неважной, он раскрыл миру ту истину, что родина это еще не все, что человек стоит впереди и выше гражданина.

Но то, что действительно отличает Иисуса от агитаторов его времени и всех веков вообще, – это его целостный идеализм. Иисус в некоторых отношениях – анархист, так

как у него совершенно отсутствует идея гражданского управления. Это управление кажется ему просто-напросто злоупотреблением. Он говорит о нем в выражениях колеблющихся, тоном человека из народа, не имеющего представления о политике. Всякий чиновник кажется ему естественным врагом людей Божьих: он объявляет своим ученикам, что им придется столкнуться с властями и ни на минуту не допускает мысли о том, что это может быть стыдно. Но никогда в нем не видно искушения занять место богатых и сильных. Он хочет уничтожить богатство и власть, а не овладеть ими. Он предсказывает ученикам муку и преследования, которым они подвергнутся; но ни разу он не останавливается на мысли о вооруженном сопротивлении. Мысль о том, что всемогущество достигается страданием и смирением, что над силой можно восторжествовать благодаря чистоте души, – вот собственно чистая идея Иисуса. Иисус – не спиритуалист; ибо у него все обусловлено осязательной осуществимостью. Но это настоящий идеалист; материя для него – лишь символ идеи; – реальное, живое отражение невидимого.

К кому же обращаться за помощью, чтобы основать царствие Божие? Иисус никогда не задумывался на этот счет. Все, что есть высокого в понимании людей, все это в глазах Божьих ничто. Основателями царствия Божия будут самые простые люди. Не богатые, не книжники, не священники, – нет: это будут женщины, люди из народа, униженные и дети. Великий признак Мессии – благовествование нищим. Идиллическая, мягкая натура Иисуса берет здесь верх. Огромная социальная революция, где все общественные различия будут перемешаны, где все, что признается значительным в этом мире, будет уничтожено – вот его мечта. Мир не уверует в него; мир его убьет. Но ученики его будут не от мира сего. Они образуют маленькую группу униженных и простых людей, которая победит своим самоунижением. Чувство, которое сделало из понятия «мирянин» противоположность понятия «христианин», нашло себе в мыслях самого учителя полное оправдание.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Иисус в Капернауме.

Могучая идея все с большей силой овладевала Иисусом, и отныне пред ним расстилалась дорога, по которой он должен был идти с каким-то роковым бесстрашием и которую намечал пред ним его изумительный гений вместе с теми исключительными обстоятельствами, среди которых он жил. До того он только сообщал свои мысли некоторым лицам, тайно с ним связанным; с этого момента его проповедь стала публичной и привлекла открытых последователей. Ему было около тридцати лет. Маленькая группа слушателей, сопровождавшая его к Иоанну Крестителю, без сомнения, разрослась, и, быть может, к ней примкнули некоторые ученики Иоанна. С этим первичным ядром будущей Церкви он смело объявил, после своего возвращения в Галилею, «благовествование царствия Божьего». Это царствие приближается, и он, Иисус, есть тот Сын человеческий, которого видел Даниил в своем видении, как божественного подготовителя последнего и высшего откровения.

Центром деятельности Иисуса в этот период его жизни был городок Капернаум, находившийся на берегу Генисаретского озера. Имя Капернаум, происходящее от слов «кафара», «деревня», кажется, означает древний городской поселок, в противоположность большим городам, построенным на римский образец, как, например, Тивериада. Это название было так мало распространено, что Иосиф в одном месте в своих сочинениях считает его названием источника, который, очевидно, был более известен, чем поселок близ него. Как и Назарет, Капернаум не имел за собой никакого прошлого, и ни в каком отношении не принимал участия в том светском движении, которому покровительствовали Ироды. Иисус сильно привязался к этому городу и

сделал себе из него как бы вторую родину. Немного спустя после своего возвращения он сделал попытку завоевать в пользу своих идей Назарет, но не имел успеха. Один из его биографов наивно замечает, что он не мог произвести здесь большого чуда. То, что здесь знали его семью, имевшую так мало значения, слишком уменьшало его авторитет. На него не могли смотреть здесь, как на сына Давидова, когда ежедневно видели его брата, сестру, зятя. Замечательно еще то, что семья оказывала Иисусу довольно значительное сопротивление и наотрез отказывалась верить в его божественное призвание. Было и такое время, когда мать его и сестра утверждали, что он лишился рассудка, обращались с ним, как с экзальтированным мечтателем, и хотели удержать его силой. Назаряне более горячие хотели, говорят, убить его, сбросив с крутого утеса. Иисус остроумно замечает, что эту судьбу он разделяет со всеми великими людьми и применяет к себе пословицу: «нет пророка в своем отечестве».

Это столкновение далеко не ослабило его мужества. Он вернулся в Капернаум, где он находил гораздо лучшее к себе отношение, и оттуда организовал целый ряд миссий в других окрестных городах. Жители этой прекрасной, плодородной страны собирались только по субботам. Этот-то день Иисус и выбрал для своих поучений. Каждый город имел свою синагогу или место для собраний. То была прямоугольная зала, довольно небольшая, с потолком, украшенным в греческом стиле. Евреи, не имея собственной архитектуры, никогда не стремились сообщить своим зданиям оригинальный стиль. Остатки многих древних синагог существуют еще и теперь в Галилее. Они все построены из дорогого материала, но вкуса в них мало благодаря большому количеству орнаментов с изображениями из области флоры, ветвей с листьями и витых лент, характеризующих памятники иудеев. Внутри синагоги стояли стулья, кафедра для публичных речей и шкаф для священных свитков. Эти здания, не имевшие на себе никаких черт храма, были центрами еврейской жизни. Туда собирались в субботу

для молитвы и чтения Закона и Пророков. Так как иудаизм вне Иерусалима не имел, строго говоря, духовенства, то всякий, кто хотел, мог встать, прочесть место из Священного Писания на данный день (параша и гафтара) и прибавлял сюда мидраш, т. е. лично ему принадлежащий комментарий, где он излагал свои собственные идеи. Здесь надо искать происхождение «гомелии», совершенный образец которой мы находим в маленьких трактатах Филона. Можно было делать возражения и предлагать вопросы лектору; таким образом собрание быстро преображалось в свободную сходку. Она имела председателя, «старейшин», гаццана, т. е. прислуживающего чтеца или стража, «посыльных», что-то вроде секретарей или вестников, поддерживавших сношения синагог между собой, шаммаша, или хранителя свитков. Синагоги, таким образом, были настоящими маленькими независимыми республиками; они имели собственную обширную юрисдикцию, обеспечивали отпущение на волю, покровительствовали вольноотпущенным. Подобно всякой городской корпорации до конца римского владычества синагоги выдавали почетные свидетельства, принимали решения, имевшие силу закона для общины, назначали телесные наказания, исполнителем которых обыкновенно являлся гаццан.

Если принять во внимание ту живость мысли, которая всегда отличала евреев, такое учреждение, вопреки суровости своих решений, не могло не давать места весьма оживленным прениям. Благодаря синагогам иудаизм мог пройти неприкосновенным через восемнадцать столетий преследования. Синагога была обособленным маленьким миром, в котором сохранялся национальный дух и который представлял собою открытую арену для внутренней борьбы. Там расходовалось невероятное количество воодушевления и страсти. Борьба за председательское место была очень напряженной. Иметь почетное место в первом ряду – значило получить награду за высокое благочестие или пользоваться привилегией богатства, которой завидовали больше всего. – С другой стороны, свобода, предоставленная всякому,

кто хотел выступить лектором и комментатором священного текста, открывала широкое поле для пропаганды новых взглядов. Здесь мы находим один из великих источников силы Иисуса и одно из обычных средств, которым он пользовался для пропаганды своего учения. Он входил в синагогу, поднимался, чтоб читать; гаццан подавал ему книгу, он раскрывал ее и читал парашу или гафтару, приходящуюся на этот день; по поводу прочтенного он развивал свои идеи. Так как в Галилее было мало фарисеев, то возражения против его учения никогда не принимали того оттенка страстности и резкой едкости, которые – если б он читал в Иерусалиме – остановили бы его в самом начале его пропагандистской деятельности. Добрые галилеяне никогда не слышали таких слов, которые бы более соответствовали их радостно-светлому воображению. Им были восхищены, его ласкали, находили, что он говорит дивно и что его доводы убедительны. Он с уверенностью отвечал на самые трудные возражения: почти поэтическая мерность и тон его речей пленяли эти юные умы, которых не успел еще высушить педантизм ученых.

Авторитет молодого учителя возрастал, таким образом, с каждым днем и, конечно, чем больше верили в него, тем больше он верил в себя самого. Его деятельность была ограничена. Она замыкалась пределами Тивериадского озера, и даже в пределах этого бассейна у него была любимая местности. Озеро имеет 5-6 лье в длину и 3-4 лье – в ширину; имея форму довольно правильного овала, оно образует от Тивериады до устья Иордана нечто вроде залива, который имеет около трех лье по берегу. Вот поле, где семя, брошенное Иисусом, нашло, наконец, для себя почву вполне подготовленную. Пройдем мысленно по этой местности, наблюдая ее шаг за шагом и стараясь приподнять тот покров разрушения и скорби, который наброшен на нее демоном Ислама.

Идя из Тивериады, мы видим прежде всего обрывистые скалы, гору, которая будто падает в море. Потом горы развертываются и удаляются; равнина (Эль-Гувер) открывается

глазам почти на уровне озера. Это восхитительный маленький лесок, изрезанный множеством потоков, которые частью выходят из прежнего бассейна античной постройки (Айн-Медавара). У входа в эту равнину, которая и есть собственно страна Генисаретская, находится ничтожная деревушка Медждель. На другом конце равнины (если все время идти по берегу моря) мы увидим место, где находился некогда горон (Хан-Минья), очень красивую реку (Айн-эт-Тан) и прекрасную дорогу, узкую и глубокую, высеченную в скале, по которой, несомненно, часто проходил Иисус, и которая служит проходом между Генисаретской равниной и северным скатом озера. На расстоянии четверти часа ходьбы отсюда мы переходим через маленькую речонку с соленой водой (Айн-Табига), вытекающую из земли многими широкими источниками в нескольких шагах от озера и впадающую в него среди густой зеленой чащи. Наконец, через 40 минут мы увидим – на бесплодном скате, который тянется от Айн-Табига до устья Иордана – несколько хижин и кучу развалин, довольно монументальных, по имени Телль-Хум.

Пять маленьких городов, о которых человечество будет вечно говорить столько же, сколько о Риме и Афинах, были во времена Иисуса рассеяны по пространству от деревни Медждель до Телль-Хума. Из этих пяти городов – Магдалы, Дальмануфы, Капернаума, Вифсаиды, Харазина – можно найти теперь с точностью только первый. – Отвратительная деревушка Медждель, без сомнения, сохранила имя и место того города, который дал Иисусу его первую верную подругу. Положение Дальмануфы совершенно неизвестно. Не лишено возможности предположение, что Харазин находился несколько в глубине страны, в северной ее стороне. Что касается Вифсаиды и Капернаума, то их по чисто случайным причинам и соображениям ставят на место Телль-Хума, Айн-эт-Тина, Хан-Минья и Айн-Медавара. Думается, что и в топографии, как в истории, было скрытое – намерение и желание – скрыть и сгладить черты великого учителя. Сомнительно, чтобы удалось когда-нибудь установить

прочно на этой глубоко опустошенной почве те места, на которые человечество могло бы стекаться, чтобы целовать отпечаток ног великого основателя религии.

Итак, озеро, далекий горизонт, кустарники, цветы – вот все, что осталось от той маленькой области в три-четыре лье, где Иисус начал свое божественное дело. Деревья совершенно исчезли. В этой стране, где растительность была столь прекрасна, что Иосиф смотрел на нее, как на своего рода чудо, так как здесь, по его описанию, природе захотелось сблизить бок о бок растительность холодных стран, произведения жарких поясов и деревья умеренного климата, круглый год производящие цветы и плоды, – в этой стране, говорю я, теперь рассчитывают за день вперед, где можно будет найти немного тени для отдыха. Озеро превратилось в пустыню. Единственная лодочка самого мизерного вида бороздит теперь те волны, которые некогда были так богаты радостью жизни. Но воды озера по-прежнему легки и прозрачны. Скалистые берега, покрытые валунами, похожи скорее на побережье маленького моря, чем озера, подобно берегам озера Гулей. Прибрежье это чисто, тины нет, и в одном и том же месте можно всегда наблюдать небольшой прибой волны. Маленькие островки, покрытые олеандрами, тамариндами и колючими кипарисами, выступают среди волн; в двух местах особенно – близ истока Иордана возле Тарихеи и на берегу Генисаретской равнины – можно найти восхитительные места, где волны разбиваются о густую зелень цветов. Ручей Айн-Табига образует маленький лиман, полный красивых раковин. Облака речных птиц покрывают озеро. Горизонт полон ослепительного блеска. Воды цвета небесной лазури, глубоко спрятанные в горячих скалах, – если смотреть на них с высоты гор Сафед, – словно налиты в золотую чашу. На севере снежные вершины Гермона выделяются белыми линиями на небе; на западе волнообразные плоскогорья Гавлонитиды и Переи, совершенно лишенные растительности и залитые солнцем, точно какой-то бархатной дымкой, – образуют однообразную, плотную массу гор или, лучше сказать,

очень высокую и длинную террасу, которая от Кесареи Филиппийской на бесконечное расстояние тянется к югу.

Жара на берегах теперь невыносима. Озеро занимает впадину, которая на сто восемьдесят девять метров ниже уровня воды в Средиземном море и разделяет, таким образом, жаркий климат Мертвого моря. Обильная растительность умеряла некогда этот страшный зной; с трудом можно понять, как при той жаре, которая теперь царит там, — весь бассейн озера с мая месяца мог являться ареной такой чудесной деятельности. Иосиф, впрочем, находил климат этой местности очень умеренным. Без сомнения, и здесь, как в долине, где был Рим, произошла перемена в климате, созданная историческими причинами. Исламизм, и особенно мусульманская реакция против крестовых походов, подобно дыханию смерти, задушили эту любимую страну Иисуса. Прекрасная земля Генисаретская и не предполагала, что под челом этого мирного скитальца волнуется ее собственный судья. Такой опасный согражданин, как Иисус, сыграл бы роковую роль для всякой страны, которая имела бы грозную честь считаться его отечеством. Сделавшись для одних предметом любви, для других — ненависти, разрываемая двумя соперничавшими воплощениями фанатизма, Галилея должна была оплатить цену своей славы собственным опустошением. Но кто решится утверждать, что Иисус был бы счастливее, если б прожил жизнь в неизвестности в своей деревне? Кто стал бы думать об этих неблагодарных назарянах, если б один из них, ставя на карту будущее своего городка, не признал Бога Отцом своим и не провозгласил себя сыном Божиим?

Мы видим, что пять или шесть больших селений, одно от другого на расстоянии получаса пути, — таков маленький мир Иисуса в эпоху, которую мы изучаем. Едва ли он был когда-нибудь в Тивериаде, этом вполне светском городе, населенном большей частью язычниками и служившим обычной резиденцией Антипы. Однако он удалялся иногда из своей любимой области. Он отправлялся на лодке к восточному берегу, например, в Гергезу. К северу, видели его

в Панее или Цезарее Филиппийской, у подошвы Гермона. Наконец, однажды он сделал путешествие по направлению Тира и Сидона, в страну удивительно цветущую в то время. Во всех этих странах он был совершенно окружен язычеством. В Цезарее он видел знаменитый грот Папиум, в котором находился, как предполагали, исток Иордана, и который в народном воображении был окружен странными легендами. Он мог восхищаться мраморным храмом Ирода, воздвигнутым возле этого места в честь Августа; он останавливался, вероятно, пред множеством статуй, посвященных Пану, нимфам, Эху грота, и поставленных, быть может, уже в этом прекрасном месте благочестивыми людьми. Иудей – эфемерист, привыкший смотреть на иноземных богов, как на обожествленных людей или демонов, должен был рассматривать эти художественные произведения, как идолы. Очарование натуралистического культа, которое опьянило более чувственные расы, встречало в нем холодное отношение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ученики Иисуса.

В этом земном раю, которого до сих пор мало касались великие исторические перевороты, жило население в совершенной гармонии со своей природой, деятельное, честное, полное радостного и нежного веселья жизни. Тивериадское озеро представляет собой водный бассейн, наиболее богатый рыбой в мире; рыбная ловля была очень удачна – особенно в Вифсаиде и Капернауме, – это создавало известное благосостояние населения. Рыбачьи семьи образовали мирное, кроткое общество, связанное узами родства по всей области, примыкавшей к озеру, которое мы описали. Их образ жизни людей, не всецело поглощенных работой, давал полную свободу их воображению. Идеи о царствии Божьем нашли в этих маленьких общинах добрых людей больше доверия, чем где бы то ни было в другом месте. Ничего из того, что называется цивилизацией в греческом или светском смысле, не проникало к ним. Это не была серьезность, германская или кельтская; но, хотя доброта их часто бывала поверхностной и неглубокой, а нравы их были безмятежно-спокойны, – в них было нечто интеллигентное и тонкое. Их можно себе представить по аналогии с лучшими племенами Ливана, но они были, кроме того, одарены свойством, которого нет у ливанцев: способностью выдвигать великих людей. Иисус нашел среди них свою истинную семью. Он поселился среди них как свой человек. Капернаум стал «его городом» и среди маленького кружка, который его боготворил, он забыл своих скептических братьев, неблагодарный Назарет и его насмешливое недоверие.

Особенно один дом в Капернауме представлял собой для него приятное убежище и дал ему его самых преданных учеников. То был дом двух братьев, сыновей некоего Ионы,

который, вероятно, умер, когда Иисус стал жить на берегу озера. Эти братья были один Симон с сирийско-халдейским прозвищем Кифа, по-гречески Петр, т. е. «камень», другой Андрей. Родились они в Вифсаиде и к тому времени, когда Иисус начал свою общественную деятельность, они жили уже в Капернауме. Петр был женат и уже имел детей; с ним жила и мать жены его. Иисус любил эту семью и обыкновенно жил у нее. Андрей, по-видимому, был учеником Иоанна Крестителя, и Иисус, быть может, познакомился с ним на берегах Иордана. Оба брата продолжали заниматься рыболовством даже в ту пору, когда, казалось, они больше всего были заняты делом своего учителя. Иисус, любивший игру слов, говорил, что сделает из них ловцов человеков. Действительно, между учениками его не было более преданных и привязанных к нему.

Другая семья Забдии или Заведя, зажиточного рыбака и хозяина многих лодок, также горячо принимала Иисуса. Заведей имел двух сыновей: старшего Иакова и младшего Иоанна, который позже был призван играть столь решительную роль в истории нарождающегося христианства. Оба были ревностными учениками Иисуса. Из некоторых замечаний можно вывести заключение, что Иоанн, как и Андрей, знал Иисуса в школе Иоанна Крестителя. Обе семьи, Ионы и Заведя, во всяком случае, были, по-видимому, тесно связаны. Саломея, жена Заведя, была очень привязана к Иисусу и не оставляла его до самой его смерти.

Женщины действительно принимали Иисуса с горячим усердием. Он умел обращаться с ними с той сдержанностью, которая открывает возможность для нежной идейной связи между обоими полами. Отделение женщин от мужчин, мешавшее развитию мягкости чувства у восточных народов, было, без сомнения, и тогда, как в наше время, менее строго в деревнях и селах, чем в больших городах. Три или четыре преданных галилеянки всегда сопровождали молодого учителя и спорили из-за удовольствия слушать его и по очереди прислуживать ему. Они вносили в новую секту элементы энтузиазма и чудесного, важность которых

уже установлена. Одна из них, Мария из Магдалы, которая так прославилась во всем мире именем своего бедного городка, по-видимому, была крайне экзальтированной женщиной. Если говорить языком той эпохи, ею владели семь демонов, т. е. она была подвержена нервным болезням, которые трудно объяснить себе на основании внешних данных. Иисус своей чистотой и кроткой красотой успокоил эту взволнованную душу. Магдалина была ему верной до самой Голгофы, и на следующий день после его смерти имела огромное значение как главный источник, из которого создалась вера в его воскресение: мы это еще увидим потом. Иоанна, жена Кузы, дворецкого Антипы, Сусанна и другие, оставшиеся неизвестными, неизменно следовали за ним и служили ему. Некоторые из них были богаты и своими средствами давали возможность молодому пророку не заниматься его прежним ремеслом плотника.

Много других лиц обыкновенно следовали за ним и признавали его своим учителем: некий Филипп из Вифсаиды, Нафанаил, сын Толмаи или Птоломея из Канны, ученик первой эпохи, Матфей, вероятно, тот, который был Ксенофонтом нарождающегося христианства. Согласно традиции он был откупщиком пошлин и в качестве такового должен был владеть каламом (палочкой для писания). Быть может, он задумывал уже «Logia», которые являются основным источником наших сведений о поучениях Иисуса. Называют среди учеников также Фому или Дидима, который иногда сомневался, но который, по-видимому, был человеком сердца и благородных влечений; говорят о Левии или Фаддее, Симоне зилоте (возможно, что он был учеником Иуды Гавлонита, принадлежавшего к партии канаим, существующей с того времени и имевшей скоро сыграть такую видную роль в движении еврейского народа); упоминается Иосиф Варнава по прозвищу Праведный; Матфей, загадочная личность по имени Аристион; наконец Иуда, сын Симона, из города Кериота, который явился исключением среди этого преданного круга лиц и получил такую ужасную славу. Он был по-видимому, единственным не-галилеянином

среди учеников Иисуса; Кериот был город на крайнем юге, в колене Иуды, и находился на расстоянии дня пути от Хеврона. Мы видели, что семья Иисуса была мало расположена к нему. Однако Иаков и Иуда, двоюродные братья Иисуса по Марии Клеопе, уже с этого времени находились в числе его учеников, а Мария Клеопина была в числе женщин, сопровождавших его на Голгофу. Но в это время матери около него не было. Только после смерти Иисуса Мария приобретает большое уважение, и ученики стараются привязать ее к себе. В это время члены семьи основателя религии образуют влиятельную группу «братьев Господа», которая стояла во главе иерусалимской церкви, и которая после падения Иерусалима бежала в Батанею. Уже один факт их близости к нему имел решительное значение для их позднейшей известности, подобно тому, как после смерти Магомета жены и дочери пророка, не пользовавшиеся при жизни его никаким значением, приобрели крупный авторитет.

В этой группе друзей Иисус некоторым, очевидно, оказывал преимущество и составил из них как бы более тесный кружок. Два сына Зеведея, Иаков и Иоанн, по-видимому, в первую голову входили в этот кружок. Они были полны огня и страсти. Иисус остроумно прозвал их «сынами громовыми» вследствие их крайнего рвения, которое было так велико, что если б располагало громами, то, наверное, слишком часто пользовалось бы ими. Иоанн, младший из братьев, по-видимому, был очень кроток с Иисусом. Возможно, что ученики, которые позднее сгруппировались вокруг младшего сына Зеведеева и, очевидно, записали его воспоминания так, что в них плохо скрыты интересы школы, — возможно, что они преувеличили ту сердечную склонность, которую Иисус питал к Иоанну. Но замечательно, что в Евангелиях синоптиков Симон, сын Ионин, иначе Петр, — Иаков, сын Зеведеев, и Иоанн, его брат, образуют нечто вроде интимного комитета, к которому обращается Иисус в те минуты, когда сомневается в вере и понимании остальных учеников. Кажется, помимо этого все трое связаны были совместной рыбной ловлей. Симпатия

Иисуса к Петру была глубока. Характер последнего прямой, искренний, полный непосредственного чувства был по душе Иисуса, который часто улыбался при виде его решительности. Петр, чуждый мистики, поверял учителю свои наивные сомнения, страхи, свои чисто человеческие слабости с искренним чистосердечием, напоминающим Жуанвиля в его отношениях к Людовику Святому.

Никакой иерархии в полном значении этого слова не было в нарождающейся секте. Все должны были носить имя «братьев», и Иисус абсолютно запрещал всякие имена превосходства, как равви, «учитель», «отец», так как он один является учителем, как один Бог есть отец. Старший должен быть слугой других. Однако Симон Ионин пользуется среди равных себе чрезвычайно большим уважением. Иисус жил у него и поучал в его лодке; его дом был центром евангельской проповеди. В массе на него смотрели как на вождя группы, и к нему обращаются сборщики за податью, следуемой с общины. Симон первый признал Иисуса – Мессией. В одну из тех минут, когда популярность его пошатнулась, Иисус спросил своих учеников: «Не хотите ли и вы отойти?» Симон отвечал: «Господи, к кому нам? Ты имеешь глаголы вечной жизни». Иисус в различных случаях отдает ему в своей церкви первенство и толкует его сирийское прозвище Кифа (камень) в том смысле, что он краеугольный камень нового здания. Одно время Иисус как будто бы обещает ему даже «ключи от царства небесного» и дает ему право произносить на земле решения, которые будут всегда утверждаться в вечности.

Нет сомнения, что это первенство Петра возбуждало некоторую зависть. Ревность эта разгоралась ввиду будущего, ввиду этого царствия Божьего, где все ученики будут сидеть на тронах по правую и левую руку учителя, чтоб судить двенадцать колен Израиля. Возбуждался вопрос, кто же будет сидеть ближе других к сыну человеческому в роли как бы его первого министра или представителя. Оба сына Зеведеевы предъявили права на этот пост. Занятые этой мыслью, они выдвинули свою мать, Саломею, которая

однажды отвела Иисуса в сторону и стала ходатайствовать перед ним, чтоб он отдал эти оба почетных места ее сыновьям. Иисус отклонил эту просьбу своим обычным способом, заявив, что тот, кто возвеличивается, будет унижен, и что царство небесное будет принадлежать малым. Это произвело некоторое волнение в общине: создалось большое неудовольствие против Иакова и Иоанна.

Все приведенные выше лица, насколько нам о них что-нибудь известно, сначала, по-видимому, были рыбаками. В стране, где нравы были просты, где все работали, это ремесло не стояло так низко, как это стараются подчеркнуть те декламаторы проповедники, которые видят чудесные элементы в происхождении христианства. Во всяком случае, справедливо лишь то, что ни один из учеников не принадлежал к высшему общественному классу. Быть может, один Левий, сын Алфея, а также и Матфей были откупщиками. Но те, кому в Иудее давали это имя, не были генеральными откупщиками, людьми высокого общественного положения, всегда принадлежавшими к сословию римских всадников и носившими в Риме имя – *publicani*. Это были агенты главных откупщиков, чиновники низшего ранга, обыкновенные таможенные надсмотрщики. Большая дорога из Акры в Дамаск, одна из древнейших дорог мира, пересекавшая Галилею возле самого озера, концентрировала вокруг себя большое количество людей. Капернаум, который был, быть может, на самой дороге, был населен значительным количеством таких сборщиков. Профессия эта никогда не была популярной, но у евреев она слыла занятием совершенно преступным. Подать, которая была нова для евреев, служила символом их подчинения; школа Иуды Гавлонита поддерживала ту мысль, что платить подать, значит, совершать языческий акт. Точно также и сборщики возбуждали в ревнителях Закона отвращение. Они говорили о них не иначе как в сопоставлении с разбойниками, ворами на больших дорогах и вообще людьми порочной жизни. Евреи, бравшие на себя подобные обязанности, исключались из общины, и присяга их не принималась; их деньги считались проклятыми, и казуисты не позволяли разминивать

их. Эти бедные люди, изгнанные из общества, виделись только между собой. Иисус принял обед, который предложил ему Левий, и за которым находились, на языке того времени, «многие из мытарей и грешников». Это было резким нарушением господствующих нравов, – в этих домах, пользовавшихся дурной репутацией, можно было рисковать встретить дурное общество. Таким образом, мы будем не раз наблюдать, что Иисус, мало заботясь о том, что может задеть предрассудки благомыслящих людей, старается возвысить духовно эти униженные правоверными классы и подвергает себя самым сильным упрекам ханжей. Фарисеи полагали, что спасение достигается ценой соблюдения бесконечных обрядностей и какого-то внешнего смирения. Истинный моралист, явившийся провозгласить, что Бог требует только одного – прямоты чувств, должен был быть принят с благоговением всякой душой, которая еще не была испорчена официальными лицемериями.

Этими многочисленными победами Иисус был обязан отчасти и бесконечному очарованию, которого полны были его личность и слова. Проникновенное слово, случайно упавший взгляд, будили дремлющую наивную совесть и давали ему горячего последователя. Иногда Иисус пользовался невинной хитростью, которую употребляла позднее Жанна д'Арк. Он показывал вид, что знает нечто тайное о том лице, которое он хотел привлечь к себе, или напоминал ему обстоятельство, особенно близкое его сердцу. Так говорят, он взволновал и привлек к себе Нафанаила, Петра, самаритянку. Скрывая истинную причину своей силы, – я хочу сказать, превосходства надо всем, что его окружало, – он, чтоб не спорить с веком, идеи которого он, впрочем, вполне разделял, – он не мешал думать, что откровение свыше раскрывало ему тайны и открывало пред ним сердца. Все думали, что он живет в атмосфере, недоступной остальному человечеству. Говорили, что на вершинах гор он беседует с Моисеем и Илией; верили, что в часы его одиночества ангелы прилетали к нему, чтобы поклониться ему и устанавливали, таким образом, сверхъестественную связь между ним и небесами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Нагорная проповедь.

Такова была группа учеников, собравшихся вокруг Иисуса на берегах Тивериадского озера. Аристократия имела в нем представителей своих в лице сборщика податей и жены дворецкого Антипы. Остальные – рыбаки и простые люди. Их невежество было безгранично; их ум был слаб, они верили в привидения и призраков. Ни один из элементов эллинской культуры не проник в эту первую христианскую ячейку; элементы еврейской образованности были также далеко не обильны в этой среде; но движения сердца и доброй воли там были через край. Прекрасный климат Галилеи наполнял существование этих честных рыбаков сплошным очарованием. Прелюдией царства Божия была поистине эта среда людей простых, добрых, счастливых или убаюкиваемых своим маленьким морем, или мирно спящих на его берегу. Нельзя представить себе всей чарующей прелести жизни, которая протекает лицом к лицу с открытым небом, того кроткого, но яркого пламени, которое согревает душу в ее соприкосновении с природой, тех ночных грез, которыми полны эти сверкающие звездами ночи, под бесконечно глубоким лазурным покровом неба. В такую ночь Иаков, сделав себе из камня изголовье, увидел в звездах обещанные ему неисчислимые поколения, таинственную лестницу, по которой ангелы поднимались на небо и спускались на землю. В эпоху Иисуса небо еще не закрылось, и земля еще не охладела. Небо открывалось над Сыном человеческим; ангелы всходили и нисходили над его головой; видения царствия Божия были повсюду, ибо человек носил их в своем сердце. Чистый, кроткий взор этих простых людей созерцал вселенную в ее идеальном источнике; мир, быть может, раскрывал свою тайну божественно чистому сознанию

этих счастливых детей, которые за чистоту и ясность своего сердца удостоились однажды быть допущенными пред лицо Бога.

Иисус жил со своими учениками почти всегда под открытым небом. То, стоя в лодке, он поучал своих слушателей, теснившихся на берегу. То он всходил на одну из гор, окаймлявших озеро, и садился там, где воздух чист и горизонт залит лучами. Преданные слушатели весело переходили за учителем с места на место, впитывая в себя плоды его вдохновения во всем обаянии их первоначального расцвета. Возникало порой наивное сомнение, чуть-чуть скептический вопрос – Иисус одним взглядом, одной улыбкой замыкал уста возражения. В каждом движении, на каждом шагу, в облачке, которое промчалось, в зерне, которое прозябало, в злаке, который желтел, видели признаки близости того царства, которое должно было прийти; думали, что настал канун дня, когда увидят Бога, люди станут господами земли; слезы превращались в радость; всеобщее утешение спускалось на землю.

«Блаженны нищие духом, – говорил учитель, – ибо их есть царствие небесное!

Блаженны плачущие, ибо они утешаются!

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю!

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся!

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут!

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят!

Блаженны миротворцы, ибо они наречены будут сынами Божиими!

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царствие небесное!»

Проповедь эта была нежна, кротка и полна здорового и свежего дыхания полей. Он любил цветы и пользовался ими для поучений, полных красоты и очарования. Птицы небесные, море, горы, игры детей неизменно чередуются в его проповедях. В его стиле не было ничего, напоминающего

греческий период, он ближе подходил к стилю еврейских притч, и особенно к характеру сентенций его ученых современников-иудеев, какие мы еще ныне читаем в Пирке Абот. Его рассуждения не были пространны и носили характер изречений Корана; позднее, будучи связаны друг с другом, эти рассуждения составили те длинные поучения, которые записаны Матфеем. Никакие переходные связи не объединяли этих различных частей; но, в общем, они проникнуты одним вдохновенным настроением. Особенно хорош был учитель в притчах. Иуда из Гавлонитиды не давал ему никаких образцов для этих восхитительных поучений. Иисус сам создал их. Правда, в буддийских книгах встречаются притчи точно в таком же тоне и той же постройки, что и евангельские. Но трудно допустить, что в этом обнаружилось буддийское влияние. Быть может, тот дух кротости и глубины чувства, который проникал собою в равной мере и нарождающееся христианство, и буддизм, – быть может, он в состоянии объяснить это сходство.

Совершенное равнодушие к внешним благам и к суетному изобилию комфорта, которые так необходимы нам в нашем печальном климате, – проистекало из простой и тихой жизни, которая царила в Галилее. Холодный климат, толкая человека на беспрестанную борьбу с внешней природой, придает большую ценность борьбе за свое благосостояние. Напротив, страны, которые возбуждают менее многочисленные заботы, суть страны идеализма и поэзии. Побочные стороны жизни ничтожны здесь в сравнении с радостью самой жизни. Украшение домов здесь бесполезно, ибо стараются держаться как можно больше на воздухе. Усиленное и правильное питание более умеренного климата здесь нашли бы тяжелым и неприятным. Что же касается роскоши одежд, то как соперничать с роскошной красотой, в которую Бог одел землю и птиц небесных? Труд в таком климате кажется бесполезным: то, что он дает, не стоит того, во что обходится. Полевые животные одеты лучше, чем самый богатый человек, а они не делают ничего. Это презрение к труду, которое – раз причиной его не является

лень – необыкновенно возвышает душу, вдохновляло Иисуса на самые чарующие поучения. «Не собирайте себе, – говорил он, – сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют их, и где воры подкапывают и крадут; собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет. Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и Мамоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя бы на один локоть? И об одежде, что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вас, что и Солон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть или что пить, или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде царствия Божия и правды его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам заботится о своем: довольно для каждого дня своей заботы».

Это чисто галилейское настроение имело решающее влияние на судьбы новой секты. Счастливая группа, полагавшаяся на Отца небесного во всем, что касалось удовлетворения ее нужд, взяла за основное правило – смотреть на житейские заботы как на зло, которое душит в человеке зерно всякого хорошего чувства. Ежедневно она просила у Бога только на следующий день. К чему копить? Царствие Божие наступает. «Продавайте имения ваши и давайте милостыню, – говорил учитель. – Приготовляйте мешки не

ветшающие, сокровище, не оскудевающее на небесах». Делать сбережения для наследников, которых никогда не увидишь, – что может быть бессмысленнее этого? В качестве образца человеческого безумия Иисус любил приводить случай с человеком, который, наполнив свои житницы и скопив в них имущества на многие годы, умер, не насладившись им. Разбой, который сильно укоренился в Галилее, давал много жизненности этому взгляду. Бедный, который не страдал от этого разбоя, должен был смотреть на себя, как на любимца Божия, меж тем как богатый, не имея обеспеченного имущества, был, в сущности, обездолен. В наших обществах, построенных на сурово проводимом извне понятии частной собственности, положение бедняка ужасно; у него буквально нет места под солнцем. Цветы, трава, тень существуют только для господ земли. На Востоке же эти дары принадлежат Богу – и больше никому. Собственность является ничтожным преимуществом; природа принадлежит всем.

Впрочем, нарождающееся христианство только шло по следам иудейских сект, которые практиковали отшельническую жизнь. Коммунистический принцип был душою этих сект (есеев, терапевтов), пользовавшихся одинаково дурным отношением фарисеев и саддукеев. Мессианизм, который являлся у ортодоксов-евреев исключительно политическим принципом, становится у них принципом социальным. Своей кроткой, соразмерной, воздержной жизнью, предоставлявшей каждому индивиду принадлежащую ему по праву часть общей свободы, эти маленькие церкви, в которых до некоторой степени, быть может, и справедливо предполагали подражание нео-пифагорейским учреждениям, думали утвердить на земле царство небесное. Утопии счастливой жизни, основанные на братстве людей и культе истинного Бога, увлекали за собой эти возвышенные сердца и порождали со всех сторон отважные, искренние попытки, не имевшие, однако, серьезных шансов на будущее.

Иисус, отношения которого к ессеям трудно установить точно (сходство в истории не всегда содержит в себе и

понятие связи), в этом отношении был, несомненно, их братом. Общность имущества была некоторое время правилом в этой новой общине. Корыстолюбие было главным грехом; однако, надо хорошенько заметить, что грех корыстолюбия, по отношению к которому христианская мораль была так сурова, был тогда простым чувством привязанности к своей собственности. Первое условие для того, чтобы быть совершенным учеником Иисуса, состояло в том, чтобы продать свое имущество и раздать деньги бедным. Те, которые отступали пред этой крайностью, не имели доступа в общину. Иисус часто повторял, что тот, кто нашел царствие Божие, должен купить его ценой всех своих богатств, так как при этом он только выигрывает. «Человек, – говорил он, – нашедший клад в поле, продает, не теряя ни минуты, все, что имеет, и покупает это поле. Купец, нашедший драгоценный перл, продает все, что имеет, и покупает его». Увы! Неудобные стороны такого порядка скоро дали себя почувствовать. Оказалась нужда в казначее. Выбрали на эту должность Иуду из Кериота. Основательно или без основания его обвиняли в краже денег из общинной казны – не знаем, но кассир этот кончил дурно.

Иногда учитель, вечно занятый больше небом, чем землей, учил еще более своеобразному пониманию политической экономии. В одной странной притче управителя хвалят за то, что он создал себе друзей среди бедняков на средства своего господина для того, чтобы бедные, в свою очередь, ввели его за то в царствие небесное. Действительно, бедные, будучи господами в этом царстве, будут принимать туда только тех, которые подавали им. Человек рассудительный, задумывающийся над будущим, должен поэтому стараться заручиться их симпатиями. «Слышали все это и фарисеи, которые были сребролюбивы, – говорит евангелист, – и они смеялись над ним». Слышали ли они и эту грозную притчу. «Некоторый человек был богат и одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий именем Лазарь, который лежал у ворот его и желал напитаться крошками,

падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали стру-
пья его. Умер нищий, и отнесен был ангелами на лоно Ав-
раамово; умер и богач, и похоронили его; и в аде, будучи в
муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лаза-
ря на лоне его и, возопив, сказал: «Отче Аврааме» Умилос-
сердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец
перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в
пламени». Но Авраам сказал: «Чадо! Вспомни, что ты по-
лучил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне
же он здесь утешается, а ты страдаешь». Можно ли приду-
мать что-нибудь более справедливое? Позже эту притчу на-
звали притчей о «злом богаче». Но это просто-напросто
притча «о богаче». Он в аду, потому что он богат, потому
что он не отдает своего добра бедным, потому что он обе-
дает хорошо в то время, когда другие у его ворот обедают
дурно. Наконец, даже в такой момент, где нет этой преуве-
личенности требований, Иисус ставит обязательным усло-
вием продажу своего имущества и раздачу его бедным
только как совет на пути к самоусовершенствованию, но он
делает при этом следующее страшное заявление: «Удобнее
верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому
войти в царство Божие».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Царствие Божие – достояние убогих.

Эти истины, пригодные для страны, где жизнь соткана из света и воздуха, этот тонкий коммунизм детей Божиих, с верой живущих на лоне Отца своего, мог удовлетворять небольшую сектантскую группу наивных людей, всегда убежденных, что утопия их приближается к осуществлению. Но ясно, что на почве таких принципов нельзя было объединить все общество. Иисус действительно скоро убедился, что мир господствующих никогда не пойдет за его царством. Тогда он отважился на крайне решительный шаг. Оставив весь этот мир людей сухого сердца и узких пред-рассудков, он обратился к простому народу. Настанет полная перемена в народе. Царствие Божие уготовано: во-первых, для детей и тех, кто подобен им; во-вторых, для отверженных мира сего, жертв социальной гордыни, отталкивающей людей смиренных, хотя бы и с доброй душой; в-третьих, для еретиков, схизматиков, мытарей, самаритян, язычников Тира и Сидона. Следующая энергичная притча должна была объяснить и узаконить этот призыв к народу: Царь приготовил брачный пир и посылает слуг звать приглашенных. Но всякий отказывается; иные даже наносят оскорбление слугам царя. Тогда царь прибегает к решительной мере! Люди приличные не захотели отозваться на его приглашение; что же? пусть придут первые встречные, толпящиеся на площадях и перепутьях, бедняки, нищие, калеки, – кто угодно! только бы наполнить зал. «И клянусь вам, – говорит царь, – ни один из тех, приглашенных, не вкусит от ужина моего».

Итак, учение Иисуса превратилось в чистый евинизм (евин по др. евр. убогий, бедный), т. е. в учение, по которому

только бедные будут спасены, и настанет царство бедных. «Горе вам, богачи, – говорил он, – ибо вы уже получили свое утешение! Горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалкаете! Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете». «Когда делаешь ужин, – говорил он еще, – не зови друзей своих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя не позвали, и не получил ты воздаяния. Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресении праведных». В том же, быть может, смысле он часто повторял: «Будьте хорошими купцами», т. е. помещайте свои капиталы в «хорошие» руки, имея в виду царствие Божие, отдавая свое имущество бедным согласно старинной поговорке: «Дающий бедному дает займы Господу».

Впрочем, это было не ново. Уже с давних пор еврейскую расу волновало демократическое движение, наиболее экзальтированное из всех сохранившихся в памяти человечества (притом единственное, имевшее успех, ибо оно одно только удержалось в области чистой идеи). Та мысль, что Бог есть мститель за бедного и слабого против богатого и сильного, встречается на каждой странице в писаниях Ветхого Завета. Из всех историй в истории Израиля дух народный является наиболее постоянно господствующим. Пророки, эти истинные трибуны и, можно сказать, самые смелые из трибунов, неустанно громили сильных и установили тесную связь между понятиями: с одной стороны – «богатый, нечестивый, жестокосердный, злой», с другой – «бедный, кроткий, смиренный, благочестивый». Когда в эпоху Селевкидов почти все аристократы отреклись от веры и перешли в эллинизм, – эта ассоциация идей еще более укрепилась. В книгах Еноха заключаются еще более ожесточенные проклятия по адресу мира богатых и сильных, чем в Евангелии. Роскошь изображена в ней как преступление. «Сын человеческий» в этом оригинальном Апокалипсисе развенчивает царей, отрывает их от сластолюбивой

жизни и ввергает в геенну. Вступление Иудеи на нечестивый путь, недавнее вторжение совершенно мирского элемента роскоши и материального благополучия вызвали сильнейшую реакцию в пользу патриархальной простоты. «Горе вам, презирающим хижины и наследия ваших отцов! Горе вам, строящим свои дворцы потом других! Каждый камень, каждый кирпич, заложенный в них, есть уже грех». Имя «бедного» сделалось синонимом «святого», «друга Господа». Этим именем любили называть себя галилейские ученики Иисуса; оно же долгое время было именем иудеиствующих христиан Батанеи и Гаврана (назаряеяне, евреи), которые оставались верными первоначальным учениям и языку Иисуса и гордились тем, что среди них были потомки его семьи. К концу II века эти добрые сектанты, оставшиеся в стороне от великого течения, захватившего другие церкви, назывались уже еретиками (евиониты), и для объяснения этого названия указывали на вымышленного ересиарха Евиона.

Это преувеличенное превозношение бедности не могло продержаться долго. Оно было одним из тех утопических элементов, которые всегда сопутствуют великим деяниям и которым время выносить свой суд. Перенесенное в общественную среду человеческого общества христианство волею неволей скоро согласилось принять в свое лоно и богатых. Подобным же образом буддизм, бывший вначале исключительно учением монашествующих, принял в свои ряды и мирян, когда число вновь обращаемых увеличилось. Но следы первоначального происхождения не стираются. И хотя евионизм был скоро оставлен и забыт, однако, на всю историю христианских учреждений он наложил навсегда свой отпечаток. Сборник Logia, или поучения Иисуса, был составлен или, по крайней мере, дополнен в евионитских церквях Батанеи. «Бедность» так и осталась идеалом истинных последователей Иисуса. Не иметь ничего – считалось истинно евангельским состоянием; нищенство сделалось добродетелью, признаком святости. Великое умбрийское

движение XIII века из всех движений, имевших целью основание нового вероучения, наиболее походило на галилейское и совершалось всецело во имя бедности. Франциск Ассизский, больше всех походивший на Иисуса своей чуткой душой, тонкостью, красотой и нежностью сердца, сливавшегося с жизнью вселенной, – был бедняком. Средневековые ордена нищенствующих и бесчисленные коммунистические секты (бедные Лиона, беггарды, добрые люди, братчики, униженные, евангельские бедные, сектаторы «вечного Евангелия») называли себя и были в действительности истинными учениками Иисуса. Еще раз случилось, что самые несбыточные религиозные фантазии оказались плодотворными. Благочестивое нищенство, причиняющее в наше время столько тревоги нашим промышленным классовым обществам, в свое время в благоприятной среде было исполнено обаятельной силы. Для массы людей с кроткой и созерцательной душой оно представляло единственное состояние, удовлетворявшее их. Такое превращение бедности в предмет любви и желаний, возвышение нищего на пьедестал и поклонение отрепьям бедняка – своеобразное явление, которого не может учитывать политическая экономия, но истинный моралист не может обойти его своим вниманием. Чтобы продолжать нести свою ношу, человечеству нужна вера, что не в хлебе одном награда его. И самая большая услуга, какую можно оказать ему, это повторять ему почаще, что оно живет не только одним хлебом.

Как и все великие люди, Иисус имел влечение к народу и с ним чувствовал себя в своей стихии. Евангелие, по его мысли, создано для бедных: это им он принес благостную весть о спасении. Все отверженные ортодоксальным иудаизмом были его избранными. Любовь к народу, сострадание к его слабостям, благородные чувства вождя демократии, который ощущает в себе жизнь духа народного и сознает себя естественным толкователем его, – невольно обнаруживаются ежеминутно в его деяниях и поучениях.

Иисус отнюдь не старался укротить ропот, вызванный его презрением к социальным предубеждениям века;

напротив, казалось, он видел удовольствие в этом. Никто столь громогласно не заявлял о своем презрении к «миру», презрении, которое является неременным условием великих дел и великой оригинальности. Он прощал богатого лишь в том случае, если вследствие какого-либо предрассудка он оказывался гонимым в обществе. Он открыто оказывал предпочтение людям сомнительного образа жизни и мало уважаемым среди почтенных ортодоксов. «Мытари и блудницы вперед вас идут в царство Божие», – говорил он; «ибо пришел к вам Иоанн, – мытари и блудница поверили ему». Вполне понятно, как больно должен был уязвить людей, сделавших себе профессию из степенности и моральной строгости, упрек в том, что они не следуют хорошему примеру женщин легкого поведения.

В Иисусе не было ничего напускнуго, никакой показной суровости. Он не избегал веселья и охотно ходил на брачные пиршества. Одно из чудес, по преданию, было им совершено для забавы гостей на свадебном пиру в небольшом городке. Свадебные торжества на Востоке совершались вечером. Каждый нес свой факел; огни, то приближавшиеся, то удалявшиеся, давали красивые световые эффекты. Иисус любил этот веселый вид оживления и нередко из этих картин черпал темы для своих притч. Люди проводили сравнение между таким поведением Иисуса и поведением Иоанна Крестителя и приходили в ужас. Однажды в тот день, когда фарисеи и ученики Иоанна постились, Иисуса спросили: «Почему это в то время, как ученики Иоанна и фарисеи постятся и молятся, твои ученики едят и пьют?» – «Оставьте их! – ответил Иисус. – Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?.. Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни». Его мягкое, радостное душевное настроение выливалось непрерывно в форму оживленных замечаний, милых шуток. «Но кому уподоблю род сей? – говорит он. – Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорит: «Мы играли на свирели, и вы не плясали, мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали.

«Пришел Иоанн, не ест, не пьет; и говорят: в нем бес. Пришел сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана Премудрость делами ее».

Так он развезжал по Галилее как бы в непрерывном празднике, совершая путь на муле, – обычный способ передвижения на Востоке, весьма удобный и безопасный. Большие черные глаза мула, осененные длинными ресницами, сияли кротостью. Иной раз ученики устраивали ему незатейливые торжества, на которых главным украшением были ковры, импровизированные из их одежд: ими они покрывали мула или устилали его путь. Когда он заходил в какой-нибудь дом, радость и благословение входили с ним. Он останавливался в городах и больших селениях и всюду встречал радушное гостеприимство. На Востоке дом, где остановился чужеземец, становится тотчас местом публичным; сюда сходится вся деревня; сбегаются дети; слуги их гонят, а они все возвращаются. Иисус не выносил грубого обращения с этими наивными слушателями; он приближал их к себе и ласкал их. Матери, ободренные этим, приносили своих грудных детей, чтобы он прикоснулся к ним. Женщины умащали волосы его маслами и ноги – благоговениями. Ученики иногда прогоняли их, наскучив ими; но Иисус, любивший старинные обычаи и все исходившее от простоты сердца, спешил заглаживать зло, причиненное слишком ретивыми учениками. Он защищал тех, кто хотел почтить его. Так, дети и женщины обожали его. И один из упреков, чаще всего бросаемых ему врагами, состоял в том, что он отрывает от семьи эти нежные существа, всегда склонные к соблазну.

Таким образом, нарождающаяся религия была во многих отношениях движением женщин и детей. Эти последние образовали вокруг него своего рода юную гвардию, превозносившую непорочную царственность своего учителя, и устраивали ему небольшие овации, которые доставляли ему большое удовольствие: они называли его «сыном

Давидовым», кричали «Осанна!» и несли впереди него пальмовые ветви. Иисус, подобно Саванароле, смотрел на них, быть может, как на орудие благочестивых миссий. Ему было очень приятно видеть, как эти молодые апостолы, которые вовсе не компрометировали его, забегали вперед и давали ему имена, которых он сам не смел себе присвоить. Он позволял им делать это и, когда его спрашивали, слышит ли он, что говорят они, он отвечал уклончиво, что хвала из юных уст наиболее приятна Богу.

Он не упускал случая повторить, что дети – существа священные, что царствие Божие принадлежит детям, что должно стать детьми, чтобы войти в него, что должно принимать его, как дитя, что Отец Небесный, скрывая свои тайны от мудрых, посвящает в них младенцев. Представление об учениках своих почти сливалось у него с представлением о детях. Однажды, когда среди учеников возгорелся один из частых споров о первенстве, Иисус привел дитя, поставил его среди них и сказал: «Вот первый из вас, тот, кто смирен, как этот младенец, будет старшим в царстве небесном».

И детство действительно водворилось на земле во всей силе своей божественной непосредственности, своего наивного выражения радости. Все верили, что с минуты на минуту солнце столь желанного царства взойдет. Каждый видел себя уже в нем на троне, рядом с учителем. Уже разделяли между собою места и старались сосчитать оставшиеся дни. Это получило название «доброй вести»; иным именем учение и не называлось. Старое слово «рай» выражало мечтания всех: восхитительный сад, где продолжится прекрасная жизнь земная. Неизвестно, сколько времени продолжалось это опьянение. В период этого волшебного озарения никто не считал времени, как не считают его в грезе. Время остановилось; неделя могла показаться вечностью. Но сколько бы ни продолжалась эта дивная греза, – она была столь прекрасной, что человечество жило ею и после, и уловить слабый отблеск ее лучезарного света еще

и теперь – утешение для человечества. Никогда грудь человечества не вздымалась от такого наплыва восторженной радости. В этом усилии, самом мощном из всех усилий, которые человечество когда-либо делало, желая подняться вверх со своей планеты, оно забыло на один момент свинцовую тяжесть, что приковывает его к земле, забыло печали юдоли земной. Блажен тот, кто мог видеть собственными глазами эту эру божественного расцвета и приобщиться – пусть на один только день – к этой несравненной иллюзии. Но еще блаженнее тот, сказал бы нам Иисус, кто, отрешившись от всяких иллюзий, воссоздаст в себе самом это лучезарное сияние, и без тысячелетней грезы, без химерического рая, без знамений небесных сумеет снова создать в своем сердце истинное царствие Божие правотой воли и поэзией души.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Посольство от Иоанна из тюрьмы к Иисусу. – Смерть Иоанна. – Отношения его школы к школе Иисуса.

В то время как Галилея с весельем встречала на празднествах появление своего любимца, печальный Иоанн томился ожиданиями и надеждами в темнице Махерона. Вести об успехах молодого учителя, которого еще несколько недель тому назад он видел в рядах своих учеников, доходили до него. Говорили, что провозвещенный пророками Мессия, который должен восстановить царство Израильское, пришел и знаменует свое пребывание в Галилею чудесными деяниями. Иоанну хотелось удостовериться в истинности этого слуха; тогда он выбрал двух из своих учеников, с которыми он имел возможность свободно сноситься, и послал к Иисусу.

Они пришли к Иисусу в период полного расцвета его славы. Праздничная атмосфера, царившая вокруг него, поразила их. Привыкшие к постам и неустанной молитве, к жизни созерцательной, они были изумлены, очутившись вдруг среди ликований. Они сообщили Иисусу о цели своего прихода: «Ты ли тот, кто должен прийти в мир? Надлежит ли нам ждать другого?» Иисус, с некоторого времени совершенно не сомневавшийся в своей истинной роли Мессии, перечислил им события, которые должны были знаменовать пришествие Царствия Божия: исцеление немощных, возвешение бедным благой вести о близком спасении. Он свершил эти дела. «И блажен тот, – добавил он, – кто не усомнится во мне». Неизвестно, застал ли этот ответ Иоанна Крестителя еще в живых, и если застал, то какое настроение вызвал он в суровом аскете. Умер ли он утешенным, с уверенностью, что возвещенный Мессия живет уже в мире, или унес с собой сомнения об Иисусе – ничто не

говорит нам об этом. Но уже из того, что его школа продолжала существовать наряду со школой Иисуса, можно вывести заключение, что, несмотря на свое уважение к Иисусу, Иоанн не считал его воплощающим божественный обет. Впрочем, смерть пришла разрешить его сомнения.

Снисходительность, выказанная вначале Антипой по отношению к Иоанну, не могла быть продолжительной. В беседах, которые, согласно христианскому преданию, Иоанн имел с тетрархом, он, не переставая, твердил последнему, что супружество его – незаконно и что он должен отослать от себя Иродиаду. Легко себе поэтому представить всю силу ненависти, которую питала внучка Ирода к этому непрошенному советчику: она ждала первого случая, чтобы погубить его.

В коварных замыслах ее приняла участие и дочь ее Саломея, рожденная в первом браке, столь же гордая и распутная, как и мать. В этом году (вероятно, в 30-м), в день своего рождения Антипа находился в Махероне. Ирод Великий повелел построить внутри этой крепости великолепный дворец, в котором тетрарх часто пребывал. В этом дворце он задал теперь пир, причем Саломея исполнила один из тех характерных танцев, которые в Сирии не считаются компрометирующими для светских особ. Приведенный в восторг искусством танцовщицы, Антипа спросил, чего она хочет себе в награду, а та, по наущению матери, ответила: «Головы Иоанна на этом блюде». Антипа был недоволен, но исполнил слово. Страж взял блюдо, отрубил голову и принес ее.

Ученики Крестителя взяли тело учителя и предали его погребению. Народ сильно роптал. И когда шесть лет спустя Гарет напал на Антипу, желая отвоевать Махерон и отомстить за бесчестие дочери, и разбил его, – голос народа называл это поражение возмездием за убийство Иоанна.

Известие о смерти Иоанна было принесено Иисусу учениками самого Крестителя. Предсмертное обращение Иоанна к Иисусу окончательно установило тесную связь между обеими школами. Иисус, опасаясь злой воли Антипы, из предосторожности удалился в пустыню. Очень многие последовали за ним туда. Благодаря крайнему воздержанию, эта толпа святых сумела кое-как поддерживать там свою

жизнь, а это, естественно, считали чудом. С этого времени Иисус говорил об Иоанне не иначе, как в тоне возвышенного умиления. Он, не колеблясь, заявлял, что Иоанн был более, чем пророк, что Закон и древние пророки имели силу лишь до него, что он отменил их, как и сам будет отменен царством небесным. Одним словом, в христианском учении он отвел ему роль звена, связывающего Ветхий Завет и Царство Божие.

Пророк Малахия, мнение которого на этот счет пользовалось большим авторитетом, возвещал с большой степенью уверенности, что предшественнику Мессии надлежит явиться в мир и приготовить людей к полному обновлению, – Предтеча, который очистит путь – перед избранником Господа. Этот предтеча не кто иной, как пророк Илия, который, согласно весьма распространенному верованию, скоро сойдет с неба, куда он был взят живым, чтобы подготовить людей покаянием к великому пришествию и примирить Бога с его народом. Иные к Илие присоединяли то патриарха Эноха, которому в последние два века стали приписывать высшую святость, то Иеремию, который рассматривался как добрый гений народа, непрерывно возносящий мольбы за него у трона Господня. Эта идея о двух древних пророках, которые должны воскреснуть и быть предтечами Мессии, столь удивительным образом повторяется в учении персов, что – можно думать на этом основании, – она ведет свое происхождение именно из Персии. Но как бы то ни было, в эпоху Иисуса эта идея составляла неотъемлемую часть еврейских учений о Мессии. Предполагалось, что появление этих «двух свидетелей верных» во вретищах будет прелюдией к великой драме, которая разыграется к изумлению мира.

Понятно, что при наличии таких идей Иисус со своими учениками могли не сомневаться насчет миссии Иоанна Крестителя. Когда книжники возражали им, что не может быть речи о Мессии, пока не пришел Илия, они отвечали, что Илия пришел, что Иоанн и есть воскресший Илия. Своим образом жизни, своим враждебным отношением к установленным политическим властям Иоанн действительно напоминал загадочную фигуру древней истории

Израиля. Иисус не замалчивал заслуг и превосходства своего предшественника. Он говорил, что среди сынов человеческих никто не был выше его, и самым энергичным образом порицал фарисеев и книжников за то, что они не приняли его крещения, не последовали его проповеди.

Ученики Иисуса были верны этим взглядам своего учителя. Уважение к памяти Иоанна традиционно хранилось в первом поколении христиан. Его даже считали родственником Иисуса. Позднее еще крещение стали рассматривать как первый факт и необходимое предисловие ко всей евангельской истории. Чтобы найти оправдание миссии сына Иосифова, в авторитетном свидетельстве рассказывалось, что Иоанн с первого взгляда провозгласил Иисуса Мессией; признал себя не только ниже его, но «недостойным развязать ремень у обуви его» и даже сначала отказался крестить его, утверждая, что он сам должен получить крещение от Иисуса. Все это чистое преувеличение, достаточно опровергаемое уже теми сомнениями Иона, которое побудило его в последние дни его жизни отправить посольство к Иисусу. Но в более широком смысле Иоанн остался в христианской легенде тем, чем он был на самом деле – именно суровым подготовителем, скорбным проповедником раскаяния перед радостью пришествия жениха, пророком, возвестившим царствие Божие и умершим, не увидев его. Этот гигант начальной эпохи христианства, постник, питавшийся акридами и диким медом, этот суровый каратель неправды, был поныню, приготовившей уста к вкушению сладости царствия Божия. Обезглавленный Иродиадой, он открыл собой христианский мученический венец; и первый он был свидетелем мира, обновленного сознанием. Люди суеты, имевшие в его лице своего истинного врага, не могли допустить, чтобы он был жив; обезображенный труп его, простертый на пороге христианства, наметил кровавую дорогу, по которой после него пришлось идти стольким другим мученикам.

Со смертью Иоанна не исчезла, однако, его школа. Она просуществовала некоторое время отдельно от школы Иисуса и сначала в добром согласии с нею. И еще много лет после смерти обоих учителей было в ходу крещение Иоанна.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Первые выступления в Иерусалиме.

Почти каждый год Иисус отправлялся в Иерусалим на праздник Пасхи. Подробности каждого путешествия мало известны, так как синоптики не говорят об этом, а сведения четвертого Евангелия об этом весьма туманны. По-видимому, к 31-му году и несомненно ко времени после смерти Иоанна относится имеющее наибольшую важность пребывание Иисуса в столице. Ему сопутствовали многие ученики. Хотя Иисус придавал мало значения паломничеству, он соглашался на него, не желая оскорбить общественного мнения иудеев, с которым он еще не порвал окончательно. Кроме того, эти паломничества имели существенное значение для его намерений; дело в том, что он уже понимал, что для того, чтобы играть первостепенную роль, ему необходимо уйти из Галилеи и атаковать иудаизм в его цитадели – в Иерусалиме.

Маленькая галилейская община была здесь совершенно беспочвенной. В то время Иерусалим представлял собой почти то же, что и теперь, а именно, город педантизма, споров, ненавистничества и умственного ничтожества. Фанатизм был там крайне обострен; религиозные бунты вспыхивали чуть ли не ежедневно. У кормила власти стояли фарисеи; единственным занятием было изучение Закона, доведенное до самых ничтожных мелочей, до самой чистой казуистики. Этот исключительно теологический и канонический культ совершенно не содействовал развитию умственных способностей. Совершилось нечто аналогичное бесплодным учениям мусульманских факиров, пустым учениям, которые вертятся вокруг мечети и ведут только к напрасной трате времени и сил на простую диалектику без всякой пользы для умственной дисциплины. Весьма сухое

теологическое образование современного духовенства не может дать никакого представления об этом, потому что эпоха Возрождения внесла во все, даже самые непокорные системы преподавания долю литературности и методы, которые заставили даже схоластику принять более или менее гуманитарную окраску. Наука иудейского ученого, софора или книжника, была чисто варварской, безусловно, абсурдной и лишенной всякого морального элемента. В довершение несчастья она внушала смешную гордость тому, кто затратил силы на усвоение ее. Гордый мнимым знанием, которое стоило ему стольких трудов, иудейский книжник относился с тем же пренебрежением к греческой культуре, с каким современный мусульманский ученый относится к европейской цивилизации, а католический теолог старой школы к познаниям светских людей. Отличительное свойство этих схоластических культур заключается в том, что они преграждают уму доступ ко всему изящному, воспитывают уважение только к ребяческим трудностям, на которые ушла вся жизнь и на которые создается взгляд, как на природное занятие людей, сделавших себе из важности — профессию.

Этот ужасный мир не мог не тяготить чуткую душу прямолинейных чад севера Палестины. Презрение жителей Иерусалима к галилеянам усиливало этот раскол. В прекрасном храме, предмете всех их мечтаний, они по большей части встречали только оскорбления. Стих из псалма паломников: «Я предпочел лучше быть у порога дома Божия», казалось, был написан специально для них. Священник презрительно усмехался, глядя на их наивную веру, точно так же, как некогда духовенство в Италии, освоившись совершенно со святыней, относится холодно и почти с насмешкой к горячей вере прибывшего издалека паломника. Галилеяне говорили на довольно испорченном местном наречии, произношение у них было неправильное; они смешивали различные придыхания, что вызывало весьма смешные недоразумения. В вопросах веры их считали невеждами и недостаточно правоверными; так что выражение:

«глуп как галилеянин», – сделалось пословицей. Полагали (и не без основания), что в них мало чистой еврейской крови, и считали установленным, что пророк не может быть родом из Галилеи. Для поддержания в себе надежд бедным галилеянам, отодвинутым на самые границы, почти за пределы иудаизма, остался только один довольно плохо истолкованный текст из Исаяи: «Земля Завулонова и земля Нафалимова, на приморской дороге, Галилея Языческая! Народ, блуждавший во тьме, увидел яркий свет; взошло солнце и для находившихся во мраке». Репутация родного города Иисуса была особенно плоха. Говорят, что фраза: Из Назарета что может быть доброе? – была народной поговоркой.

Необыкновенная унылость природы в окрестностях Иерусалима должна была увеличивать нелюбовь к нему Иисуса. Долины там безводны; почва суха и камениста. И только когда взгляд падает на долину Мертвого моря, то вид представляет нечто поразительное; в остальных местах вид чрезвычайно однообразен. И лишь один холм Мицпа, со связанными с ним воспоминаниями из древней истории Израиля, привлекает взгляд наблюдателя. Во времена Иисуса город имел почти такую же архитектуру, как и теперь. В нем не было древних монументов, так как до царствования Асмонеев иудеи оставались чуждыми почти всякого искусства; Иоанн Гиркан начал украшать Иерусалим, а Ирод Великий сделал город великолепным. Иродовы сооружения соперничают с самыми законченными постройками античного мира своей грандиозностью, совершенством выполнения и красотой материалов. Масса оригинальных гробниц возвышалась около того времени в окрестностях Иерусалима. Стиль этих монументов был греческий, приспособленный к обычаям иудеев и сильно видоизмененный сообразно их принципам. Скульптурные украшения из мира животных, которые позволяли себе делать Ироды к великому неудовольствию ригористов, были совершенно изгнаны из него; их заменили украшениями из растительного царства. Любовь древних жителей Финикии и Палестины к сооружению монолитов, высеченных в скалах, казалось,

возрождались в этих странных гробницах, высеченных из камня, гробницах, в которых так странно перемешались требования греческого искусства с архитектурой троглодитов. Иисус, смотревший на произведения искусства, как на пышную выставку тщеславия, относился к этим монументам очень неблагоприятно. Его абсолютный спиритуализм, его твердое убеждение, что внешний вид старого мира должен измениться, ограничивал его интересы только духовным.

В эпоху Иисуса храм был еще совершенно новым, и внешние украшения еще не были вполне закончены. Ирод начал его перестройку за 2-21 год до начала христианской эры для того, чтобы привести его в гармонию с остальными своими сооружениями. Наос храма был закончен постройкой в восемнадцать месяцев, а портики – в восемь лет; постройка же второстепенных частей шла медленно и закончилась лишь незадолго до взятия Иерусалима. По всей вероятности, Иисус глядел на эти работы не без некоторой тайной досады. Эти надежды на далекое будущее являлись как бы оскорблением по адресу его близкого пришествия. Более проникательный, чем неверующие и фанатики, он догадывался, что этим грандиозным постройкам осталось уже недолго существовать. В общем, храм представлял чудесное, внушительное целое, о котором едва может дать представление современный харам, несмотря на всю свою красоту. Дворы и портики, окружающие храм, служили ежедневно местом собрания огромных масс народа, так что это огромное пространство служило одновременно и храмом, и форумом, и судом, и университетом. Там происходили все религиозные диспуты иудейских школ, там сосредоточивалось все церковное преподавание, все процессы и гражданские дела. Одним словом, там концентрировалась вся деятельность нации. Здесь вечно раздавались громкие споры, это было широкое поле для диспутов, сопровождавшихся софизмами и искусными вопросами. Таким образом, храм имел большое сходство с мусульманской мечетью. Римляне, относившиеся в это время с полным уважением к иноземным религиям, пока они находились на

собственной территории, не позволяли себе входить в святилище; греческие и латинские надписи обозначали те пункты, до которых разрешался доступ для не иудеев. Но башня Антония – главный штаб римских вооруженных сил, была выше ограды храма, и с нее можно было наблюдать за всем, что там происходит. Полицейская власть находилась в руках иудеев; особый начальник заведовал храмом, приказывал отпирать и запираť ворота; запрещал проходить через паперть с палкой в руках, в грязной обуви, с ношей или с целью сократить дорогу. Особенно заботились о том, чтобы во внутренние портики не проник кто-либо, считающийся по закону Моисея нечистым. Так, для женщин существовали посредине первого двора особые места, окруженные деревянными заборами. Здесь-то в этом храме Иисус и проводил все дни в продолжение своего пребывания в Иерусалиме. Праздники привлекали в этот город огромные массы народа. Артелями, по десяти, двадцати человек, паломники заполняли все помещения и жили в этой беспорядочной толпе, которая так нравится жителям Востока. Иисус терялся в этой толпе, и группировавшиеся вокруг него бедные галилеяне были здесь почти совершенно незаметны. Возможно, что он чувствовал, что здесь он во враждебном лагере, и что его здесь встретят пренебрежительно. Все, что он видел, раздражало его. Храм, как и вообще все сильно посещаемые места молений, представлял мало назидательного. Обряды богослужения сопровождались целым рядом отталкивающих подробностей, в особенности торговлей, ради которой в священной ограде храма устроились лавки. В них продавались жертвенные животные; тут же находились лавки мячал. Временами можно подумать, что находишься на рынке. Низшие служащие при храме выполняли, вероятно, свою службу с тем вульгарным отсутствием религиозного чувства, которое свойственно низшему духовенству всех времен. Это нечестивое и пренебрежительное обращение со священными предметами оскорбляло религиозное чувство Иисуса, иногда доходившее до шепетильности. Он говорил, что из дома молитв

сделали воровской вертеп. Однажды, говорят, он не мог сдержатъ своего гнева; он побил бичом этих низких торгашей и опрокинул их столы. Вообще, он не любил храма. В поклонении, которое он задумал установить своему Отцу, не было места этим сценам, пригодным для бойни. Все эти старые иудейские установления были ему противны, и он страдал от необходимости им подчиняться. Поэтому храм, или его место, внушал на первых порах христианства благоговейные чувства только иудействующим христианам. Настоящие новые люди питали отвращение к этой античной святыне. Константин и первые христианские императоры оставили там неприкосновенными языческие сооружения Адриана. И только такие враги христианства, как Юлиан, вспоминали об этом месте. Когда Омар вступил в Иерусалим, место, где находился храм, было нарочно осквернено из ненависти к иудеям. Только ислам, этот до некоторой степени возрожденный иудаизм, поскольку последний является воплощением наиболее характерных черт семитизма, отдал ему почести. Место это всегда было антихристианским.

Пред последним, самым долгим пребыванием своим в Иерусалиме, закончившимся его смертью, Иисус пытался заставить выслушать себя. Он стал проповедовать; о нем стали говорить; заговорили о некоторых делах, которые считали чудесными. Но в результате всего этого не создано ни церкви в Иерусалиме, ни группы учеников среди иерусалимлян. Прекрасный учитель, прощавший все, лишь бы его только любили, не мог встретить большого сочувствия в этом святилище суетных диспутов и устаревших жертвоприношений. Он завязал только несколько добрых связей, принесших впоследствии свои плоды. Неизвестно, именно тогда ли он познакомился с семьей из Вифании, доставившей ему столько утешения среди испытаний последних месяцев. Но может быть тогда у него начались сношения с Марией, матерью Марка, в доме которой несколько лет спустя состоялось брасование (собрание?) апостолов при участии самого Марка. Точно так же весьма

рано он привлек внимание некоего богатого фарисея Никодима, члена синедриона, пользовавшегося в Иерусалиме большим уважением. Человек этот, по-видимому, честный и добросовестный почувствовал симпатию к юному галилеянину. Не желая скомпрометировать себя, он, говорят, явился к нему ночью и долго говорил с ним. Без сомнения, он сохранил о нем благоприятное впечатление, так как впоследствии он защищал Иисуса от обвинения своих же братьев. После смерти Иисуса он окружает благочестивыми заботами труп учителя. Никодим не сделался христианином; он полагал, что благодаря своему положению он не мог вступать в революционное движение, не насчитывавшее еще в своих рядах известных людей. Но он очень дружелюбно относился к Иисусу и оказывал ему услуги, хотя и не был в состоянии спасти его от смертного приговора, который в ту эпоху, к которой мы приблизились, уже был как бы подписан.

Из знаменитых ученых того времени Иисус не состоял ни с кем в сношениях. Гиллель и Шаммаи уже умерли; самым главным авторитетом того времени был Гамалиил, внук Гиллеля. Это был либеральный ум, светский человек, склонный к мирским исследованиям и весьма терпимый благодаря своим связям с высшим обществом. В противовес суровым фарисеям, ходившим с покрывалом на голове или с закрытыми глазами, он глядел на женщин и даже на язычников. Ввиду его близости ко двору, предание простило ему все это, даже знание греческого языка. Говорят, что после смерти Иисуса, он высказал весьма умеренные взгляды на новую секту. Св. Павел принадлежал к его школе. Но весьма вероятно, что Иисус никогда не входил в нее.

Мысль, которую Иисус вынес из Иерусалима и которая с этого времени прочно укоренилась в нем, это мысль, что необходимо совершенно порвать со старым иудейским культом. Ему казалось абсолютно необходимым уничтожить жертвоприношения, внушавшие ему такое отвращение, сместить нечестивое и высокомерное духовенство и отменить Закон вообще. С этого момента он уже не является

иудейским реформатором, а является разрушителем иудаизма. Некоторые сторонники мессианских идей уже в то время признали, что Мессия даст новый закон, общий народам всего мира. Ессеи, которые не были почти евреями, также, по-видимому, относились безразлично к храму и Моисеевым предписаниям. Но ведь это были только отдельные смелые и притом не общепризнанные попытки. Только Иисус первый решился утверждать, что, начиная с него или, вернее, начиная с Иоанна, не существует прежнего Закона. И если иногда он и употреблял более скромные выражения, то это только для того, чтобы не слишком сильно задевать общепризнанные предрассудки. Когда же его заставили дойти до конца в своих рассуждениях, то он сбрасывал все покрывала и заявлял, что Закон не имеет никакой силы. Для доказательства этого он приводил сильные сравнения: «Никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленой ткани. Не вливают также вина молодого в ветхие меха». Вот в чем заключается в практике его подвиг Учителя и Творца нового. Существующий храм высокомерными надписями не допускает за пределы свои всех неиудеев. Иисус не признает этого. Этот узкий, непреклонный и жестокий закон пригоден только для потомков Авраама. Иисус утверждает, что всякий человек, который его принимает и любит, и есть сын Авраама. Расовая гордость кажется ему главным врагом, с которым надо бороться. Другими словами, Иисус уже не иудей. Он революционер в высшем смысле этого слова; он приглашает всех людей учредить религию, главной основой которой была бы та особенность, что все люди – дети Божьи. Он провозглашает права человека, а не права иудеев, религию человека, а не иудея; освобождение человечества, а не освобождение иудея. О, как это далеко от Иуды Гавлонита, от Мавея Марголоты, проповедовавших революцию во имя Закона! Учреждена религия человечества основанная на чувстве, а не на крови. Учение Моисея оказалось превзойденным: нет смысла в существовании храма и он бесповоротно осужден на гибель.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Отношение Иисуса к язычникам и самарянам.

Сообразно таким принципам, он презирал всякую религию, не идущую от сердца. Суетные обрядности ханжей, внешний ригоризм, полагающий спасенье в кривлянии имели в нем смертельного своего врага. Он очень мало думал о постах. Забвение обид имело в его глазах большее значение, чем жертвоприношение. Любовь к Богу, милосердие, взаимное прощение – вот весь символ веры его. Нигде вы не найдете меньше, чем в учении Иисуса, жреческого элемента. Священник, как таковой, склонен побуждать адептов к общественному жертвоприношению, отправлять которое должен обязательно он; он не рекомендует личной молитвы, так как в таком случае можно обойтись и без него. Напрасно стали бы мы искать в Евангелии указания на то, какие молитвы рекомендует Иисус. Даже крещение имеет в глазах его лишь второстепенное значение, что же касается молитвы, то по этому поводу он не дает никаких указаний, если не считать того, что она должна идти от самого сердца. Многие, как это и бывает всегда, полагали заменить у слабых духом людей истинную любовь к добру лишь благим пожеланием и надеялись заслужить себе царствие небесное возгласами «равви», обращенными к нему. Он всех их отталкивал и говорил, что вера его в добрых делах. Часто он приводил им следующее место из пророка Исаии: «Этот народ чтит меня лишь устами, но сердце его отвратилось от меня».

Празднование субботы было тем пунктом в его учении, вокруг которого и создавалось, главным образом, целое здание недоразумений и фарисейских придинок. Это хорошее древнее установление стало предлогом для жалких диспутов казуистов, источником множества суеверий. Многие

верили, что даже сама природа ее соблюдает; все перемешающиеся источники слыли за «субботные». И вот на диспуты по этому пункту Иисус и любил больше всего вызывать своих противников. Сам он открыто нарушал субботу и тонкими шутками отвечал на упреки за это. Еще с большим основанием он презирал всю массу обрядностей, которые были прибавлены к закону традицией, благодаря чему они и стали дороже сердцу ханжей. Он был самым беспощадным врагом омовений и мелочной разборчивости в том, что чисто, а что нет. «Можете ли вы, – говорил он, – омыть свою душу? Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека». Все удары свои он направлял на фарисеев, проповедующих все это лицемерие. Он обвинял их в том, что они усиливают строгость закона и тем создают для людей новые случаи, чтоб грешить: «Слепые вожди слепых, – говорил он, – а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». – «Порождения ехидны, – добавлял он, – как можете вы говорить доброе, будучи злыми, вы делаете лживой пословицу: от избытка сердца говорят уста». Он недостаточно хорошо знал язычников, чтобы надеяться на их обращении, создать что-либо прочное. В Галилее жило много язычников, но сколько можно судить, там не было ни одного государственного организованного культа ложных богов. Иисус имел возможность видеть такой культ во всем его блеске в Тире, Сидоне, Кесаре Филиппийской и Десятиградии. Он почти не обратил на него никакого внимания. Вы нигде не встретите у него утомительного педантизма евреев того времени, страстных нападков на идолопоклонников, отличающих его единоверцев со времен Александра и наполняющих собою, например, всю книгу «Премудрости». В язычниках его поражает не идолопоклонство, и подобострастие. Этот молодой еврей-демократ, вполне сходявшийся в этом с Иудой Гавлонитом, не признавал иного господина кроме Бога. Вот почему его чувство оскорбляли почести, воздававшиеся князьям, и порою лживые титулы, которыми их наделяли. Вот почему, когда он встречает язычников, он проявляет

большей частью большую снисходительность; порою кажется, что больше на них надеется, чем даже на евреев. Царствие Божие будет открыто и для них. «Когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Злодеев сих предаст смерти, а виноградник отдаст другим, которые будут отдавать ему плоды во времена свои». Иисус особенно должен был держаться такого взгляда, так как, согласно представлениям евреев, обращение язычников было одним из самых верных признаков пришествия Мессии. В его царстве наряду с Авраамом, Исааком и Иаковом и люди, пришедшие со всех концов света, законные же наследники будут отвергнуты. Правда, часто в наставлениях, которые он преподает своим ученикам, можно увидеть как раз противоположную тенденцию; по-видимому, он предписывает им проповедовать спасение лишь среди правоверных евреев; он говорит о язычниках совершенно в духе характерного для евреев предупреждения. Надо вспомнить, что ученики его, ограниченный ум которых не был способен к такому беспристрастному отношению к достоинствам потомков Авраама, легко могли исказить предписания учителя в духе своих собственных взглядов. Кроме того, очень может быть, что и сам Иисус несколько раз менял свое отношение к язычникам. Ведь мог же это сделать Магомет по отношению к евреям, о которых он отзывается в Коране то самым наилучшим образом, то с необыкновенной резкостью, смотря по тому, надеется ли он привлечь их на сторону своего учения или нет. В самом деле, предание приписывает Иисусу следующих два противоположных принципа прозелитизма, из которых он мог применять каждое: «Кто не идет против вас, тот с вами», и «Кто не со мной, тот против меня». В пылу борьбы почти всегда неизбежны подобного рода противоречия.

Втиснутая наподобие островка между двух больших провинций, где господствовал иудаизм (Иудея и Галилея), Самария представляла в Палестине своеобразную чересполосную территорию, где хранился культ Гаризима, родственный со своим соперником, культом Иерусалимским.

К этой секте, не обладавшей ни гением, ни ученой организацией иудаизма, в собственном смысле этого слова, иеросоломиты относились с чрезвычайной жестокостью. Их ставили на одну доску с язычниками, только к ним относились еще с большей ненавистью. Из странной оппозиции Иисус к ней относился хорошо. Часто он даже предпочитает самарян правоверным евреям. И если в некоторых случаях он, по-видимому, и запрещает своим ученикам идти к ним с проповедью, отдавая Евангелие в удел лишь настоящим евреям, то здесь, без сомнения, этот завет был приурочен лишь к данному случаю, к определенным обстоятельствам, а вовсе не имел того абсолютного значения, какое приписали ему потом апостолы. Действительно, несколько раз самаряне приняли его плохо, так как предполагали, что он исполнен предубеждения против них, как и все его единоверцы. Точно так же в наше время мусульманин смотрит на всякого европейца, даже на свободомыслящего, как на своего врага, так как видит в нем фанатичного христианина. Иисус как-то умел обходить все эти недоразумения. У него было, по-видимому, несколько учеников в Сихеме, и он провел там, по меньшей мере, два дня. В одном случае он встретил благодарность и истое благочестие только у самарянина. Одной из самых прекрасных его притч была притча о человеке, раненом на дороге в Иерихон. Мимо этого человека проходит священник, видит его и продолжает свой путь. Затем проходит левит и также не останавливается. Сжалился над ним лишь самарянин; он подошел к нему, пролил на его раны масло и перевязал их. Отсюда Иисус заключил, что истинно братские отношения между людьми устанавливаются не верой, а чувством милосердия. «Ближним», под которым иудаизм подразумевает преимущественно своих единоверцев, он считает всякого человека без различия секты, который жалеет подобных себе.

Братство людей в самом широком смысле, – вот чем дышат все его поучения. Эти мысли, занимавшие Иисуса при выходе из Иерусалима, были необыкновенно живо изображены в одном из сохранившихся рассказов о его возвращении.

Дорога из Иерусалима в Галилею проходит на расстоянии получаса пути от Сихема, перед входом в долину у подножия гор Гевал и Гаризим. Дорогу эту евреи-странники вообще избегали, так как они предпочитали лучше сделать длинный крюк в сторону Переи, чем подвергаться опасности со стороны самаритян или просить их о чем-нибудь. Иудеям было запрещено есть и пить вместе с ними; некоторые казуисты даже считали аксиомой, что «кусочек хлеба самарянина все одно, что свинина». Отправляясь же этой дорогой, обыкновенно заранее брали с собой запасы провизии, и все же редко удавалось избежать драки и обид. Иисус не разделял этого недоброжелательного отношения, не разделял и этих опасений. И вот, когда, идя этой дорогой, он пришел к тому месту, откуда открывается налево Сихемская долина, он почувствовал утомление и присел отдохнуть у колодца. Самаряне точно так же, как и теперь, и в то время имели обыкновение давать различным местностям своей долины названия, связанные с воспоминаниями о патриархах. Колодец, у которого присел Иисус, назывался Иаков; это был, по всей вероятности, тот самый колодец, который доньше носит название Бир-Якуб. Ученики Иисуса направились в долину и пошли в город за провизией. Иисус сидел у колодца, пред ним возвышалась гора Гаризим.

Было около полудня. Какая-то женщина пришла из Сихема за водой. Иисус попросил у нее напиться, чем сильно ее удивил, ибо евреи избегали обыкновенно всяких сношений с самаритянами. Разговор с Иисусом до такой степени покорила эту женщину, что она решила, что это пророк. И вот, полагая, что он начнет упрекать ее за ее веру, не дожидаясь этого, она обратилась к нему со следующими словами: «Господи, отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме?» – Иисус говорит ей: «Поверь мне, что наступит время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Но истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине».

Да, в тот день, когда он произнес эти слова, он был поистине сыном Божиим. Он в первый раз произнес то слово, на котором впоследствии было основано все здание вечной религии. Он положил начало чистому культу вне времени и места, которому будут поклоняться все чистые духом до скончания века. В этот день его религия стала не только религией всего человечества; она возвысилась до абсолютной религии. И если на других планетах имеются люди, наделенные разумом и нравственным чутьем, их религия не может отличаться от той, которую провозгласил Иисус у колодца Иакова. Человечество не сумело усвоить ее; идеал достижим лишь на мгновение. Слово Иисуса это проблеск света среди мрачной ночи. 18 столетий потребовалось для того, чтобы человечество (что я говорю? – самая незначительная часть его!) привыкло к ослепительному блеску. Но проблеск света предвещает яркое солнце и, пройдя через весь этот ряд заблуждений, человечество снова придет к этому слову, бессмертному отражению его верований и надежд.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Возникновение легенды об Иисусе. Его собственное представление о своей сверхъестественной роли.

Иисус вернулся в Галилею, уже совершенно утратив свою старую веру, полный революционного энтузиазма. Теперь уже идеи его получили вполне определенное выражение. Вместо невинных афоризмов первого периода его пророческой деятельности, позаимствованных им отчасти у древних раввинов, вместо высоких нравственных проповедей второго периода – он посвящает себя вполне определенной политической деятельности. Старый Закон будет отменен, и сделает это никто иной, как он сам. Мессия пришел, это он сам. Царствие Божие скоро объявится, и объявится оно опять-таки через него. Он знает отлично, что станет жертвой своей отваги, но царствие Божие не может быть завоевано без насилия; наступит оно лишь после ряда катастроф и междоусобиц. Сын Человеческий снова придет после своей смерти, на этот раз покрытый славой, в сопровождении легионов ангелов, и все, кто отвергнут его, все будут посрамлены.

Не надо изумляться смелости подобных мыслей. Иисус давно уже смотрел на свои отношения к Богу, как на отношения сына к отцу. И то, что у других могло бы казаться несносной гордостью, у него не производит такого впечатления. Титул «сына Давида» был первый, принятый им; весьма вероятно, однако, что он не принимал ни малейшего участия в тех невинных подтасовках, при помощи которых хотели доказать его права на него. Род Давида к тому времени давно уж, кажется, пресекся; ни Асмонеи, ведший свой род от первосвященников, ни Ирод, ни римляне ни на минуту не подозревали, что где-нибудь около них может

существовать представитель древнего царского рода. Но уже с прекращением рода Асмонеев всеми овладела одна и та же мечта о безвестном потомке древних царей, который отомстит врагам своего народа. Все верили в то, что Мессия будет сыном Давидовым и родится, как он, в Вифлееме. Первоначальный замысел Иисуса был вовсе не таков. Его небесное царство не имело ничего общего с воспоминаниями о Давиде, которые интересовали в то время еврейскую массу. Он считал себя сыном Божиим, а не сыном Давида. Его царствие Божие и освобождение, которое он замышлял, были явлениями совершенно другого порядка. Однако в данном случае общее убеждение произвело давление и на него. Непосредственным следствием принятия положения «Иисус – Мессия» было другое положение: «Иисус – сын Давидов». И он позволил дать себе этот титул. В конце концов, ему стало, по-видимому, это доставлять удовольствие, так как он охотнее совершал чудеса, когда, обращаясь к нему, его называли этим именем. Тут, как и во многих других случаях своей жизни, Иисус склонился на сторону распространенных в его время идей, хотя сам он и не разделял их. К своему догмату о «царствии Божием» он присоединил все, что могло подогреть сердца и распалить воображение. Так, например, он принял крещение Иоанна, хотя, как мы видели, оно не должно было иметь в глазах его большого значения.

Но тут появилось весьма важное затруднение: всем известно было, что он родился в Назарете. Неизвестно, выступал ли Иисус против этого возражения. Возможно, что в Галилее, где мысль о том, что сын Давидов должен родиться в Вифлееме, не была широко распространена, таких возражений никто и не делал. К тому же, в глазах галилеянина-идеалиста титул «сына Давидова» оказывался вполне заслуженным уже в том случае, если тот, кто носил его, увеличивает славу своей расы и возвращает на землю прекрасные дни Израиля. Можно ли считать, что своим молчанием он как бы подтвердил ту вымышленную генеалогию, которую придумали его последователи для доказательства

его рождения в Вифлееме, а в частности, тот прием, с помощью которого его вифлеемское происхождение было приурочено к переписи, произведенной по приказанию императорского легата Квириния. Никто этого не знает. Те неточности и противоречия, с которыми мы встречаемся в его родословных, располагают нас к мысли, что они были продуктом народного творчества, шедшего в разных направлениях, и что ни одна из них не была подтверждена Иисусом. Сам он никогда не называл себя сыном Давидовым. Ученики его, менее просвещенные, чем он, часто преувеличивали то, что он сам говорил о себе; Сам же он чаще всего даже и не имел понятия об этих преувеличениях. Ко всему сказанному надо добавить, что в течение первых трех столетий целый ряд значительных христианских фракций самым решительным образом отрицал царское происхождение Иисуса и достоверность всей этой генеалогии. Таким образом, легенда о нем была продуктом какого-то вполне самостоятельного заговора и создавалась около него еще при его жизни. В истории не было ни одного великого события, к которому не приурочивался бы целый цикл всяких сказок, и если бы даже Иисус и желал этого, он не смог бы остановить этого народного творчества. Может быть, проницательный глаз исследователя уже к этому времени отнесет зародыш тех сказаний, в которых ему приписывали сверхъестественное происхождение. Идея о таком происхождении могла возникнуть под влиянием той весьма распространенной в древности мысли, что необыкновенный человек не может родиться обычным половым путем; быть может, этим хотели согласовать его рождение с той плохой понятой главой из Исаии, где по общему толкованию было сказано, что Мессия родится от девы. Это могло быть, наконец, выводом из той идеи, что «Дух Божий», воплотившись в божественной ипостаси, является началом плодovitости. Быть может, уже в то время о детстве Иисуса ходила не одна сказка, придуманная для того, чтобы доказать на его биографии осуществление мессианского идеала или, вернее говоря, тех пророчеств, которые экзегетика аллегориче-

того времени связывала с именем Мессии. Общепринятое мнение гласило, что появление Мессии будет возвещено звездой, что сейчас же после его рождения ему придут поклониться послы от далеких народов и принесут дары. Осуществление этого пророчества усмотрели в появлении так называемых халдейских волхвов, которые как раз в то время прибыли в Иерусалим. В других местах ему уже с колыбели приписали сношения со знаменитостями того времени, Иоанном Крестителем, Иродом Великим и двумя старцами, Симеоном и Анной, оставившими по себе воспоминания о своей святости. Все эти комбинации, основанные большей частью на извращении действительных событий, подкреплялись довольно сомнительного свойства хронологией. Все эти сказки были проникнуты каким-то особенным теплым и хорошим чувством, весьма характерным для народного творчества, и это делало их прекрасным дополнением к проповеди. Особенно распространились эти сказания после смерти Иисуса; однако можно думать, что они циркулировали еще и при его жизни, встречая повсюду лишь благочестивую доверчивость и наивный восторг.

Не подлежит сомнению, что Иисус никогда и не помышлял о том, чтобы выдавать себя за воплощение самого Бога. Такая идея совершенно не свойственна еврейскому уму, мы не найдем ни малейшего следа этого в синоптических Евангелиях; только в четвертом Евангелии встречаются такие места, в которых можно увидеть намеки на это, но эти места менее всего можно считать отражением мыслей Иисуса. Иногда получается впечатление, что Иисус даже принимает меры к тому, чтоб отвергнуть такое учение. Даже в четвертом Евангелии сказано, что обвинение Иисуса в том, что он считал себя Богом, или равным ему, — клевета со стороны евреев. В этом Евангелии Иисус открыто заявляет, что он ниже Отца. В другом месте он признается в том, что Отец открыл ему не все. Он считал себя чем-то более высоким, чем обыкновенный человек, но рядом с этим он говорит, что от Бога его отделяет целая бесконечность. Он — сын Божий, но ведь и все люди дети Его, или, во всяком

случае, в большей или меньшей степени могут стать такими. Все должны ежедневно называть Господа своим отцом, все воскресшие будут сынами его. В Ветхом Завете божественное происхождение приписывалось и таким людям, приравнивать которых к Богу не было и мысли. Слово «сын» в семитических наречиях и в Ветхом Завете употребляется в самом широком значении. Кроме того, представление Иисуса о человеке далеко не похоже на невысокое представление о нем, созданное холодным деизмом. Согласно его поэтическому представлению обо всей природе, вселенная проникнута единым духом: дух человека – дух Божий; Бог почиет в человеке, живет им; а человек, в свою очередь, живет в Боге и Богом. Трансцендентальный идеализм Иисуса не давал ему никогда возможности составить вполне ясное представление о своей собственной личности. Он и его Отец – одно и то же. Отец – это он. Он живет в своих учениках; он всюду с ними; он и его ученики составляют нечто единое, целое, подобно тому, как и он со своим Отцом. Идея для него – все; тело, отличающее одних от других, – ничто.

Таким образом, имя «сын Божий» или просто «Сын» стало применяться к Иисусу в смысле аналогичном с названием «сын человеческий», а, следовательно, и как синоним «Мессии», с той единственной разницей, что сам он называл себя «сыном человеческим» (есть основание утверждать это) и сам не употреблял в этом случае слова «сын Божий». Названием «сын человеческий» обозначалось его звание судьи; титул «сын Божий» должен был указывать на его участие в высших предначертаниях и его могущество. Могущество это не имело пределов. Его Отец сделал его всемогущим. В его власти даже отменить субботу. Никто не может познать Отца иначе, как через него. Отец передал ему право судить. Природа ему повинует, но она также повинует и всякому, кто только верит и молится; вера всесильна. Надо помнить, что ни ему, ни его слушателям никогда не приходила и мысль о законах природы, устанавливающих пределы возможного.

Свидетели его чудес благодарили Господа за то, «что он дал такую власть людям». Он отпускает грехи; он выше Давида, Авраама, Соломона, выше пророков. Мы не знаем, в какой форме и в какой степени были сделаны эти утверждения. К Иисусу нельзя прикладывать нашу условную мерку. Бывшее через край восхищение перед ним его учеников увлекало и его самого. Ясно, что при таких условиях звание равви, которым он прежде удовлетворялся, казалось ему теперь уже недостаточным, и даже титул пророка, посла Божия, уже не соответствует его настроению. Он начинает выдавать себя за сверхъестественное существо, и ему хотелось бы, чтоб на него смотрели, как на существо, которое находится в иных, боле высоких, чем все остальные люди, отношениях к Богу. Но надо отметить, однако, что религиозная мысль Иисуса не знала таких слов, как «сверхчеловеческий», «сверхъестественный», слов, заимствованных уже из нашей скудной представленийми теологии. В его глазах природа и развитие человечества не составляли какой-то особой области, находящейся вне влияния Бога; они не были для него какой-то жалкой реальностью, подчиненной особым законам, строгим и непреложным. Для него не существовало ничего сверхъестественного, ибо и природу он не выделял из всего. Опыяненный бесконечной любовью, он забывал о тяжких оковах, сковывающих плененный человеческий ум. Гордым полетом мысли он переносился через бездну, отделяющую благодаря человеческой ограниченности Бога от человека, и непреодолимую для большинства людей.

Во всяком случае, точность обдуманной схоластики не была свойственна этому времени. Изложенные только что идеи складывались все вместе в голове его учеников в такую нестройную богословскую систему, что, например, Сын Божий, в некотором роде двойник Божества, действует, по их представлению, совсем как простой человек. Его искушают, он не знает многих вещей, он исправляется; взгляды его меняются, он бывает мрачен, падает духом; он просит Отца избавить его от испытаний, он покорен Богу,

как сын Отцу. Он, кому предстоит судить мир, не знает даже и дня суда; он принимает меры предосторожности, желая обезопасить себя. Почти сейчас же после его рождения его пришлось скрыть от сильных мира сего, желавших убить его.

При заклинании бесов, дьявол глумится над ним, и выходит из одержимых им не сразу. Во всех его чудесах чувствуется необычайно сильное напряжение, некоторая усталость, словно надорванность. Все это просто-напросто деяния посланца Божьего, обыкновенного человека, которому Бог покровительствует и помогает. Искать логики и последовательности тут не приходится. Противоречия же объясняются, с одной стороны, необходимостью для Иисуса внушить веру в себя, и с другой – энтузиазмом его учеников. В глазах мессианцев школы хилиастов, в глазах лиц, с ожесточением зачитывающихся книгами Даниила и Эноха, он был сыном Давида, последователи считали его Сыном Божьим или, короче, Сыном. Были и такие, которые считали его воскресшим Иоанном Крестителем, и за это их не порицали даже его ученики. Наконец, некоторые видели в нем древних пророков Илию и Иеремию, вставших, согласно народному верованию, из гроба, чтобы подготовить людей к пришествию Мессии.

Твердое убеждение или лучше сказать энтузиазм, под влиянием которого он утратил даже способность к какому бы то ни было сомнению, объясняло всю эту смелость. Нам, с нашим холодным и робким умом, плохо понятно даже, как может кто-нибудь так беззаветно отдаться во власть той идеи, апостолом которой он выступает.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Чудеса.

Уже давно Иисус узнавал себя в священных предсказаниях пророков и был убежден, что они имели в виду именно его. Он смотрел на себя, как на зеркало, в котором пророческий дух Израиля находил отражение своего будущего. Христианская школа (может быть, еще при жизни своего учредителя) старалась доказать, что Иисус вполне соответствовал всем предсказаниям пророков о Мессии. Во многих случаях эти сближения были чисто внешними и очень поверхностными. Чаще всего это были случайные и совершенно незначительные обстоятельства из жизни учителя, напоминавшие ученикам некоторые места из Псалмов и пророчеств, – места, в которых благодаря своему сосредоточенному на этом вопросе вниманию они видели изображение всего происходившего на их глазах. Синагога не имела официально установленного списка цитат, относившихся к будущему царству. Мессианские толкования были совершенно свободны и скорее представляли собою стилистическое искусство, чем серьезную аргументацию.

Что же касается чудес, то они считались в это время необходимым признаком божественности и признаком пророческого призвания. Легенды об Илие и Елисее были полны ими. Было признано, что Мессия совершит также много чудес. В Самарии, в нескольких милях от Иерусалима, маг по имени Симон создал себе своими волшебствами репутацию чуть не божества. Впоследствии, когда хотели прославить Аполлония Тианского и доказать, что вся его жизнь была земным странствованием бога, для этого пользовались вымыслами об обширном цикле будто бы совершенных им чудес. Таким образом, Иисусу представлялась

дилемма: либо отказаться от своей миссии, либо сделаться чудотворцем. При этом должно помнить, что весь древний мир, за исключением великих научных школ Греции и их последователей в Риме, возможность чуда признавал, и что сам Иисус не только верил в это, но и не имел ни малейшего представления о естественном порядке вещей и управляющих ими законах. Его познания в этих вопросах ничуть не превосходили знаний его современников. Более того, — одним из наиболее укоренившихся в нем убеждений было то, что с помощью веры и молитвы человек получает власть над природой. Способность творить чудеса считалась даром, которым Бог обычно наделяет людей, и не заключала в себе ничего удивительного.

В наше время взгляды переменялись, — нам кажется унижающим достоинство великого основателя христианства то, что в свое время составляло его главную силу. Но перед анализом таких исторических явлений критика не испытывает никакого затруднения. Возьмем какого-нибудь Франциска Ассизского, и дело совершенно изменится. Цикл чудес, связанных с возникновением ордена францисканцев, не только не оскорбляет нас, но даже доставляет истинное наслаждение. Основатели христианства пребывали в состоянии такого же полного поэтического невежества, как и св. Клара и ее *tressocîi*. Им казалось вполне в порядке вещей то, что их учитель виделся с Моисеем и Илией, повелевал стихиями и исцелял больных. Кроме того, следует помнить, что всякая идея теряет часть своей чистоты, едва она обнаруживает стремление осуществиться. Успеха нельзя достигнуть без компромиссов, без того, чтобы не пострадала душевная чистота. Такова уж слабость человеческого ума, что лучшие дела выигрываются обыкновенно только дурными средствами. Доказательства первых апологетов христианства покоятся на самых слабых доводах. Моисей, Христофор Колумб, Магомет только потому преодолели все препятствия, что они постоянно принимали во внимание человеческие слабости и потому, что не всегда приводили правдивые доводы в пользу истины.

Возможно, что окружающие Иисуса бывали более поражены его чудесами, чем его проповедями, исполненными такой божественной глубины. К тому же и до, и после смерти Иисуса народная молва, несомненно, крайне преувеличила число его чудес. Действительно, типы евангельских чудес не представляют большого разнообразия, они постоянно повторяются и, по-видимому, списаны с незначительного количества образцов, приспособленных к народному вкусу. Среди утомительного перечисления чудесных рассказов, заключающихся в Евангелиях, совершенно невозможно выделить чудеса, приписанные молвою Иисусу при его жизни или после смерти, – от тех чудес, в которых он согласился играть активную роль. Почти все чудеса, которые Иисус воображал, что совершил, заключались в чудесных исцелениях. Медицина в Иудее была в эту эпоху в том же состоянии, в котором она еще и донныне осталась на Востоке: совершенно ненаучна и предоставлена личному вдохновению каждого. Научная медицина, основание которой было положено за пять веков до того в Греции, была иудеям в Палестине в эпоху жизни Иисуса мало известна. А при таком состоянии знаний присутствие при больном выдающегося человека, обращающегося с ним ласково и внушающего ему уверенность в выздоровлении, может действительно принести исцеление. Кто решится отрицать (за исключением, конечно, случаев органических повреждений), что часто одно общение больного с выдающимся человеком лучше всякой аптекарской кухни? Целебно уже одно удовольствие, получаемое от его общества; улыбки, надежды бывает часто достаточно для подъема сил.

Иисус, как и большинство его соотечественников, не имел никакого представления о рациональной научной медицине. Как и все, он полагал, что исцеление приносится, главным образом, исполнением религиозных обрядов, и такая уверенность вполне последовательна. Раз на болезнь смотрели, как на наказание за грех или как на дьявольское наваждение, а не как на следствие физических причин, то в таком случае лучшим врачом являлся святой, обладавший

сверхъестественной силой. Исцеление считалось явлением морального порядка. Иисус, чувствовавший свою нравственную силу, должен был считать себя одаренным властью исцелять. Глубоко убежденный в том, что прикосновение к его одежде, возложение им рук и смачивание его слюной может облегчить людей, – он был бы жесток, если бы отказал страждущим в том облегчении, которое мог им дать. Исцелением больных всегда знаменовалось царство Божие и с ним всегда связывалось облегчение участи бедных. То и другое было признаком великой революции, которая должна была привести к исцелению всего зла и всех немощей. Ессеи, у которых так много общего с Иисусом, также считались весьма могущественными, искусными врачами.

Одним из самых частых случаев исцеления, практикуемых Иисусом, было заклинание или изгнание бесов. Вера в бесов господствовала над умами того времени. Что бесы вселяются в тело некоторых лиц и заставляют их действовать вопреки своей воле, – такое общее мнение существовало не только в Иудее, но во всем мире. Неоднократно упоминаемый в Авесте персидский див Аэшма-даэва, «див вожделения», известный у иудеев под именем Асмодея, считался причиной всех истерических заболеваний у женщин. Эпилепсия, душевные и нервные болезни, при которых больной как бы не владеет собой, – все болезни, для которых не усматривается видимых причин, как глухота и немота, объяснялись точно так же. Замечательный трактат Гиппократов «О священной болезни», установивший еще за четыре с половиной столетия до Иисуса истинные взгляды медицины на эти вопросы, все же не уничтожил всеобщего заблуждения на этот счет. Все верили в существование более или менее действительных приемов для изгнания бесов: занятие заклинанием бесов составляло такую же профессию, как в наше время медицина. Нет никакого сомнения, что Иисус пользовался еще при жизни своей репутацией знающего в совершенстве это искусство. В то время в Иудее было много сумасшедших, – вследствие крайнего возбуждения умов, вероятно. Эти сумасшедшие, бродившие на

свободе, как это и до сих пор происходит в тех же местах, жили в пустынных пещерах, служивших для погребений, в обычном прибежище всех бродяг. Иисус глубоко сожалел этих несчастных. По поводу его врачеваний рассказывались тысячи странных историй, в которых легкое верие того времени находило себе широкий простор. Но и в этих случаях не следует преувеличивать силу влияния Иисуса. Случаи душевных расстройств, объяснявшиеся одержимостью бесами, часто бывали совсем легкие. Даже теперь в Сирии считают сумасшедшим или одержимым бесом (оба эти понятия носят одно и то же название меджнун) людей, отличающихся какою-нибудь странностью. В таких случаях часто бывает достаточно одного ласкового слова, чтобы изгнать «беса». И такие средства, несомненно, и употреблял Иисус. Кто знает, не распространилась ли его слава, как заклинателя бесов, почти без его ведома. Люди, живущие на Востоке, бывают весьма изумлены, узнав через некоторое время, что они пользуются известностью как врачи, волшебники, отыскиватели кладов, причем совершенно не могут припомнить фактов, давших повод к подобного рода измышлениям.

Кроме того, многие обстоятельства как будто указывают на то, что Иисус сделался чудотворцем лишь впоследствии и даже против своей воли. Часто он уступает только усердным просьбам и неохотно совершает свои чудеса, упрекая просителей в умственной неразвитости. Необъяснимую, на первый взгляд, особенность представляет его стремление совершать свои чудеса тайком и требование от исцеленных ничего не рассказывать о них. Когда бесы хотят провозгласить его Сыном Божиим, он запрещает им и заикнуться об этом; и признают они его против его воли. Эта черта особенно характерно отмечена в Евангелии Марка, по преимуществу повествующего о чудесах и заклинаниях бесов. Очевидно, ученик, доставивший главные сведения для этого Евангелия, сильно досаждал Иисусу своими восторгами перед чудесами, и учитель, тяготившийся такой репутацией, часто повторял ему: «Не говори

об этом». Однажды такая размолвка окончилась странной вспышкой гнева, свидетельствующей, как утомляли Иисуса эти постоянные просьбы людей не сильного ума. Временами ему прямо противна, по-видимому, роль чудотворца, и он старается дать возможно меньшую огласку чудесам, которые сопровождают каждый его шаг. Когда его враги требуют от него чуда, в особенности небесного знамения – метеора, он им решительно отказывает. Поэтому мы имеем право предполагать, что ему навязали репутацию чудотворца, – что он, пожалуй, не противился, но и не содействовал этому и что, во всяком случае, он сознавал неосновательность этого о себе мнения.

Поддаться слишком сильно нашим антипатиям в этом пункте значило бы погрешить против правильного исторического метода. Главным условием истинной критики является понимание различия эпох и умение освободиться от тех инстинктивных привычек, которые являются результатом чисто рационалистического воспитания. Чтобы предупредить возможность нареkania на личность Иисуса, – во все не следует замалчивать те факты, которые в глазах его современников стояли на первом плане. Удобнее всего было бы заявить, что все это добавления учеников, а они стояли неизмеримо ниже своего учителя и, не будучи в состоянии понять истинного величия его, могли стараться возвеличить его путями, совершенно его недостойными. Однако все четыре автора жизнеописания Иисуса единогласно восхваляют его чудеса. Один из них, Марк, служивший апостолу Петру переводчиком, так сильно выдвигает эту сторону, что если бы характеристику Христа пришлось составлять исключительно на основании его Евангелия, – то Иисус оказался бы выдающимся по силе заклинателем, внушавшим страх и желание как-нибудь избавиться от него. Итак, мы без колебания должны допустить, что деяния, рассматриваемые в настоящее время, как признаки галлюцинаций или безумия, занимали крупное место в жизни Иисуса. Стоит ли жертвовать величавой стороной этой жизни ради этой темной стороны? Будем остерегаться

этого. Простой волшебник никогда не произвел бы той моральной революции, которую произвел Иисус. Если бы чудотворец затмил в Иисусе моралиста и религиозного реформатора, то от него произошла бы школа теургии, а не христианство.

Впрочем, также стоит вопрос и в отношении всех святых и основателей религий. Те состояния, которые в настоящее время считаются болезненными, – как, например, эпилепсия, галлюцинации, – когда-то считались признаками силы и величия. Современная медицина не затрудняется определить ту болезнь, которая решила судьбу Магомета. И почти до наших дней люди, сотворившие наиболее добра своим ближним (даже сам Венсан де Поль), были – по доброй воле или невольно – чудотворцами. Если исходить из того принципа, что всякое историческое лицо, которому приписывают деяния, считающиеся в XIX веке неразумными или шарлатанскими, было безумцем или шарлатаном, то всякая критика будет неверна. Александрийская школа отличалась благородством и, однако, она увлекалась чудаческой теургией. Сократ и Паскаль не были свободны от галлюцинаций. Факты должны объясняться соответствующими им причинами. Слабость человеческого ума порождает только слабость. Великие события всегда имеют великие причины в природе человека, хотя очень часто они сопровождаются такой массой мелочей, что на поверхностный взгляд они заслоняют собой их величие. Итак, в общем, будет вполне справедливо сказать, что Иисус был чудотворцем и заклинателем помимо своей воли. Как это всегда бывает с натурами великими, божественными, он скорее безмолвно подтверждал наличность чудес, которых требовало общественное мнение, чем совершал их. Чудо, обыкновенно, бывает созданием толпы, а не того, кому его приписывают. Как бы упорно Иисус ни отказывался совершать чудеса, толпа все равно сочинила бы их. Самым великим чудом было бы, если бы он не творил чудес; это было бы самым большим нарушением законов истории и народной психологии. Он так же не в силах был бы подавить жажду чудесного в душе

толпы и своих собственных учеников, как св. Бернар и св. Франциск Ассизский. Чудеса Иисуса были результатом насилия над ним эпохи, уступка, вырванная у него потребностью времени. Вот почему слава заклинателя и чудотворца развеялась, а слава религиозного реформатора будет жить вечно.

Даже те, кто не верил в него, были поражены его делами и желали быть их свидетелями. Язычники и профаны испытывали чувство страха и старались выпроводить его из своей местности. Быть может, многие рассчитывали воспользоваться его именем для восстания. Но чисто нравственный и отнюдь не политический характер деятельности Иисуса спасал его от подобных увлечений. Царство его было в кругу детей, которых собирало и удерживало около него одинаков юное воображение и одно и то же предчувствие царства небесного.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Окончательно сформировавшиеся идеи Иисуса о царствии Божием.

Этот последний период деятельности Иисуса продолжался, надо полагать, около 18 месяцев, со времени его возвращения из паломничества на праздник Кущей 32 г. В этот промежуток времени мысль Иисуса не обогатилась никакими новыми элементами, но то, что было в ней до сих пор, развивалось, крепло и принимало все более смелые формы.

Основная идея Иисуса с первых его шагов заключалась в утверждении царствия Божия. Но это царствие Божие, как мы уже говорили, Иисус, видимо, понимал различно. Временами он походил на демократического вождя, стремящегося просто к царству бедных и обездоленных. В другой раз царствие Божие представляет у него буквальное воплощение апокалипсических видений о Мессии. Наконец, часто царствие Божие толкуется им, как царство духа. И в этом последнем смысле революция, к которой стремится Иисус, есть именно та, которая действительно произошла: установление нового культа, более чистого, чем культ Моисеев, — все эти мысли уживались, по-видимому, одновременно в сознании Иисуса. Но, во всяком случае, первая, т. е. мысль о революции социальной, мало занимала его. Земля, земные богатства и материальное могущество никогда в его глазах не были достойны внимания и труда. Он был чужд всякого внешнего честолюбия. Бывали моменты, когда в силу естественного хода вещей, его великая религиозная миссия была близка к превращению в социальную. Люди просили его объявить себя судьей в вопросах материальных выгод. Но Иисус с негодованием отвергал эти предложения, считая их почти за оскорбление. Преданный своему небесному идеалу,

он всегда оставался в бедности, обнаруживая полное пренебрежение к благам жизни. Что касается двух других представлений о царствии Божиим, то он, по-видимому, дорожил ими одинаково. Если бы он был только энтузиастом с рассудком, отуманенным апокалипсическими сказаниями, которые и питали народное воображение, – тогда он и остался бы безвестным сектантом, последователем чужих идей. Если бы он был только пуританином, вроде Чаннинга или «савойского викария», он не имел бы никакого успеха. Обе части его учения или, точнее, оба его представления о царствии Божиим дополняли друг друга, и в этом взаимном сочетании и кроется причина его несравненного успеха. Первые христиане были галлюцинантами и метались в круге идей, которые мы назвали бы бредом; но в то же время это были герои социальной борьбы, которая закончилась освобождением духа и утверждением религии и повела впоследствии к воцарению чистого культа, возвещенного учителем.

Апокалипсические идеи Иисуса в наиболее полной их форме можно свести к следующему.

Настоящий порядок жизни человечества приходит к своему концу. Кончится он грандиозной революцией, мучительной, как родовые боли; палингенезией или «возрождением» (по выражению самого Иисуса), предшествуемым тяжкими бедствиями и возвещенными небывалыми явлениями. В тот великий день явится знамение Сына Человеческого на небе; и будет видение в громе и молнии, подобно видению на горе Синай, и гроза великая прорежет тучи, и пройдет луч огненный в мгновение ока с востока на запад. Мессия придет на облаках небесных, окруженный славой и величием, при звуке труб, в кругу своих ангелов. Ученики его воссядут рядом с ним на престолах. Мертвые тогда воскреснут, и Мессия начнет вершить свой суд над ними.

На этом суде люди будут разделены на две категории по делам их. Ангелы будут исполнять приговоры судьи. Избранный войдут в пресветлую обитель, уготованную им от создания мира. Там они сядут, одетые светом, на празднестве Авраамовом с патриархами и пророками. Этих будет

меньшинство. Другие же ввержены будут в Геенну. Геенна была долина в западной части Иерусалима. В различные эпохи на ней совершались обряды огнепоклоннического культа, и местность превратилась в своего рода клоаку. И Геенна, в смысле Иисуса, представляет мрачную отвратительную долину, подземную огненную пропасть. Не принятие в царствие небесное будут там палимы и съеданы червями вместе с сатаной и его мятежными ангелами. И будет там плачь и скрежет зубовой. Царствие Божие будет как бы освещенный внутри закрытый чертог среди мира мрака и мук.

Этот новый порядок вещей будет вечен. Рай и геенна не будут иметь конца. Непроходимая пропасть ляжет между ними. Сын Человеческий, воссев одесную Бога, будет господствовать над этим последним состоянием мира и человечества.

Что все это понималось буквально учениками, а в известные моменты и самим учителем, явствует из сочинений того времени с несомненной очевидностью. Если первое поколение христиан верило во что-либо глубоко и постоянно, так это именно в то, что мир близок к концу, и что великое явление Христа скоро свершится. Этот уверенный клич: «Близко время есть!», которым начинается и заканчивается Апокалипсис, этот неустанно повторяемый призыв: «Имеющий уши слышать, да слышит!» – были возгласами упования и лозунгами единения для всего апостольского века. Сирийское выражение «Маран Афа» («грядет Господь наш»), стало обыкновенно употребляться среди верующих, чтобы укрепиться в вере и надеждах. Апокалипсис, написанный в 68 году нашей эры, указывает время пришествия, определяя срок в 3 S года. В «Вознесении Исаяи» принимается почти тот же срок. Иисус никогда не давал таких определений. Когда его спрашивали о времени пришествия, он всегда отказывался отвечать; а однажды прямо заявил, что день этого великого события известен только Отцу, который не открывает этого ни ангелам, ни Сыну. Он говорил, между прочим, что в такой момент, когда люди будут ждать царствия Божия с наибольшей тревогой нетерпения, оно не придет. Он постоянно повторял, что это случится

неожиданно, как неожиданно случились события во время Ноя и Лота. Из этого следует быть настороже, всегда готовым идти за ним; что каждый должен бодрствовать и держать свою лампаду возожженной, как для брачного шествия, которое наступит нежданно. Что Сын Человеческий придет, «яко тать в нощи», – в час, когда его не будут ждать; что он явится, как молния, сверкнувшая от края до края неба. Но заявления о его близости катастрофы вполне недвусмысленны. «Не пройдет сей род, – говорил он, – как все это сбудется. Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в царствии своем». Неверующих Он упрекал в том, что они не умеют узнавать предвестников будущего царства: «Вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; а по утру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! Различать лицо неба вы умеете, а знамение времен не можете?» По иллюзии, свойственной всем великим реформаторам, Иисус представлял себе конечную цель слишком близкой. Он не считался с медленностью движения человечества и воображал, что в один день осуществится то, чему не суждено было еще свершиться и восемнадцать веков спустя.

Эти столь определенные пророчества держались в христианской семье в течение почти семидесяти лет. Допускали, что некоторые из учеников, прежде чем умереть, увидят день второго пришествия. В частности, и об Иоанне думали так. Многие даже думали, что он никогда не умрет. Быть может, впрочем, это мнение – более позднее, относящееся к концу I века, и вызванное преклонным возрастом, какого, по-видимому, достиг Иоанн; последнее обстоятельство и давало основание думать, что Бог желает сохранить ему жизнь на неопределенно долгое время, вплоть до великого дня, когда осуществится обет Иисуса. Когда же он умер своим чередом, вера многих поколебалась, а ученики придали предсказанию Христа более ограниченный смысл.

Совершенно приняв апокалипсические верования в той форме, как они находились в апокрифах иудейских, Иисус

в то же время принял учение, являющееся их дополнением или скорее условием, – о воскресении мертвых. Это учение, как уже сказано, было еще довольно новым для Израиля. Масса людей не знала или не верила в него. Предметом веры оно было только для фарисеев и горячих приверженцев мессианских учений. Иисус принял его без оговорок, но в более идеалистическом смысле. Многие представляли себе, что в мире воскресших будут есть, пить, будут жениться. Иосиф вполне допускал и пасху, и пищу, и вино новое, но решительно отвергал допустимость брака. Саддукеи выставляли по этому поводу аргумент, с первого взгляда грубый, но по существу в достаточной степени соответствующий древней теологии. Следует вспомнить, что, согласно древним мудрецам, человек может пережить самого себя лишь в своих детях. Кодекс Моисеев санкционировал эту патриархальную теорию своеобразным учреждением, левиратом. И вот отсюда-то саддукеи выводили свои остроумные заключения против воскресения. Иисус вышел из этого противоречия, заявив решительно, что в жизни вечной не будет различия полов, и люди будут подобны ангелам. Иной раз он, по-видимому, обещает воскресение одним праведникам, обрекая нечестивых на смерть бесследную и погружение в небытие. Однако чаще Иисус выражает свою волю в том смысле, чтобы воскресли и злые для вечных мучений.

Мы видим, что во всех этих теориях не было ничего абсолютно нового. В смысле апокалипсических учений и Евангелия, и книги Апостолов содержат лишь то, что уже говорилось у Даниила, Еноха, в Сивиллиных пророчествах, в Успении Моисея – этих древних еврейских книгах, и Иисус лишь принял идеи, общераспространенные среди его современников. Он воспользовался ими, как основой для своей деятельности, вернее, – как одной из основ для нее: ибо Иисус был слишком предан своему делу, чтобы строить его всецело на столь ненадежной основе, всегда готовой рухнуть перед уничтожающими опровержениями, какине умеет выдвигать реальная действительность.

Очевидно, в самом деле, что такое учение, взятое само по себе и понимаемое в буквальном смысле, не имело бы никакого будущего. Оно было бы окончательно дискредитировано одним тем фактом, что мир продолжал бы существовать. Век человека – самый большой срок, какой могло просуществовать такое учение. И была бы еще объяснима вера первого христианского поколения, но уже вера второго была бы совершенно непонятна. После смерти Иоанна или вообще того из учеников, видевших учителя, кто пережил остальных, учение Иисуса было бы уличено во лжи. Одним словом, если бы учение Иисуса ограничивалось верой в близкий конец мира, оно, конечно, было бы теперь предано забвению. Что же спасло его от такой участи? Это большая широта евангельских учений, дававшая впоследствии возможность под каждым их символом разуть идеи, свойственные умственному состоянию совершенно различных эпох. Конец мира не пришел, как возвещал Иисус, и как верили его ученики, но пришло обновление мира, и в известном смысле именно такое, какого хотел Иисус. Мысль Иисуса потому и оказалась плодотворной, что в ней было две стороны. Химерическое учение его не постигла судьба многих других учений такого же рода именно потому, что в нем скрывался зародыш жизни, который проник в среду человеческую благодаря своей сказочной внешности, и принес там вечные плоды.

Да не подумают, что это пристрастное истолкование сущности его учения, внушенное желанием реабилитировать честь нашего великого учителя от жестоких поражений, нанесенных его мечтаниям реальной действительностью. Нет и нет! Это царствие Божие, царство духа, где всякий может быть царем и первосвященником, – царство, которое подобно горчичному зерну превратилось в громадное дерево, осеняющее мир, на ветвях которого гнездятся птицы. – Иисус постиг его, стремился к нему, основал его. Рядом с фальшивой, холодной и неосуществимой идеей страшного суда он создал истинный град Божий, настоящую «палингенезию», нагорную проповедь, апофеоз слабого,

преданность народу, любовь к бедным, восстановление попранных прав всех смиренных душой, правдивых и наивных сердцем. Картина этого возвышения очерчена им высокохудожественно нетленными, вечными красками. Всякий из нас обязан ему тем, что есть лучшего в нем. Простим же ему его неосуществимые упования апокалипсического характера, его мечты о торжественном явлении на облаках небесных. Быть может, это заблуждение принадлежало другим, а не ему, но если и правда, что он сам разделял иллюзию других, – что за беда? Ведь эти же мечты дали ему силу бесстрастия смерти, подвигнули его на борьбу, на которую без них у него, быть может, не хватило бы сил.

Таким образом, божественный град, созданный Иисусом, следует понимать в различных смыслах. Если бы мысль его состояла единственно в том, что близится конец века, и нужно готовиться к нему, то он не превзошел бы Иоанна Крестителя. Отречься от мира, близкого к крушению, отрешиться мало-помалу от настоящей жизни, устремить свои мысли к грядущему царству – таково было бы последнее слово его проповеди. В действительности же учение Иисуса всегда имело гораздо более широкое значение. Задачей Иисуса было – создать новую жизнь человечеству, а не только уготовать конец существующему порядку. Если бы Илия или Иеремия воскресли, чтобы приготовить людей к великим катастрофам, то проповедь их была бы совсем иною. Справедливость этого вполне доказывается тем, что мораль, приуроченная к последним дням, стала вечной моралью, принесшей спасение человечеству. Сам Иисус во многих случаях прибегал к таким формам поучения, какие совершенно не встречаются в апокалипсической теории. Он нередко говорил, что царствие Божие уже началось, что каждый человек носит его в себе и может наслаждаться им, если он вел праведную жизнь; что царство это создаст себе всякий неприметным образом, искренним обращением сердца к добру. Царствие Божие есть в этом смысле не что иное, как благо, более совершенный порядок вещей, чем существующий ныне, царство справедливости,

которому должен служить каждый верующий по мере своих сил – свобода духа, нечто подобное буддийскому «освобождению», плод отречения от старого мира. Эти истины, представляющиеся, на наш взгляд, совершенно отвлеченными, были для Иисуса реальной действительностью. Все его мысли – конкретны и субстанциональны. Иисус больше всех людей верил в реальность своего идеала.

С другой стороны, выражение «Царствие Божие» удивительно удачно формулирует ощущаемую человеком духовную потребность в существовании дополнения к земной участи и возмездия за настоящую жизнь. Тот, кто не признает двойственной природы человека и находит, что учение деистов о бессмертии души противоречит данным физиологии, тот любит успокаивать себя надеждой на конечное улучшение, – в каком-то теперь нам неизвестном виде, – которое удовлетворит потребности человеческого сердца. Кто знает, быть может, через миллионы веков прогресс человечества приведет к полному познанию вселенной, а с этим познанием и к пробуждению всего, что было в ней живого. Сон, продолжающийся миллионы лет, вовсе не длительнее часового сна. С этой точки зрения св. Павел еще и теперь имел бы право сказать: «*In ictu oculi*» (В мгновение ока)! Он питает уверенность в том, что нравственное и добродетельное человечество восторжествует, что некогда мир будет судить чувство бедного честного человека, и в этот день идеальный образ Иисуса будет стоять живым укором перед скептиком, не уверовавшим в добродетель, – и перед эгоистом, не сумевшим до нее возвыситься. Тогда любимое слово Иисуса остается исполненным вечной красоты. И, кажется, будто дар божественного пророчества руководил здесь несравненным учителем, удержав его на неизмеримой высоте, с которой можно разом охватить истины различного порядка.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Учреждения, созданные Иисусом.

Доказательством того, что Иисус никогда всецело не погружался в апокалипсические идеи, является то, что в то время, когда он был особенно ими занят, он набрасывает с редкой уверенностью проект организации церкви, которая приспособлена к продолжительному существованию. Невозможно и сомневаться, что он сам выбрал из среды своих учеников тех, которых называли чаще всего «Апостолами» или «Двенадцатью», так как на другой день после смерти его исследование застаёт их, как единую организацию, заполняющую избранием освободившееся в их среде место. Это были: два сына Ионы, два сына Зеведея, Иаков – сын Алфея, Филипп, Нафаил, бен-Толмаи, Фома, Леви, сын Алфея, Матфей, Симон Зилот, Фаддей или Леббей, Иуда из Кериот. Возможно, что идея двенадцати колен Израиля не была чужда Иисусу при определении числа апостолов. «Двенадцать», во всяком случае, составляли привилегированную группу, среди которой Петр сохранял свое братское первенство и которой Иисус вверил заботу о распространении своего учения. Не было среди них ничего, что соответствовало бы жреческой коллегии, правильно организованной; списки «Двенадцати» сохранившиеся до нашего времени, представляют собой много неточностей и противоречий. Двое или трое лиц, упомянутых там, остались совершенно неизвестными. По крайней мере, двое из них, Петр и Филипп, были женаты и имели детей.

Нет сомнения, что Иисус поверял «Двенадцати» тайны, которые он запрещал им сообщать всем. Порою кажется, что намерение его было – окружить себя какой-то тайной, отодвинуть великое подтверждение своего учения на время после своей смерти, открыть свои истинные планы и думы

только ученикам, доверяя им заботу поведать о них миру гораздо позже. «Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях». Он избегал, таким образом, объяснений слишком определенных и точных и создавал нечто вроде посредников между собой и обществом. Можно утверждать наверное, что для апостолов у него существовало особое учение, и что он развивал перед ними притчи, которые оставались недоступными для массы. Загадочные обороты и причудливая связь идей были в моде в поучениях книжников, как это ныне видно из афоризмов Пиркэ-Абот. Иисус объяснял своим интимным ученикам все, что было непонятного и своеобразного в его апофегмах или апологах, и освобождал свое учение от той массы сравнений, которые его часто только затемняли. Многие из этих объяснений, по-видимому, заботливо собраны и сохранены.

Апостолы проповедовали и при жизни Иисуса, но далеко не уходили от него. Их проповедь ограничивалась, впрочем, возвещением близости царствия Божия. Гость на Востоке является большим авторитетом. Он считается выше хозяина дома. И вот этот-то последний и обнаруживал к гостю величайшее доверие. Эта пропаганда у очага является лучшим средством для распространения нового учения. Гость открывает перед семьей скрытый уклад. Он платит, таким образом, за гостеприимство. Здесь помогают еще вежливость и хорошие отношения, – и семья, таким образом, растрогана и обращена. Если забыть о восточном гостеприимстве, невозможно объяснить успехи христианства в таких широких массах людей. Иисус, который сильно держался старых добрых нравов, советовал ученикам широко пользоваться этим старым публичным правом, исчезавшим, вероятно, в больших городах, где уже были гостиницы. «Работник, – говорил он, – стоит своей платы». Остановившись у кого-нибудь, они должны были оставаться у него, есть и пить то, что им предлагали, – пока длилась их миссия.

Иисус хотел, чтобы по примеру его вестники доброй вести делали свою проповедь желанной и приятной путем

благожелательных и вежливых манер. Он хотел, чтобы они, входя в дом, говорили «селям» (мир дому сему) или выражали пожелание счастья. Некоторые не решались делать этого, ибо селям, как и теперь, символизировал на Востоке религиозное общение, на которое, конечно, не шли сразу с человеком, вера которого неизвестна. «Не бойтесь ничего, – говорил Иисус, – если никто в доме не будет достоин мира вашего, то мир ваш к вам возвратится». Действительно, апостолы царствия Божия бывали иногда плохо приняты и приходили жаловаться Иисусу, который старался их успокоить. Некоторые, убежденные во всемогуществе своего учителя, были оскорблены этой снисходительностью к людям. Сыновья Зеведея хотели, чтобы он призвал небесный огонь на негостеприимные дома. Иисус принимал их негодование со своей тонкой иронией и останавливал их словами: «Я пришел не губить души человеческие, а спасать».

Он стремился всеми средствами утвердить принцип, что апостолы его – это то же, что он сам. Думали, что он передал им свои чудесные великие качества. Они прогоняли демонов, пророчествовали и составили школы прославившихся заклинателей, хотя некоторые случаи были выше их умения. Они занимались также исцелениями наложением рук или смазывали маслом, т. е. прибегали к одному из основных способов лечения медицины Востока. Наконец, по примеру псилл, они умели брать руками змей и безболезненно выпивать смертельные яды. Чем позднее после Иисуса это делалось, тем неприятнее становился характер этой теургии. Но нет сомнения, что она была обычно правовым явлением начальной Церкви, и что она фигурировала на первом месте в идеях современников Иисуса. Шарлатаны, как и надо ожидать, эксплуатировали это движение народной доверчивости. И при жизни Иисуса многие, не будучи его учениками, изгоняли демонов во имя его. Истинные ученики чувствовали себя оскорбленными и пытались им помешать. Иисус, который видел в этом дань своей славе и результат своей популярности, не относился к ним очень сурово. Надо заметить, впрочем, что это сверхъестественное

могущество перешло, если позволительно так выразиться, в ремесло. Доводя до конца логику абсурда, некоторые изгоняли демонов Вельзевулом, царем демонов. Воображали себе, что этот повелитель адовых легионов должен был иметь высшую власть над своими подчиненными и что, действуя через него, можно было с уверенностью изгнать вселившийся дух. Некоторые старались даже купить у учеников Иисусовых тайну тех чудесных даров, которые им были даны.

Зародыш церкви начал уже формироваться. Плодотворная идея о власти объединенных людей (*ecclesia*), видимо, принадлежит Иисусу. Увлеченный своим чисто идеалистическим учением, что присутствие нескольких душ создает их союз на основе любви, он объяснил, что всякий раз, когда несколько людей соберутся во имя его, он будет с ними. Он доверяет церкви право связывать и разрешать (т. е. считать то или другое дозволенным или недозволенным), отпускать грехи, ставить на вид грешнику грехи его, авторитетно предупреждать его; молиться с уверенностью, что мольбу услышат. Возможно, что многие из этих слов приписаны учителю, чтобы создать почву для того коллективного, могущественного организма, которым позже пытались заменить реальную власть самого Иисуса. Во всяком случае, лишь после смерти его конструируются отдельные церковные организации и, надо отметить, что их первая конституция, безусловно, составлялась по примеру синагогальных. Многие лица, которые сильно любили Иисуса и возлагали на него великие надежды, как Иосиф Аримафейский, Мария Магдалина, Никодим, не вошли, видимо, ни в одну из этих новых церквей, и держались тех нежных или полных уважения воспоминаний, которые они сохранили о нем.

Впрочем, в поучениях Иисуса нет никакого следа практической нравственности или канонического права, сколько бы то ни было ясного и определенного. Только однажды по вопросу о браке он высказался ясно и запретил развод. Никакой теологии, никаких символов нет в его учении. Слегка набросаны лишь некоторые общие взгляды на Отца, Сына и Св. Духа, из которых позднее были выведены

Троичность и Воплощение, но в сознании Иисуса они оставались еще в состоянии безвременных образов. Последние книги иудейского канона знают уже о Святом Духе, как о какой-то божественной ипостаси, иногда отождествляемой с Мудростью или Словом. Иисус настаивал на этом пункте и хотел дать ученикам своим крещение огнем и духом святым, по характеру своему стоящее выше Иоаннова. Этот Дух Святой для Иисуса не был чем-то отличным от вдохновения, неизменно и вечно исходящего от Бога-Отца. Потом различия утончились. Изображали дело так, будто Иисус обещал ученикам послать им после смерти своей Духа, который заместит его, научит их и даст доказательства истинности того, что он сам лишь провозгласил. Однажды апостолы уверовали, что получили крещение от этого Духа, явившегося им в виде страшного ветра и языков пламени. Чтобы обозначить то же понятие о духе, употребляли слово «Пераклит», которое сиро-халдейцы взяли у греков (*paracletos*) и которое, видимо, в этом случае имеет оттенок «заступника», «утешителя» или «истолкователя небесных истин», книжника, обязанного раскрыть людям тайны еще скрытые. Сомнительно, чтобы Иисус пользовался этим словом. Это было применением приема, которому следовали еврейская и христианская теология в течение целых веков, и благодаря которому должен создаться целый ряд божественных помощников, метатрон, синадельф и сандальфон и все воплощенные аллегории каббалы. Но в то время как иудаизм оставлял эти спекулятивные построения делом частного и свободного мировоззрения, – христианство с IV века сделало их существом ортодоксии и всемирного догмата.

Бесполезно останавливаться на том обстоятельстве, как далека от мысли Иисуса была идея религиозной книги, заключающей в себе кодекс и устав веры. Он не только не написал ее, но и самое сочинение священных книг противоречило духу зародившейся секты. Люди чувствовали себя накануне великой последней катастрофы. Мессия явится, чтобы наложить печать на Закон и Пророков, а не для провозглашения новых текстов. В силу этого, писания апостольского

период – за исключением Апокалипсиса, который был в некотором смысле единственной книгой первичного христианского откровения, являются продуктом случайных обстоятельств, нисколько не претендуя дать полный догматический кодекс. Евангелия сначала имели совершенно личный характер и авторитет менее значительный, чем традиция.

Но неужели у секты не было какого-нибудь священного обряда, таинства, знака единения сектантов? Да, у нее был один знак, который вся традиция единогласно приписывает Иисусу. Одной из любимых идей учителя является та, что он сам есть хлеб, новый хлеб – выше манны, и им должно жить человечество. Эта идея, зерно Евхаристии, принимала тогда в устах Иисуса странно-обязательную форму. Особенно ярко обнаружилось это однажды, когда, будучи в синагоге в Капернауме, он почувствовал в себе такую смелость, которая стоила ему многих из прежних его учеников. «Истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец мой дает вам истинный хлеб с небес». И прибавил: «Я есть хлеб жизни; приходящий ко мне не будет алкать, и верующий в меня не будет жаждать никогда». Эти слова возбудили сильный ропот. «Возроптали на него иудеи за то, что он сказал: «я есть хлеб, сошедший с небес», – и говорили: «Не Иисус ли это, сын Иосифов, которого отец и мать мы знаем? Как же говорит он: я сошел с небес?» И Иисус, настаивая еще с большей силой, сказал: «Я есть хлеб жизни: отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что едящий его не умрет. Я – хлеб живой, сошедший с небес: едящий хлеб сей, будет жить вовек; хлеб же, который я дал, есть плоть моя, которую я дам за жизнь мира». Возмущение и гнев возросли до крайности: «Как он может дать нам есть плоть свою?» Иисус не остановился: он пошел гораздо дальше: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына человеческого и пить его кровь, то не будете иметь в себе жизни; едящий мою плоть и пьющий мою кровь имеет жизнь вечную, и я воскрешу его в последний день; ибо плоть моя истинно есть пища, и кровь моя истинно есть питье; едящий мою плоть и пьющий мою кровь пребывает во мне, и я в нем;

как послал меня живой Отец, и я живу отцом; так и едящий меня жить будет мною». Такое упорство в защите парадокса вызвало возмущение многих учеников, которые перестали бывать в его обществе. Но Иисус не отказывался от своих слов; он только прибавил: «Дух животворит, плоть не пользует нимало; слова, которые говорю я вам, суть дух и жизнь». Двенадцать оставались по-прежнему преданы ему. Это явилось уместным поводом для Кифы выказать свою безусловную преданность учителю и провозгласить еще раз: «Ты – Христос, сын Бога живого!»

Вероятно, с этого момента был установлен обычай за общим столом секты, обычай, явившийся следствием этой речи, так плохо принятой в Капернауме. Но апостольская традиция по этому поводу внутренне-противоречива и, вероятно, с умыслом написана без достаточной полноты.

Трапезы для новой общины были самыми отрадными минутами ее коллективной жизни. В это время встречались, учитель говорил с каждым и поддерживал общую беседу, полную веселья и очарования. Иисус любил эти мгновения и радовался, видя свою духовную семью, сплотившуюся вокруг него. В обычаях у евреев было, что в начале трапезы глава дома должен взять хлеб, благословить его молитвой, разломить и раздать участникам трапезы. Вино было предметом того же освящения. У ессеев и терапевтов священный обряд за трапезой получил обрядовое значение и важность, подвергшись тому процессу развития, через который христианская вечеря пошла позже. Участие в еде одного и того же хлеба считалось как бы духовным общением со-трапезников, взаимной связью между ними. Иисус поддерживал этот взгляд в выражениях, чрезвычайно энергических, которые позже были приняты с безграничной буквальностью. Иисус одновременно был идеалистом в своем мировоззрении и материалистом по способу своего выражения. Желая выдвинуть ту мысль, что верующий живет им, что весь он, Иисус (его тело, кровь и душа), составляет жизнь истинно-верующего, он говорил своим ученикам: «Я есть ваша пища», фраза, которая, будучи переведена на образный язык, означала: «Плоть моя – хлеб ваш, кровь моя – питье

ваше». Потом характерная манера выражаться, которая у Иисуса была резко конкретной, увлекает его еще дальше. За столом, указывая на пищу, он говорил: «Вот Я», беря хлеб: «Вот тело мое», а о вине: «Вот кровь моя». Все эти выражения означают то же, что «Я есть ваша пища».

Этот мистический обряд еще при жизни Иисуса имел огромный смысл. Он, вероятно, был создан довольно задолго до последнего путешествия в Иерусалим и был скорее результатом общего Иисусова учения, чем одного определенного акта. После смерти своего создателя этот обряд стал великим символом христианского общежития, и его стали относить к самому торжественному моменту в жизни Спасителя. Хотелось видеть в освящении хлеба и вина незабвенное «прости», которое Иисус, прежде чем покинуть жизнь, оставил своим ученикам. В этом таинстве находили вновь самого Иисуса. Чисто спиритуалистическая идея о присутствии души, которая была так близка учителю, которая, например, позволяла ему говорить, что он лично присутствует среди учеников, когда они сходятся вместе во имя его, — делала легко допустимым такое толкование. Иисус, как мы уже говорили об этом однажды, никогда не имел прочно установившегося понятия о том, что создается индивидуальностью. В том порыве экзальтации, к которому он пришел, идея у него первенствовала над всем прочим в такой мере, что тело перестало что-нибудь значить. Люди являются чем-то единым, когда любят друг друга, когда живут вместе, — как же не быть ему вместе со своими учениками одним целым? Его ученики усвоили тот же язык. Они в течение целых лет жили с ним, видели его всегда с хлебом, потом с чашей «в святых и обожаемых руках», когда он сам предлагал себя им в пищу. Его-то они и ели, и пили. Он сделался настоящей Пасхой, а древняя уничтожалась кровью его. Невозможно дать почувствовать на нашем ограниченном, определенном языке, где надо строго отделять собственный смысл слова от метафорического значения, — те характерные черты стиля, основным отличием которого является то, что он дает метафоре или лучше сказать идее полную реальность.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Возрастание энтузиазма и экзальтации.

Ясно, что подобная религиозная организация, основанная единственно на ожидании пришествия царства Божия, должна была быть несовершенной по самой своей природе. Первое поколение христиан жило исключительно надеждами и мечтами. Накануне того дня, когда ожидалось крушение мира, смотрели как на нечто бесполезное на все то, что могло только содействовать большей прочности этого осужденного мира. Чувство собственности рассматривалось как порочное. Все, что привязывает человека к земле, все, что отвращает его от небес, все это надо отвергать, от всего этого бежать. Хотя многие ученики были женаты, но с того момента, как новый член вступал в секту, он уже, должно быть, не женился. Безбрачие ставилось высоко. Была такая минута, когда учитель, казалось, одобрял тех, которые изувечивали себя во имя царства Божия. Он в этом отношении следовал своему принципу: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели быть вверженным в огонь вечный с двумя руками и двумя ногами. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть вверженным в геенну огненную». Прекращение человеческого рода часто рассматривалось как признак и условие наступления царства Божия.

Никогда, как видно из этого, первая христианская Церковь не могла создать общества, стремящегося к длительному существованию, если б не то бесконечное разнообразие, которым отмечены принципы, составляющие зерно Иисусова учения. Потребовалось больше столетия, чтоб та истинная христианская Церковь, которая покорила мир,

освободилась и откололась от этой маленькой секты «святых последнего дня» и стала теми кадрами, которые могли быть удобны и пригодны для человеческого общества в целом. То же самое явление, впрочем, наблюдается и в буддизме, который первоначально был создан только для монахов. То же случилось бы и с орденом св. Франциска, если б этот орден успел в стремлении обратить свой устав в общее правило общежития для всего человечества. Родившись в форме утопий, имея успех именно в силу своих преувеличений, великие ассоциации, о которых мы говорим, должны были для завоевания и обращения в свою веру всего мира коренным образом изменить свой строй и отбросить свои крайности. Иисус не пережил всего этого чисто монашеского этапа развития, когда думали, что можно безнаказанно попытаться сделать невозможное возможным. Он не сделал никаких уступок необходимости. Он смело проповедовал войну против природы, полное отрицание крови. «Истинно говорю вам, – говорил он, – кто оставит дом свой, жену, братьев, родных детей ради царства Божия, тому возвратится сторицей в этом мире, а в будущем он получит жизнь вечную».

Правила, которые, как говорят, были даны Иисусом ученикам своим, дышат той же экзальтацией. Иисус, столь ровно приветливый и терпимый с чужими, мирившийся с полупризнанием его миссии, – по отношению к близким проявлял крайнюю строгость. Он ничем не довольствуется наполовину. Это можно сказать «орден» с самым суровым уставом. Верный своей мысли, что учительские заботы смущают человека и принижают его достоинство, Иисус требует от своих однообщинников совершенного отрешения от земли, безусловной преданности его делу. Они не должны носить с собою ни денег, ни дорожных запасов, ни даже мешка на дорогу, ни платья для перемены. Они должны быть совершенно бедными, жить милостыней и гостеприимством. «То, что вы получили даром, отдавайте даром и другим», – говорил он на своем прекрасном языке. Если их схватят, приведут к судье, пусть не готовят заранее своего

защитительного слова; заступник небесный вдохновит их, что сказать им. Отец ниспошлет им Духа своего. Этот Дух будет принципом их поведения, руководителем их мыслей, проводником в мире сем. Если они будут изгнаны из города, то пусть отряхнут прах с ног своих, но возвестят ему все-таки приближение царства Божия, дабы он не мог отговариваться незнанием близости царства Божия. «И прежде чем вы обойдете все города Израиля, – прибавлял он, – уже придет Сын человеческий».

Непонятный пыл воодушевляет эти речи, которые, быть может, являются созданием энтузиазма учеников, но которые даже в этом случае идут, хотя и косвенно, от Иисуса, так как такой энтузиазм был делом его рук. Иисус предсказывает тем, которые хотят за ним следовать, большие преследования и ненависть рода человеческого. Он посылает их, как овец в стадо волков. Их будут хлестать в синагогах и заключать в тюрьму. Брат будет предан братом, сын – отцом. Если их будут преследовать в одной стране, пусть переходят в другую. «Ученик, – говорил он, – не выше учителя, и слуга не выше господина своего. Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь же, вы лучше многих малых птиц». Итак, всякого, – говорил он, – кто исповедует меня перед людьми, того исповедую и я перед Отцом моим небесным. А кто отречется от меня перед людьми, отрекусь от того и я, когда приду во славе Отца своего со святыми ангелами».

В своем крайнем аскетизме он доходил до подавления плоти. Его требования не имели границ. Нечто большее, чем человеческое или чуждое человеческому, примешивалось тогда к его словам. Это был точно огонь, пожирающий жизнь на корне ее и превращающий все в ужасную пустыню. Суровое, скорбное чувство отвращения к мирскому, преувеличенного отрицания, характеризующего христианское

самосовершенствование, – имели своим основателем не тонкого, радостного моралиста первых дней христианства, а мрачного гиганта, который в силу какого-то грандиозного предчувствия все дальше и дальше выходил за пределы человеческого. Можно бы подумать, что в эти минуты войны против самых законных потребностей сердца он забыл о наслаждениях жизни, любви, созерцании и чувствовании мира. Переходя все границы, он дерзал говорить: «Кто хочет идти за мною, отвергни себя и возьми крест свой, и следуй за мною. Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня. И кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Два рассказа из числа тех, которые не следует принимать за исторически верные факты, но которые, согласно желанию их авторов, должны дать понятие о характерной черте, преувеличив ее, – ярко рисуют это недоверие к природе. Иисус говорит человеку: «Следуй за мной!» – «Господи, позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего!» Но Иисус сказал ему: «Иди за мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов; иди возвести царство Божие». Другой сказал: «Господи! Я пойду за тобою, куда бы ты ни пошел, но прежде позволь мне проститься с домашними моими». Но Иисус сказал ему: «Никто возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад не благонадежен для царствия Божия». Крайняя уверенность сквозит в этих преувеличениях, и иногда своими оттенками удивительной кротости опрокидывает все наши понятия. «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо иго мое благо, и бремя мое легко».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Оппозиция Иисусу.

В течение первого периода своей деятельности Иисус, по-видимому, ни откуда не встречал серьезного противодействия. Благодаря крайней свободе, царившей в Галилее, а также вследствие многочисленности появлявшихся всюду учителей, Иисус был известен лишь в очень ограниченном кругу лиц. Но с того момента, как Иисус вступил на блестящий путь чудес и стал пользоваться успехом в обществе, над его головой нависла гроза. Правда, Антипа никогда не притеснял его, хотя Иисус и выражался о нем иногда очень резко. Имея обыкновенно свою резиденцию в Тивериаде, тетрарх жил на расстоянии одного или двух лье от района, который Иисус избрал полем своей деятельности. Наслышавшись о чудесах Иисуса и принимая их, разумеется, за ловкие обманы, он выразил желание видеть их. Неверующие питали тогда жадное любопытство к такого рода фокусам. Иисус с обычным тактом отказал. Он вообще с большой осторожностью относился к среде людей нерелигиозных, искавших в нем для себя забавы. Только простой народ он стремился привлечь на свою сторону. Для простых у него были особые приемы, только для них одних и пригодные.

Однажды распространился слух, будто Иисус – не кто иной, как Иоанн Креститель, воскресший из мертвых. Антипа был смущен и встревожен. Чтобы удалить нового пророка из своей области, он пустился на хитрость. К Иисусу пришли фарисеи и под видом сочувствия сообщили ему, что Антипа собирается предать его смерти. Как ни был наивен Иисус, однако, здесь он угадал ловушку и не хотел удалиться. Совершенно миролюбивое поведение его и полная непричастность к агитации в народе, в конце концов, успокоили тетрарха и рассеяли угрожавшую Иисусу опасность.

Далеко не все города Галилеи новое учение встретили одинаково благосклонно. Не только Назарет продолжал отрицать того, кто впоследствии прославил его; не только собственные братья Иисуса упорствовали в своем неверии, но даже и города приозерного края, в общем, встретившие учение Иисуса сочувственно, обратились не все. Иисус часто жалуется на неверие и черствость сердца, с которыми ему приходится сталкиваться. И хотя вполне естественно будет допустить в таких упреках некоторую долю преувеличения со стороны проповедника, хотя здесь и чувствуется известного рода *convicium seculi*, охотно подчеркиваемый Иисусом в подражание Иоанну Крестителю, однако же, ясно, что далеко не вся страна отнеслась сочувственно к царствию Божию. «Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! Ибо, если бы в Тире и Сидоне явлены были чудеса, явленные в вас, то давно бы они, во вретнице и в пепле, покаялись; но и Тиру, и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься; ибо, если в Содоме явлены были чудеса, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе». – «Царица Южная восстанет на суде с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот здесь больше Соломона. Невенитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись проповеди Иониной; и вот здесь больше Ионы». Скитальческая жизнь, прежде привлекавшая Иисуса своей прелестью, начинала также его тяготить. «Лисицы имеют норы, – говорил он, – и птицы небесные гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову». Он укорял неверующих в том, что они отрицают очевидное. Горечь и упреки все более и более теснили ему душу.

В самом деле, Иисус не мог реагировать на встречаемые противодействия с холодностью философа, который понимает причину различия господствующих в мире взглядов и находит вполне естественным, если не все с ним сходятся во мнениях. Одним из главных недостатков еврейской расы

является резкость и оскорбительность тона, почти всегда допускаемая с их стороны в спорах. Нигде в мире не бывало столь ожесточенных споров, как у евреев между собой. Известная чуткость делает человека вежливым и сдержанным. Семитический ум именно и отличается недостатком этой чуткости. Тонкие произведения, вроде диалогов Платона, совершенно чужды народам этой расы. Иисус, который был свободен от всех почти недостатков своей расы, и отличительной чертой которого была именно бесконечная деликатность, вынужден был против своей воли пользоваться в полемике общепринятыми приемами. Подобно Иоанну Крестителю, он употреблял весьма резкие выражения по адресу своих противников. Необычайно кроткий с людьми простыми, он вспыхивал гневом против безверия, хотя бы оно и не имело агрессивного характера. Это был уже не прежний кроткий учитель, еще не знакомый с противодействиями, препятствиями и трудностями и произносивший свою «Нагорную проповедь». Страстность, составлявшая основу его души, побуждала его часто к самым резким поступкам. Иисус был отчасти прав, применяя к себе слова Исаии: «Не воспрекословит, ни возопит, и никто не услышит на стенах голоса его; трости сокрушенной не переломит и льна курящегося не угасит». И все же многие из его наставлений, данных ученикам, заключают уже в себе зародыши истинного фанатизма, доведенного впоследствии до крайней жестокости Средними Веками. Но заслуживает ли он упрека за это? Ведь ни одна революция не совершалась без некоторых жестокостей. Если бы Лютеру или творцам французской революции приходилось соблюдать правила вежливости, — не создались бы ни реформация, ни революция. И следует только радоваться, что во времена Иисуса не было закона, который карал бы оскорбления, наносимые целым классам граждан; фарисеи, наверное, оказались бы неуязвимы. Все великое, что создало человечество, создалось во имя абсолютных принципов. Философ-критик, быть может, сказал бы: «Уважайте мнение других: знайте, что никто не бывает до такой степени

абсолютно прав, чтобы противник его был абсолютно не прав». Но дело Иисуса не имело ничего общего с бесстрастным умозрением философа. А для пылкой души нет ничего более нестерпимого мысли, что был момент, когда идеал был как будто достигнут, но снова утрачен благодаря вмешательству чьей-либо злобной воли. Каково же было пережить это творцу нового мира?

Самое упорное противодействие встречали идеи Иисуса со стороны фарисеев. Иисус все более и более удалялся от принятого правоверного иудаизма. Фарисеи же были жизненным нервом и оплотом его. Хотя центр этой партии находился в Иерусалиме, но у нее были адепты, жившие в Галилее или ездившие часто на север. Это были, в общем, люди узкого умственного кругозора, придававшие большое значение внешности, люди формального благочестия, исполненные самодовольства, самоуверенности и презрения к другим. Внешние приемы их были до того смешны, что вызывали насмешку даже у тех, кто относился к ним с уважением. Это доказывали и те прозвища, которые давал им народ, и в которых чуялась карикатура. Были, например, «фарисей кривоногий» (никфи), ходивший по улицам, рассеянно волоча ноги и натыкаясь на камни; «фарисей – кровавый лоб» (кицаи), ходивший с закрытыми глазами, чтобы не видеть женщин, и вечно натыкавшийся на стены так, что лоб у него был всегда разбит. «Фарисей толкач» (медукиа), согбенной фигурой наподобие ручки пестика; «фарисей крепкоплечий» (шикми), ходивший сгорбившись, точно неся на своих плечах всю тяжесть Закона; «фарисей – что надо делать? все сделаю: – с выражением постоянной готовности исполнить какое-либо новое правило закона; наконец, «крашенный фарисей», все благочестие которого было лишь маской лицемерия. И ригоризм их был, в самом деле, часто лишь показным, скрывавшим в действительности большую моральную распущенность. Тем не менее, они вводили народ в заблуждение. Инстинкт народа, который всегда бывает безошибочен в основе, в отдельных случаях допускает крупнейшие заблуждения. То, что он в таких ханжах любит,

действительно прекрасно и достойно любви само по себе; но он недостаточно пронизателен, чтобы отличить показную святость от истинной.

Легко понять, какая вражда должна была возгореться между Иисусом и подобными людьми в атмосфере общей страстности. Иисус проповедовал только религию сердца; религия фарисеев состояла почти исключительно в соблюдении обрядностей. Иисус искал смиренных и всякого рода отверженных; фарисеи видели в этом оскорбление для своей религии порядочных людей. Фарисей считал себя непогрешимым и непорочным, был педантически уверен в своей правоте, садился в первом ряду в синагоге, молился на улицах, творил милостыню «при трубном звуке», ходил и оглядывался, ожидая приветствий. Иисус утверждал, что каждый должен ждать суда Божьего со страхом и трепетом. Нельзя сказать, чтобы дурное религиозное направление, представляемое фарисеями, пользовалось даже условным господством. Напротив, и ранее Иисуса, и в его время многие провозглашали учения, гораздо более возвышенные и уже почти евангельские; таковы были, например, Иисус, сын Сирахов, один из истинных предков Иисуса Назарейского, Гамалиил, Антигон из Соко, и особенно кроткий и благородный Гиллель. Но эти добрые семена были заглушены. Прекрасные истины, провозглашенные Гиллелем, полагавшим всю сущность Закона в справедливости; мысли, высказанные Иисусом, сыном Сираховым, сводившим весь культ к добрым делам, – все они были забыты или преданы проклятью. Они были вытеснены учением Шаммаи, с его узостью и односторонностью. Огромное множество обрядностей заглушило сущность Закона под предлогом содействия и толкования его.

Споры между Иисусом и фарисеями особенно часто возникали по поводу множества освященных традицией внешних обрядов, которых ни Иисус, ни его ученики не соблюдали. Фарисеи ожесточенно упрекали его в этом. Когда он обедал у них, он приводил их в негодование несоблюдением обычного омовения. «Подавайте милостыню, – говорил

он, – тогда будет у вас все чисто». Особенно оскорбляла чуткую, восприимчивую душу Иисуса та самоуверенность, которую вносили фарисеи в дела религии, их мелкая набожность, направленная на искание первенства и почестей, а не на улучшение сердца. Одна удивительная притча выражала эту мысль с бесконечной прелестью и правдивостью. «Два человека, – говорил он, – вошли в храм помолиться: один – фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: «Боже, благодарю тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь; пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю». – Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза на него; но, ударя себя в грудь, говорил: «Боже, будь милостив ко мне, грешному!» – Сказываю вам, что сей пошел оправданный в дом свой более, нежели тот!»

Следствием борьбы была ненависть, которую могла утолить лишь смерть. Уже Иоанн Креститель возбудил против себя подобную вражду. Но иерусалимские аристократы, презиравшие его, предоставляли простому народу считать его пророком. На этот раз возгорелся смертный бой. Появился в мире новый ум, предавший все прошлое полному уничтожению. Иоанн Креститель был евреем до мозга костей; в Иисусе было мало еврейского. Иисус всегда взывает к голосу тонкой моральной чуткости. Спорщиком он делается лишь в те минуты, когда говорит против фарисеев, и противник принуждает его, так это всегда бывает, взять тот же тон. И его тонкие насмешки, его хитрые вызовы всегда поражали в самое сердце. Именно Иисус с божественным искусством выткал тот Бесов плащ осмеяния, который влачит в течение 18 веков еврей, сын фарисея. Высокий образец иронии, слова его огненными глаголами начертаны на теле лицемера и притворщика-ханжи. Несравненные глаголы, достойные сына Божия! Только Бог умеет так поражать насмерть. Сократ и Мольер умеют наносить простые царапины, а он жжет своим бешеным огнем до самых костей.

Но справедливость требовала, чтобы этот великий мастер иронии заплатил жизнью за свое торжество. Еще в Галилее фарисеи старались погубить его, употребляя то средство, которому позднее суждено было увенчаться успехом в Иерусалиме. Они старались привлечь к своему спору внимание приверженцев вновь установившегося политического строя. В Галилее Иисус легко находил способы избежать их сетей; к тому же Антипа не отличался суровостью в правлении, – и все их происки оставались безрезультатны. Но Иисус сам пошел навстречу опасности. Он ясно понимал, что в пределах Галилеи деятельность его, по необходимости, будет ограничена. Словно заморозила его Иудея; он хотел сделать последнее усилие, чтобы покорить себе этот мятежный город – как будто задавшись целью оправдать справедливость пословицы, что пророк не должен умереть вне Иерусалима.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Последнее путешествие Иисуса в Иерусалим.

Уже с давних пор Иисусом владело чувство, которое говорило ему, что его окружают опасности. В период, который можно определить в 18 мес., он избегал паломничества в святой город. В праздник Кущей 32 года (согласно гипотезе, которую мы приняли), его родные, все еще не верившие в него и дурно настроенные против него, пригласили его прийти к ним. Евангелист как бы осторожно внушает мысль, что в этом приглашении скрывался план, направленный на то, чтобы погубить Иисуса. «Яви себя миру, – говорили они ему. – Никто не делает чего-либо подобного в тайне. Пойди в Иудею, чтобы и там видели дела, которые ты делаешь». Иисус, предполагая какое-нибудь предательство, отказался сначала; потом, когда караван пилигримов уже отправился, он тоже пошел в Иерусалим, втайне от всех и почти совершенно один. Это было последнее «прости» Галилее! Праздник Кущей совпадал с осенним равноденствием. Шесть месяцев оставалось до рокового конца. Но в этот промежуток времени Иисус не увидел снова своих родных северных областей. Времена кроткого мира прошли, надо идти теперь шаг за шагом по скорбному пути, который кончится муками смерти.

Ученики его и женщины-последовательницы, служившие ему, нашли его в Иудее. Но как все остальное, что было вокруг него, резко изменилось для него! Иисус был чужестранцем в Иерусалиме. Он чувствовал, что стоит перед стеной сопротивления, через которую он не пройдет. Окруженный враждебностью и противодействием, он был предметом преследований злой воли фарисеев. Вместо неограниченной способности верить – счастливого дара юных натур, – которую он находил в Галилее; вместо этого доброго,

краткого населения, которому совершенно не приходили в голову какие бы то ни было возражения, ибо это – всегда плод нерасположения и недоверия, – он встречал здесь на каждом шагу упрямую недоверчивость, на которую очень мало действовали те средства, которые ему так верно служили на севере. Ученики его, в качестве галилеян, подвергались презрению. Никодим, который имел с ним здесь в одно из его предыдущих путешествий беседу ночью, едва не скомпрометировал себя в Синедрионе, когда захотел защитить его. «И ты не из галилеян-ли? – сказали ему там. – Рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходил пророк».

Высокомерная гордость священников сделала для него посещение храма неприятным. Однажды некоторые его ученики, которые знали Иерусалим лучше, чем он, хотели обратить его внимание на красоту постройки храма, на удивительный подбор материала и богатство тех даров, которые делались храму во исполнение обета. «Видите ли все это? – сказал им Иисус. – Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне». И он ничему не хотел удивляться и радоваться, разве только бедной вдове, которая проходила мимо в эту минуту и бросила маленький обол в сокровищницу. «Она положила больше всех, – сказал он, – ибо все клали от избытка своего, а она – от скудости своей». Эта манера смотреть критически на все, что происходило в Иерусалиме, возвышать бедняка, который дает мало, унижая богатого, который дает много, осуждать богатое духовенство, ничего не делавшее для блага народа, естественно, восстановила против себя священническую касту. Оплот консервативной аристократии, храм, как мусульманский харам, который его заменил, был последним местом во всем мире, где революция могла бы пользоваться успехом. Представьте себе в наше время новатора, который отправился бы проповедовать ниспровержение исламизма у мечети Омара! А ведь надо помнить, что храм находился в центре еврейской жизни. Это было место, где оставалось одно – победить или умереть. На этом возвышении, где Иисус страдал несомненно больше, чем на Голгофе, дни его

протекали в спорах и горечи ожесточения, среди скучных препирательств из области канонического права и экзегетики, для успеха в которых его моральная возвышенность давала очень мало, – что я! – давала ему гораздо более неудобное положение.

Но и в тревоге этой жизни доброе и чувствительное сердце Иисуса успело создать себе убежище глубокой кротости и мира. Проведя день в спорах в храме, Иисус вечером спускался в долину Кедронскую, отдыхал немного в саду земледельческого учреждения (вероятно, приготовлявшего масло) по имени Гефсимания, в котором гуляли жители, и затем отправлялся провести ночь на горе Елеонской, которая видна на восточном горизонте города. Это – единственное место в Иерусалиме, которое представляет собою веселый, покрытый зеленью уголок. Оливковые, фиговые и пальмовые плантации были в большом количестве разбросаны вокруг деревень, ферм или помещений Вифсагии, Гефсимании, Вифании. На горе Елеонской было два кедра, воспоминание о которых надолго сохранилось у евреев после их рассеяния по всему миру; ветви этих кедров служили убежищем для целых голубиных стай и под их тенью располагались маленькие базары. Вся эта окраина была как бы кварталом Иисуса и его учеников, видно, что они знали ее от поля к полю, из дома в дом.

Деревня Вифания являлась особенно излюбленным местом, где проводил время Иисус, ибо она расположена была на вершине холма, вдоль ската, обращенного к Мертвому морю и Иордану, на расстоянии полутора часов от Иерусалима. Он познакомился там с семьей, состоявшей из трех лиц, двух сестер и третьего брат. Дружба этой семьи для него была полна очарования и прелести. Из двух сестер одна, Марфа, была очень приветлива, добра и готова помочь и услужить; другая, Мария, напротив, нравилась Иисусу своей тонкостью и своим чрезвычайно развитым умозрительным инстинктом. Часто, сидя у ног Иисуса, она забывала свои повседневные обязанности. Ее сестра, на которую падала вся работа, кротко жаловалась тогда. «Марфа, Марфа, – говорил ей

Иисус, – ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Марья же избрала благовую часть, которая не отнимется у нее». Некий Симон Прокаженный, которому принадлежал дом, вероятно, был братом Марии и Марфы или, по крайней мере, был членом семьи. Здесь-то, среди почтительной дружбы, Иисус забывал неудачи и разочарования общественной своей деятельности. В этом уголке он отдыхал душой от тех мелочных возражений и преследований, которые ему приходилось беспрестанно нести от фарисеев и книжников. Часто садился он на Елеонской горе, имея перед собою гору Мориа и блестящую перспективу террас храма и крыш, покрытых сверкающими чешуйками. Этот вид поражал воображение чужестранцев. Особенно на закате солнца священная гора ослепляла зрение и казалась массой золота и снега. Но глубокое чувство печали отравляло Иисусу эту картину, которая наполняла всех прочих израильтян радостью и гордостью. «Иерусалим, Иерусалим! Побивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе, – восклицал он однажды в одно из этих отравленных горечью мгновений, – сколько раз хотел я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели».

Поучения Иисуса в этой новой сфере по необходимости резко изменились. Его прекрасные проповеди, действие которых всегда рассчитано было на юность воображения и на чистоту морального сознания слушателей, – здесь падали на каменистую почву. Он, который так хорошо чувствовал себя на берегу своего очаровательного маленького озера, стеснялся, чувствовал себя не в духе лицом к лицу с этими педантами. Его постоянные речи о самом себе становились скучны. Он должен был стать крючкотвором, юристом, экзегетом, богословом. Его речи, обыкновенно полные очарования, сделались громкими фразами спорщика, нескончаемыми схоластическими словопрениями. Его гармонический гений притуплялся о бессмысленную аргументацию по поводу Закона и пророков, где хотелось бы порой не видеть его в положении нападающего. С оскорбляющей нас

уступчивостью он дает бестактным противникам подвергать себя лукавому экзамену. В общем, он с большой тонкостью разрешал те затруднительные положения, в которые его ставили. В его ответах, правда, часто бывала некоторая хитрость (простодушные и хитрость сходятся: когда простодушный хочет рассуждать, он всегда становится немного софистом); оказывается, что иногда он раскрывает недоразумение и с намерением еще больше его усложняет. Его аргументация, если подвергнуть ее исследованию с точки зрения аристотелевой логики, оказывается очень слабой. Но когда бесподобное очарование его духовной личности находит себе выход, наступает момент истинного триумфа. Однажды хотели его смутить, приведя к нему женщину, повинную в грехе прелюбодеяния, и спрашивая его, какого обращения она достойна. Известен удивительный ответ Иисуса. Тонкая насмешка мирского человека, умеряемая божественной добротой, не могла бы найти более красивого выражения. Но уму, который стремится к моральному величию и с ним соединяется, – такой ответ меньше всего могут простить глупцы. Произнося эти слова, полные изящества, справедливости и чистоты: «то из вас без греха, первый брось в нее камень!» – Иисус попал в самое сердце лицемерия, и тем же ударом подписал себе смертный приговор.

Возможно, действительно, что без ожесточения, созданного горечью оскорбленного самолюбия, Иисус мог бы еще долго оставаться незамеченным и погибнуть лишь потом в той ужасной буре, которая грозила сокрушить весь еврейский народ. Высшие священники и саддукеи питали к нему скорее презрение, чем ненависть. Родовитые священнические семьи, Воетусима, семьи Анны, оказывались фанатиками только в те моменты, когда дело шло об их покое. Саддукеи отвергли «традиции» фарисеев, как и Иисуса. Вследствие особенности, довольно странной, эти неверующие, отрицатели воскресений, устного Закона, существования ангелов, – они-то и были настоящими евреями или, лучше сказать, так как старый Закон, в силу простоты своей, не удовлетворял более религиозным потребностям времени,

то те, которые строго держались старого закона и отвергали новшества, теснившиеся им на смену, казались ортодоксами нечестивыми, – приблизительно так, как в настоящее время евангелический протестант кажется неверующим в странах ортодоксальных. Во всяком случае, не отсюда мог ожидать Христос сильного противодействия. Официальный священник, с глазами, обращенными на политическую власть и тайно с ней связанный, ничего не понимал в этих полных энтузиазма движениях. Шум подняла фарисейская буржуазия, бесчисленные соферимы, или книжники, жившие знанием «традиций». Им-то действительно угрожало учение нового учителя и в их предрассудках, и в их интересах.

Одним из самых упорных усилий фарисеев было увлечь Иисуса на почву политических вопросов и скомпрометировать участием в партии Иуды Гавлонита. Тактика была очень ловкая; ибо надо было обладать глубокой проникновенностью Иисуса, чтоб не восстать против римских властей, несмотря на провозглашение близости царствия Божия. И вот, вздумали сорвать покров этой двусмысленности и принудить его объясниться. Однажды группа фарисеев и тех политиканов, которых называли «иродианами» (вероятно, Воетусимы), приблизилась к нему и, прикрываясь религиозным рвением, спросила: «Учитель, мы знаем, что ты справедлив и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо. Итак, скажи нам: как тебе кажется? Позволительно ли давать подать кесарю или нет?» – Они надеялись на ответ, который дал бы им повод предать его Пилату. Ответ Иисуса был удивителен. Он велел подать себе монету с изображением цезаря и сказал: «Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Глубокие слова, решившие будущее христианства! слова, полные совершенного спиритуализма и чудесной справедливости, которые создали разделение духовной и светской властей и создали основу истинного либерализма и истинной цивилизации.

Его могучее красноречие воспламенялось всякий раз, когда дело шло о борьбе с лицемерием. «На Моисеевом

седалище сели книжники и фарисеи. Итак, все, что они велят вас соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте; ибо они говорят и не делают. Связывают бремени тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям; а сами не хотят и перстом двинуть их. Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих. Также любят возлежания на пиршествах и заседания в синагогах. И приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель! Горе им!.. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворили царство небесное человеком; ибо сами не входите и хотящих войти не пускаете. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь; зато примете тем большее осуждение. Горе вам, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны. Горе вам, ибо вы как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того».

«Безумцы и слепые! Вы даете десятину с меры аниса и тмина, и оставили важнейшее в Законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не делать. Вожди слепые, оеживающие комара, а верблюда поглощающие, горе вам!»

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их».

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония».

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: «Если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками в их пролитии крови пророков». Таким образом, вы сами против себя свидетельствуете, что вы

сыновья тех, которые губили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших. Премудрость Божия сказала: «Я посылаю вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете, и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город. Да придет на вас кровь праведная пролитая на землю, от крови Авеля праведного до крови Захария, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей».

Его страшный догмат о передаче права на царствие небесное язычникам, эта идея о том, что царствие Божие передается другим, ибо те, кому оно было обещано, его не захотели, сделалось как бы кровавой угрозой против аристократии, и титул Сына Божьего, который открыто утверждал за собою в живых притчах, где враги его выступают как убийцы, посланные небом, – все это являлось выражением недоверия, брошенным в лицо легальному иудаизму. Смелое его обращение, с которым он шел к униженным, являлось еще более мятежным. Он провозгласил, что пришел дать свет слепым и ослепить тех, которые воображают, что видят. Однажды раздражение против храма вырвало у него неосторожные слова: «Я разрушу храм сей рукотворный и через три дня воздвигну другой нерукотворный». Известно, какой смысл придавал Иисус этим словам, в которых ученики его искали утрированных аллегорий. Но так как слова эти явились только предлогом, то их сильно стали раздувать. Они будут фигурировать в качестве обвинительного материала в смертном приговоре над Иисусом и будут звучать над ухом его среди последних мук на Голгофе. Эти раздражающие споры всегда переходили в бурю. Фарисеи бросали в него камнями; но в этом они являлись только исполнителями закона, повелевающего забрасывать камнями, даже не выслушивая, всякого пророка, если бы он даже творил чудеса, раз только он отвращает народ от древнего культа. В других случаях они называли его безумным, одержимым, самаритянином, или даже пытались убить его. Запоминали его слова, чтоб восстановить против него законы нетерпимой теократии, которых еще не уничтожило римское владычество.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Происки врагов Иисуса.

Иисус провел осень и часть зимы в Иерусалиме – время здесь довольно холодное. Портик Соломона с его закрытыми галереями был местом, где он обыкновенно гулял. Этот портик, единственный остаток древнего храма, состоял из галерей, образованных двумя рядами колонн и стеной, которая возвышалась над Кедронской долиной. Сообщение извне поддерживалось через Суэзские ворота, следы которых еще видны внутри того места, которое теперь носит имя «Золоченых ворот». Другая сторона долины уже имела свое украшение, состоявшее из великолепных гробниц. Некоторые из тех памятников, которые там видны теперь, были, быть может, гробницами, поставленными в честь пророков, о которых думал Иисус, когда, сидя, под портиком, призывал грома против господствующих классов, за этими грандиозными массами приютившими и скрывшими свое лицемерие и тщеславие.

В конце декабря в Иерусалиме справлялся праздник, установленный Иудой Маккавеем в воспоминание об очищении храма после осквернения его Антиохом Епифаном. Его называли «праздником светочей», потому что в течение недели в домах оставались зажженными лампы. Вслед за этим Иисус предпринял путешествие в Перею и на берега Иордана, т. е. в те страны, которые он посетил за несколько лет до того, во время, когда он был еще в школе Иоанна, страны, где он получил крещение. Он получил здесь, как видно, некоторое утешение, в особенности в Иерихоне. Этот город оттого ли, что он открывал собою великий торговый путь, или благодаря своим благовонным садам и богатству культуры имел всегда крупную таможню. Начальник таможни, богатый Закхей, захотел увидеть Иисуса. Человек

маленького роста он должен был влезть на сикомору близ той дороги, где должно было пройти шествие. Иисуса тронула эта наивность столь значительного официального лица. Он выразил желание остановиться у Закхея, не считаясь с риском возбудить этим неблагоприятную для него сенсацию. Действительно он вызвал этим ропот, воздавая своим пребыванием в доме – честь грешнику. Уходя, Иисус сказал о своем хозяине, что он добрый сын Авраамов и как бы для того чтоб усилить досаду ортодоксов, Закхей сделался святым: он, говорят, отдал половину своего имущества бедным и сделал вчетверо больше хорошего, чем раньше совершил дурного. Но не этим одним, впрочем, исчерпывалась радость Иисуса. При выходе из города нищий Вартимей доставил ему много удовольствия, назвав его «сыном Давида», хотя его принуждали молчать. Цикл чудес галилейских, казалось, на мгновение снова открывается в этой стране, имевшей много сходства с северными областями. Восхитительный оазис Иерихона, тогда прекрасно орошенный, был, должно быть, одним из самых красивых мест Сирии. Иосиф говорит о нем с таким же восхищением, как и о Галилее, и называет его, как и Галилею, «божественной страной».

Иисус, совершив это путешествие с места зарождения своей проповеднической деятельности, вернулся к любимому своему месту – в Вифанию. Что особенно должно было удручать в Иерусалиме преданных галилеян, – это то, что там не было совершено ни одного чуда. Устав от того дурного приема, который пришелся на долю царствия Божия в столице, друзья Иисуса, казалось, иногда ждали и хотели великого чуда, которое сломало бы иерусалимское неверие. Воскресение от смерти должно было им казаться особенно убедительным воздействием. Можно думать, что Мария и Марфа открылись Иисусу в этих своих чаяниях. Слава приписывала уже ему два или три случая такого рода. «Если кто из мертвых, – говорили, несомненно, эти благочестивые сестры, – придет к ним, покаются». – «Нет, – должно быть ответил Иисус, – если бы кто из мертвых воскрес, не поверят». Припомнив тогда историю, которую он рассказывал о бедном нищем, покрытом язвами, который

после смерти был отнесен ангелами на лоно Авраамово, возможно, что он прибавил: «Если б Лазарь вернулся, и то не поверили бы». Позже на этом построена была своеобразная путаница. Гипотеза стала фактом. Говорили о воскресшем Лазаре, о непростительной косности, в которой надо костенеть, чтоб противостоять даже этому доказательству. «Язвы» Лазаря и «проказы» Симона Прокаженного смешались вместе и традицией было допущено, что Марфа и Мария имели брата по имени Лазарь, которого Иисус вызвал из могилы. Когда узнаешь, из каких неточностей, из каких пустяков составляются пересуды восточного города, перестаешь смотреть, как на нечто невысказанное, на тот факт, что такой слух распространился в Иерусалиме при жизни Иисуса и имел для него роковые последствия.

Достаточно серьезные основания заставляют верить, что, действительно, некоторые причины, имевшие источником своим Вифанию, содействовали ускорению смерти Иисуса. Иногда невольно рождается мысль, что семья в Вифании сделала какой-нибудь неблагоприятный поступок или впала в какую-нибудь слишком усердную крайность. Может быть, горячее желание закрыть рот тем, которые оскорбительно отрицали божественную миссию их друга, увлекла эти страстные натуры перейти границы. Надо вспомнить, что в этом нечистом и невыносимом Иерусалиме Иисус переставал быть самим собою. Сознание его благодаря преступлениям людей, а не по вине его самого потеряло отчасти свою первоначальную прозрачную чистоту. Отчаиваясь, доведенный до крайних пределов испытания, он не принадлежал уже себе больше. Его миссия камнем ложилась на его душу, и он отдался во власть течения. Смерть через несколько дней вернет ему его божественную свободу и исторгнет его из объятий роковой необходимости играть роль, которая с каждым часом становилась все требовательнее, все невыносимее.

Резкое противоречие между его все возрастающей экзальтацией и индифферентизмом евреев обостряется все сильнее и сильнее. В то же время и власти начинают все более и более питать раздражение против него. В феврале

или начале марта был созван совет первосвященников, и на одном совете вопрос был поставлен прямо ребром: «Могут ли Иисус и иудаизм жить вместе?» Поставить вопрос значило решить его, и не надо было быть пророком, как этого хочет евангелист, чтобы священник провозгласил свою кровавую несомненную истину: «Пусть лучше один человек умрет во имя всего народа».

«Первосвященником того лета», – употребляя выражение четвертого евангелиста, который ярко рисует этим термином то состояние упадка, до которого дошла власть первосвященника, – был Иосиф Каиафа, поставленный Валерием Гратом и совершенно преданный римлянам. С тех пор как Иерусалим попал под управление прокураторов, должность первосвященника стала сменяемой; глава церкви сменялся почти ежегодно. Однако Каиафа оставался на посту дольше, чем прежние. Он занял это место в 25-м году и лишился его только в 36-м. О его характере неизвестно ничего. Много обстоятельств дают основание думать, что власть его была номинальна. Рядом с ним и выше его мы видим всегда другое лицо, пользовавшееся в тот момент, которым мы теперь заняты, решающей властью.

Это лицо – тесть Каиафы Ханан или Анна, сын Сета, старый низложенный первосвященник, который среди этой беспрерывной смены первосвященников сохранял фактическую власть за собой. Анна получил должность первосвященника в легатство Квириния, в 7-й г. нашей эры. Он потерял этот пост в 14-м году, при восшествии Тиверия, но остался все-таки очень уважаемым. Его продолжали именовать «первосвященником», хотя он и был отставлен от этой должности, и с ним советовались во всех важнейших делах. В течение пятидесяти лет почти без перерыва первосвященничество оставалось в его роде; пять его сыновей последовательно занимали эту должность, не считая Каиафы, который был его зятем. Его род был тем, что называют «священнический род»: должность священника стала в нем как бы наследственной. Высшие должности в храме также почти все принадлежали этому роду. Правда, с ним чередовался другой род, Воетусимов, в занятии должности первосвященника.

Но Воетусимы, обязанные своими материальными средствами причине, мало говорящей в их пользу, были менее уважаемы благочестивой буржуазией, чем Хананы. Ханан и был действительным вождем священнической партии. Каиафа делал все по его указанию; их имена даже привыкли сопоставлять вместе, но имя Ханана ставили на первое место. Легко действительно понять, что при таком режиме ежегодной смены первосвященников и подавляющего значения в этом деле произвола прокуратора – при таком положении старый первосвященник, как лицо, хранившее тайну старых преданий, видевшее смену более юных фамилий у власти и сохранивший довольно веса для того, чтобы передать власть лицам, повинующимся ему по их положению в роде, – такой первосвященник должен был быть очень влиятельным человеком. Подобно всей храмовой аристократии, он был саддукеем, – «секта, говорит Иосиф, исключительно жестокая в своих приговорах». Все его сыновья были также ожесточенными фанатиками. Один из них по имени Ханан, как и отец его, велел избить камнями Иакова, брата Господа, при обстоятельствах, весьма сходным с теми, при которых умер Иисус. Дух, царивший в этой семье, отличался надменностью, дерзостью и жестокостью; в нем была особая рода презрительная и скрытная злоба, характеризующая политику евреев. Таким образом, на Ханана и близких его должна пасть вся тяжесть ответственности за все то, что будет здесь рассказано. Именно Анна (если хотите, его партия, которую он представлял) убил Иисуса. Анна был главным действующим лицом этой роковой драмы и гораздо скорее, чем Каиафа или Пилат, должен был бы нести на себе всю тяжесть проклятий человечества.

Смерть Иисуса была, таким образом, решена в феврале или марте. о Иисус избег ее еще на некоторое время. Он удалился в малоизвестный город Ефраим или Эфрон близ Вефиля, на расстоянии около дня пути от Иерусалима, на границе с пустыней. Он прожил там несколько недель с ученикам, выждал пока стихнет буря. Приказ о его аресте, как только найдут его близ храма, уже был дан. Приближался праздник Пасхи и, полагали, что Иисус по своему обыкновению придет провести этот праздник в Иерусалиме.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Последняя неделя жизни Иисуса.

Вместе с учениками он отправился посетить в последний раз неверный город. Надежды окружающих его становились все более и более радужными. Все полагали, что, войдя в Иерусалим, они узрят царствие Божие. Нечестивость человеческая достигла высшего предела; это было верным признаком того, что конец мира близок. Уверенность в этом была так сильна, что уже шли споры о праве на первенство в царствии Божиим. Говорят, что именно этот момент Саломея избрала для того, чтобы испросить у Иисуса два места для своих сыновей, по правую и левую стороны Сына Человеческого. Учитель, напротив, был погружен в глубокую думу. Иногда он проявлял мрачное озлобление против своих врагов; Он рассказал притчу о благородном человеке, который отправился в далекие страны, чтобы получить себе царство, но едва только он ушел, как сограждане не пожелали его больше. Царь вернулся, приказал привести к нему тех, которые не хотели, чтобы он царствовал над ними, и приговорил их всех к смерти. В другой раз он напрямик разрушает иллюзии своих учеников. Когда они проходили по каменистым дорогам к северу от Иерусалима, Иисус, задумавшись, оказался впереди своих спутников. Все, молча, смотрели на него, испытывая беспокойство и не осмеливаясь заговорить с ним. Уже неоднократно он говорил им о будущих страданиях, и они слушали его неохотно. Наконец, Иисус заговорил и, не скрывая своих предчувствий, сказал им о своей близкой кончине. Глубокая печаль охватила всех присутствующих. Ученики ожидали, что в облаках скоро появится знамение. Радостные крики священного возгласа уже раздавались в толпе: «Благословен грядый во имя Господне». Кровавая перспектива,

предсказываемая Иисусом, смутила их. С каждым шагом рокового пути Царствие Божие то приближалось, то удалялось в их грезах. Иисус же утверждался в мысли, что он должен умереть, но что его смерть спасет мир. Непонимание между ним и его учениками становилось с каждым мгновением все более глубоким.

По обычаю в Иерусалим приходили за несколько дней до Пасхи, чтобы подготовиться к ней. Иисус пришел позже других, и одно время его враги полагали, что обманулись в своих ожиданиях схватить его. За шесть дней до праздника (в субботу 8 нисана = 28 марта) он достиг, наконец, Вифании. Обыкновенно он останавливался в доме Марфы и Марии или у Симона Прокаженного. Его приняли с большой торжественностью. Симона Прокаженного был обед, на который собралось много лиц, привлеченных желанием видеть нового пророка и, как говорили, также Лазаря, о котором за последние дни распространялось много толков. Симон Прокаженный, восседавший за столом, принимался, быть может, некоторыми за лицо, воскрешенное Иисусом, и поэтому привлекал внимание многих. Марфа прислуживала по своему обыкновению. По-видимому, хозяева рассчитывали победить холодность публики усиленным проявлением внешнего почета, подчеркивая этим сильнее высокое достоинство принимаемого гостя. Мария, с целью придать пиршеству характер возможно большей торжественности, внесла во время обеда сосуд с благовониями и помазала ноги Иисуса. Затем она разбила сосуд согласно старинному обычаю уничтожать посуду, которая служила при приеме особенно почетного гостя. Наконец, доходя в своем поклонении Иисусу до крайностей, еще невиданных, она распростерлась у ног Иисуса и вытерла их своими длинными волосами. Комната наполнилась благоуханием ароматов к великому удовольствию всех, кроме скупого Иуды из Кериота. Принимая во внимание скромные привычки христианской общины, это действительно являлось крупной расточительностью. Жадный казначей тотчас же высчитал, за сколько можно было бы продать эти благовония и

сколько поступило бы денег в кассу для бедных. Этот нелюбезный поступок вызвал неудовольствие Иисуса: допускалось, значит, что есть что-либо выше его. Он любил почести, так как они служили его цели, утверждая за ним титул сына Давидова. Поэтому когда с ним заговорили о нищих, он довольно резко возразил: «Нищих всегда имеете с собой, а меня не всегда имеете». Придя в экстаз, он обещал бессмертие женщине, которая дала в этот критический момент доказательство своей к нему любви.

На следующий день (воскресенье, 9 нисана) Иисус спустился из Иерусалима. Когда на повороте дороги на вершине Масличной горы перед ним развернулась панорама города, он, говорят, заплакал и обратился к нему с последним воззванием. На склоне горы, близ предместья, заселенного, главным образом, священниками и назвавшегося Вифсфатией, Иисус на мгновение еще раз испытал удовлетворение своих человеческих чувств. Слух о его прибытии уже распространился. Галилеяне, пришедшие на праздники, чрезвычайно этому обрадовались и обставили встречу его несколько торжественно. Ему привели по обычаю ослицу с молодым осленком. Галилеяне покрыли спину животного своими лучшими одеждами и посадили на нем Иисуса. В это время другие расстилали свои одежды по дороге и усыпали ее зелеными ветками. Толпа, которая шла впереди и позади него с пальмовыми ветками в руках, восклицала: «Осанна сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне!» Некоторые даже называли его царем израильским. «Равви, прикажи им замолчать». – «Если они замолчат, то камни возопят», – ответил Иисус и вошел в город. Иерусалимляне, мало знавшие его, спрашивали: «Кто это?» – «Это Иисус, пророк из Назарета в Галилее», – отвечали им. В Иерусалиме было около 50 000 жителей. Обыкновенно сколько-нибудь заметное событие вроде прибытия известного иностранца или толпы провинциалов, или каких-нибудь народных волнений на площадях города быстро переходило из уст в уста среди населения. Но во время праздников смятение в городе доходило до крайних пределов. В эти дни

Иерусалим принадлежал пришельцам. Между ними-то волнение и было особенно сильно. Новообращенные, говорившие по-гречески и пришедшие на праздник, горели любопытством и нетерпением увидеть Иисуса. Они обратились к его ученикам: каковы были результаты этой беседы, достоверно неизвестно, Иисус же отправился по своему обыкновению на ночлег в свою любимую деревню Вифанию. в следующие три дня (понедельник, вторник, среда) он точно также приходил в Иерусалим; после захода солнца он отправлялся или в Вифанию, или на ферму, лежавшие по западному склону Масличной горы, где у него было много друзей.

В эти последние дни великая печаль наполнила душу Иисуса, обыкновенно такую ясную и радостную. Все рассказы о нем сходятся в том, что перед арестом он испытал минуту смущения, тоскливой тревоги. По рассказам одних, он внезапно воскликнул: «Душа моя теперь возмутилась; Отче, избавь меня от часа сего». Одним казалось, что в ту минуту послышался голос с неба; другие говорили, что приходил ангел утешать его. По одной очень распространенной версии это происходило в Гефсиманском саду. Иисус, говорят, отошел от своих уснувших учеников на «вержение камня», т. е. на расстояние, достаточное для метания камня, взяв с собой только Кифу и двух сыновей Заведеевых. Тут он пал лицом на землю и молился. Душа его исполнена была смертельной скорбью; страшной тоскою томилась она; но покорность воле Божией одержала верх. Инстинктивное чутье, подсказывающее синоптикам подчиняться иногда при редактировании требованиям условности или эффекта, заставляет их относить эту сцену к последней ночи жизни Иисуса и к моменту его ареста. Если бы эта версия была правильна, то нельзя было бы понять, каким образом Иоанн, оказавшийся будто бы близким свидетелем этого столь трогательного факта, не рассказал о нем своим ученикам, и таким образом редактор четвертого Евангелия не отметил этот эпизод в своем чрезвычайно подробном рассказе о вечере четверга. Единственное, что можно сказать с

уверенностью, это то, что в течение последних дней Иисус жестоко томился под бременем огромной принятой им на себя миссии. На мгновение проснулась в нем человеческая природа. Быть может, он усомнился в своем деле. Страх и сомнение владели им и вызвали состояние слабости, которое хуже самой смерти. Человек, пожертвовавший великой идее своим покоем и законными благами жизни, не может не оглянуться печально на самого себя, когда пред ним в первый раз встает смерть и стремится убедить его в том, что всякие надежды тщетны. Быть может, в душе его пробудились в этот момент те трогательные воспоминания, которые сохраняют и самые сильные натуры, и которые острой болью пронизывают сердце в известные минуты. Вспомнились ли ему светлые струи Галилейских источников, освежиться в которых было бы так отрадно; виноградники и смоковницы, под которыми он мог отдохнуть; молодые девушки, которые, быть может, полюбили бы его? Проклинал ли он свою жестокую судьбу, которая заставила его отречься от всех радостей, доступных другим? Сожалел ли он о том, что одарен слишком высокой душой, не плакал ли он, жертва собственного величия, о том, что не остался простым ремесленником в Назарете? Этого мы не знаем. Вся его внутренняя борьба осталась, очевидно, тайной для его учеников. Они ничего не понимали в этом и дополняли своими наивными предположениями то, что было для них загадочного в душе учителя. Несомненно только то, что его божественная сущность скоро одержала в нем верх. Он мог еще избежать смерти, но не хотел. Его увлекла любовь к своему делу. Он решил испить чашу до конца. С этих пор Иисус снова становился цельным, без колебаний. Забыты всех ухищрения полемиста, легкое верие чудотворца и заклинателя бесов. Остался только несравненный герой страстей, основатель прав свободы совести, высокий образец совершенства, одна мысль о котором приносит силу и утешение всякой страждущей душе.

Торжество в Вифсагии, эта дерзость провинциалов, празднующих у ворот Иерусалима прибытие своего царя

Мессии, окончательно раздражило фарисеев и духовную аристократию. Новый совет состоялся в среду 12 нисана) у Иосифа Каиафы. Решено было немедленно арестовать Иисуса. Все их распоряжения были проникнуты чувством порядка и консерватизмом. Надо было избежать шума. Так как праздник Пасхи, начинавшийся в этом году в пятницу вечером, был временем народных соборщ и сильного возбуждения, то арестовать Иисуса решено было до праздника. Иисус был так популярен, что можно было опасаться восстания. По обычаю народные торжества, на которых присутствовала вся нация, должны были открываться исполнением казней мятежников против авторитета первосвященников, нечто вроде аутодафе, имевшего целью вселить народу религиозный ужас. Тем не менее, совпадение таких зрелищ с праздничными днями было, по-видимому, нежелательно. Арест был, поэтому, назначен на следующее утро, в четверг. Решено было также не арестовывать его в храме, куда он являлся ежедневно, но выследить его привычки и схватить его в каком-нибудь тайном месте. Агенты первосвященников выведывали об этом у учеников, надеясь получить нужные сведения, воспользовавшись их бесхарактерностью или простодушием. В Иуде из Кериота они и нашли то, чего искали. По совершенно непонятным мотивам этот несчастный выдал своего учителя, дал все нужные указания и даже согласился сопровождать отряд, которому был поручен арест. Последняя подробность является такой гнусностью, что едва ли она даже и вероятна. Ужасное воспоминание, сохранившееся в христианском предании о глупости или злобе этого человека, могло привести к некоторым преувеличениям. До тех пор Иуда был таким же учеником, как и остальные, – носил даже звание апостола, творил чудеса и изгонял демонов. Легенда, обыкновенно сгущающая краски, утверждает, что на тайной вечере присутствовало одиннадцать святых и один отверженный. Но в действительности не бывает таких абсолютных категорий. Корыстолюбие, которое синоптики считают причиной преступления, не дает удовлетворительного объяснения. Было бы странно, чтобы человек, который заведовал кассой и

которому грозило потерять все со смертью своего начальника, променял бы выгоды своей должности на крайне незначительную сумму денег. Не было ли причиной самолюбие Иуды, задетое во время обеда в Вифании выговором? Но и этого было бы недостаточно. Четвертый евангелист понимает его как обманщика, как неверующего с самого начала; а это совершенно невероятно. Скорее можно допустить, что им руководило какое-нибудь чувство ревности, какое-нибудь личное разногласие. Особая ненависть к Иуде, замечаемая в Евангелии, приписываемом Иоанну, подтверждает эту догадку. Менее чистый сердцем, чем другие, Иуда, сам того не замечая, мог усвоить себе узкие взгляды своей должности. По странности весьма обыкновенной у людей, занимающих ответственные должности, он, быть может, готов был ставить интересы кассы выше самого дела, для которого она существовала. Администратор убил в его душе апостола. Ропот, вырвавшийся у Иуды в Вифании, заставляет предполагать, что, по его мнению, учитель обходится слишком дорого своей духовной семье. Без сомнения, такая мелочная бережливость являлась причиной и других недоразумений в маленькой общине.

Не отвергая, что Иуда из Кериота мог содействовать аресту своего учителя, мы, однако, полагаем, что проклятия, которыми его осыпают, не совсем справедливы. Быть может, в его поступке было больше опрометчивости, чем предательства. Взгляды человека из народа в вопросах морали бывают искренни и справедливы, но они также неустойчивы и непоследовательны, подчиняясь влиянию минуты. В тайных обществах республиканской партии было много убежденности и искренности, между тем и среди них было множество доносчиков. Самого мелкого неудовольствия было достаточно, чтобы превратить сектанта в изменника. Но если бы безумное желание получить несколько сребреников и вскружило голову бедному Иуде, – все же он не потерял окончательно нравственного чувства, так как, видев последствия своей вины, он раскаялся и, по преданию, покончил жизнь самоубийством.

С этого момента каждое мгновение полно такого величия, которое равняется целым столетиям в истории человечества. Мы дошли до четверга 13 нисана (2 апреля). На следующий день вечером наступал праздник Пасхи; он начинался пиршеством, на котором ели ягненка. Праздник должен был продолжаться семь дней, в течение которых едят опресноки. Первый и последний дни этого праздника отличаются особой торжественностью. Ученики уже были заняты приготовлениями к празднику. Что касается Иисуса, то можно предполагать, что о предательстве Иуды он знал и не сомневался в том, какая участь его ожидает. Вечером он в последний раз ужинал со своими учениками. Это не был обрядовый пасхальный ужин, как это полагали позднее, допуская ошибку на один день. Но для новой Церкви ужин в четверг был настоящей Пасхой, символом нового союза.

У каждого ученика остались о нем самые дорогие воспоминания, и множество трогательных подробностей, сохранившихся об учителе, тоже относится ими к этой трапезе, которая сделалась краеугольным камнем христианского благочестия и исходным пунктом плодотворнейших утверждений.

Нет сомнения в том, что нежная любовь к маленькой церкви наполняла в этот момент все сердце Иисуса. Ясной и сильной душе его было легко под бременем угнетавших ее мрачных предчувствий. Для каждого из друзей у него нашлось доброе слово, – а в отношении двух из них, Петра и Иоанна, он проявил особенную нежность; Иоанн возлежал на скамье рядом с Иисусом, и его голова покоилась на груди учителя. К концу ужина Иисус чуть было не выдал тайны, давившей его сердце. «Истинно говорю вам, – сказал он, – один из вас предаст меня». Такие слова были для этих наивных людей глубоким огорчением. Они смотрели друг на друга, и каждый внутренне допрашивал себя самого. Иуда был тут же; быть может, Иисус, имевший с некоторых пор основание не верить ему, рассчитывал найти этому подтверждение в полном признании или смущенном поведении его. Но неверный ученик не смутился; он даже, говорят, осмелился вместе с другими спросить у него: «Не я ли, равви?»

Между тем, горячий, добрый и правдивый Петр также страдал. Он сделал знак Иоанну, чтобы тот попытался узнать у учителя, на кого он намекает. Иоанн, имевший возможность говорить с учителем так, чтобы их никто не слышал, попросил его разъяснить смысл этих слов. Иисус, питавший только подозрения, не хотел называть имени; он только сказал Иоанну, чтобы он обратил внимание на того, кому он подаст кусок хлеба, обмакнув его в соус; в ту же минуту он обмакнул хлеб и подал его Иуде. Только Иоанн и Петр знали об этом. Иисус обратился к Иуде с несколькими словами, в которых заключался горький упрек, но слова эти были непонятны присутствующим. Они думали, что Иисус отдавал ему распоряжения относительно завтрашнего праздника. После этого Иуда вышел.

Тогда за этим ужином никто не заметил ничего особенного, за исключением опасений, которые учитель высказал своим ученикам, понявшим его лишь наполовину. Но после смерти Иисуса этому вечеру стали придавать особое торжественное значение, и воображение верующих наложило на него отпечаток нежной таинственности. Последние минуты дорогого человека запоминаются лучше всего. Вследствие неизбежной иллюзии разговорам, которые с ним происходили, приписывают тот смысл, который они могли принять лишь вследствие его смерти. Воспоминания многих лет сводятся к воспоминаниям нескольких часов. Большинство учеников не видело своего учителя после упомянутой вечера. Это был прощальный пир. Во время этой трапезы, как и во время многих других, Иисус совершил свой мистический обряд преломления хлеба. Так как с первых лет возникновения Церкви предполагали, что трапеза эта происходила в самый день Пасхи, и что это была пасхальная трапеза, то, естественно, явилась мысль, что установление евхаристии относится к этому последнему моменту. Исходя из гипотезы, что Иисус знал точно момент своей смерти, ученики должны были бы предположить, что он отложил на свои последние часы самые важные дела. Сверх того, одна из основных идей первых христиан состояла в том,

что смерть Иисуса являлась жертвой, заменявшей все жертвы старого Закона. Поэтому «Тайная вечеря», относительно которой раз и навсегда установили, что она происходила накануне «Страстей», была признана жертвой, по преимуществу, основным актом нового единения, знамением крови, пролитой за спасение всех людей.

Хлеб и вино в связи с самой смертью стали образом Нового Завета, который Иисус запечатлел своими страданиями, напоминанием о жертве Иисуса вплоть до его второго пришествия.

Еще в первую эпоху это таинство отразилось в небольшом рассказе, который имеется у нас в четырех очень сходных между собою вариантах. Но рассказ этот не был известен четвертому евангелисту, сильно занятому евхаристическими идеями, рассказывающему так подробно о последней вечере, связывающему с ним столько обстоятельств и поучений. Это доказывает, что секта, преданием которой служит этот рассказ, не считала установление Евхаристии принадлежностью Тайной Вечери. Для четвертого евангелиста обрядом Тайной Вечери является омовение ног. Очень возможно, что в некоторых семьях первых христиан этот обряд имел важное, впоследствии утраченное значение. Чтобы дать своим ученикам урок братского смирения, Иисус, без сомнения, прибегал иногда к этому обряду. Его отнесли к кануну смерти Иисуса вследствие стремления собрать в Тайной Вечере все важнейшие моральные и обрядовые постановления Иисуса.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Арест Иисуса и суд над ним.

Уже спускалась глубокая ночь, когда они вышли из дома. Иисус по своему обыкновению прошел долину Кедрона и направился в сопровождении своих учеников в Гефсиманский сад у подножия Масличной горы. Там он сел. Превосходя своих друзей огромной духовной силой, он бодрствовал и молился. Ученики спали возле него. Вдруг показались вооруженные воины, освещенные факелами. Это были стражники при храме, вооруженные палками, — нечто вроде отряда полиции, находящегося в распоряжении священников; их сопровождал отряд римских воинов с мечами. Приказ об аресте был дан первосвященником и синедрионом. Иуда, хорошо знавший привычки Христа, указал на это место, где его вернее всего могли захватить. Все предания первых времен единодушно свидетельствуют, что Иуда сам сопровождал отряд и, как говорят некоторые, дошел в своем предательстве до того, что поцеловал Христа. Но как бы там ни было, достоверно то, что ученики вначале оказали сопротивление. Петр, как рассказывают, выхватил меч и ранил в ухо одного из служителей по имени Малха. Иисус остановил их первый порыв и сам отдался солдатам. Ученики слабые и не способные действовать последовательно, в особенности против могущественных властей, обратились в бегство и рассеялись. Только Петр и Иоанн шли за своим учителем. Издали следовал за ним еще другой юноша в легком одеянии, — быть может, Марк. Когда его хотели арестовать, он убежал, оставив свою тунику в руках стражи. Первосвященники решили вести дело Иисуса в форме вполне соответствующей действовавшему праву. Процесс против «богохульника» (мессит), стремящегося

оскорбить святость религии, изложен в Талмуде с подробностями, наивное бесстыдство которых способно вызвать только улыбку. Уголовное следствие в существенной части процесса покоилось на обычных уловках ради обхода Закона. При обвинении человека в «богохульстве» представляют двух свидетелей и прячут их где-нибудь за перегородкой, обвиняемого стараются привести в смежное помещение, чтобы свидетели могли слушать его, не будучи ему видны. Возле обвиняемого зажигаются две свечи, дабы занести в протокол, что свидетели его «видели». Обвиняемого заставляют признаться в своем богохульстве и затем предлагают ему отречься от своих убеждений. Если он отказывается, свидетели, слышавшие его слова, привлекают его к суду, и по решению суда его побивают камнями. Талмуд прибавляет, что точно так же поступили и с Иисусом, который был осужден по показанию двух подставных свидетелей, но что богохульство есть, впрочем, единственное преступление, при котором прибегают к ложным свидетельским показаниям.

Действительно ученики Христа передают нам, что их учителю было предъявлено обвинение в «богохульстве» и, за исключением нескольких маловажных подробностей, порожденных воображением раввинистов, рассказ Евангелия точь-в-точь соответствует ходу процесса, как он описан Талмудом. План врагов Христа состоял в том, чтобы обличить его посредством свидетельских показаний и его собственных признаний в богохульстве и в посягательстве на религию Моисея, присудить его к казни на основании закона и затем предать приговор на утверждение Пилата. Духовная власть, как мы уже видели, фактически всецело принадлежала Анне. Приказ об аресте тоже исходил, вероятно, от него. К этому-то могущественному лицу и привели сначала Иисуса. Анна стал спрашивать о его учении и об учениках. Христос со справедливой гордостью отказался вступить в длинные объяснения. Он сослался на свою проповедь, произносимую публично, объявил, что его учение никогда не было тайным, и предложил бывшему первосвященнику

опросить тех, кто его слышал. Это был вполне естественный ответ, но почет, которым был окружен старый первосвященник, был так велик, что ответ показался дерзким. Говорят, что один из присутствовавших там дал Иисусу пощечину за этот ответ.

Петр и Иоанн шли с учителем до жилища Анны. Иоанна, которого знали в доме, был пропущен без затруднения, Петра же задержали у входа и Иоанн должен был просить привратницу пропустить Петра. Ночь была холодная. Петр остался в передней комнате и подошел к жаровне, вокруг которой грелись слуги. Вскоре в нем узнали одного из учеников Христа. Беднягу выдало его галилейское произношение; осыпавший вопросами со стороны слуг, один из которых был родственник Малха и видел его в Гефсиманском саду, он трижды отрекся от Иисуса, утверждая, что никогда не состоял с ним ни в каких сношениях. Он полагал, что Иисус не слышит его, и сознавал, какой изменой является его малодушная ложь. Но честный по натуре он скоро понял, что совершил. Случайное обстоятельство – пение петуха – напомнило ему слова Христа. Глубоко тронутый, он вышел и горько заплакал.

Хотя Анна и являлся истинным виновником замышляемого юридического убийства, но произнести смертный приговор над Иисусом он все же не имел права. Он отправил его к своему зятю Каиафе, который носил официальное звание первосвященника. Слепое орудие своего тестя, тот, естественно, утвердил приговор. Синедрион собрался у него. Следствие началось. Перед судом явилось несколько свидетелей, подготовленных заранее согласно инквизиторской процедуре, установленной Талмудом. Два свидетеля подтвердили роковые слова, действительно произнесенные Иисусом: «Я разрушу храм Божий и в три дня воздвигну его вновь». о иудейскому обычаю хула против храма являлась хулою против самого Бога. Иисус хранил молчание и отказался дать объяснение по поводу этих слов. Если верить преданию, первосвященник заклинал его признаться, он ли Мессия, сын Божий. Иисус будто бы признался в

этом и даже объявил перед собранием близкое пришествие его небесного царствия. Но сила духа Христа, готового умереть, была так велика, что он едва ли снизошел до низкого показания. Более вероятно, что он и здесь, как у Анны, хранил молчание. Так он вообще вел себя в свои последние минуты.

Решение было постановлено, искали только предлога. Иисус знал это и не предпринимал ничего для своей защиты. С точки зрения ортодоксального иудаизма он действительно являлся богохульником, разрушителем установленного культа, а такие преступления в силу Закона карались смертью. Собрание единогласно признало его заслуживающим смертной казни.

Члены собрания, втайне бывшие на стороне Христа, отсутствовали или воздержались от голосования. Обычный произвол, свойственный всем долго существующим аристократиям, не позволял судьям долго размышлять о последствиях их решения. Человеческая жизнь тогда довольно легко приносилась в жертву. Членам синедриона, без сомнения, не приходило в голову, что оскорбленное потомство потребует у их сыновей отчета за приговор, данный с таким пренебрежительным легкомыслием. Синедрион не имел права приводить в исполнение смертные приговоры. Но при той путанице, которая царилла тогда среди властей Иудеи, Иисус уже мог считаться осужденным. Остаток ночи он провел среди низкой черни, которая беспощадно издевалась над ним.

На утро следующего дня снова собрались первосвященники и старейшины. Нужно было, чтобы Пилат подтвердил приговор синедриона, который считался со времени римской оккупации недостаточным без согласия императорского легата. Но прокуратор не имел власти над жизнью и смертью граждан. Иисус же не был римским гражданином; достаточно было одобрения губернатора, чтобы произнесенный над ним приговор вошел в силу. Как это бывает всегда, когда какое-нибудь политическое государство подчиняет себе нацию, у которой перепутаны гражданские и

религиозные законы, – римляне принуждены были оказывать иудейскому закону некоторую поддержку. Римское право не применялось к иудеям; последние починялись каноническому праву, о котором упоминается в Талмуде, точно так же, как алжирские арабы еще и до сих пор управляют законом Ислама. Соблюдая нейтралитет в вопросах религии, римляне, однако, очень часто утверждали приговоры по религиозным проступкам. В таком же положении находятся и священные города Индии, в которых владычествовали англичане. Иосиф утверждает даже (хотя это подлежит сомнению), что если римлянин переступал такие места, на которых была надпись, запрещающая приближение язычников, то римлян сами выдавали такого человека иудеям, чтобы он был предан смерти.

Слуги священников связали Иисуса и отвели его в преторию, бывший дворец Ирода, прилегающий к замку Антония. Это было в утро того дня, когда должны были вкушать пасхального агнца (пятница 14 нисана – 3 апреля). Иудеи считали бы себя оскверненными, войдя в преторию, и не могли бы отпраздновать священную трапезу. Они остались снаружи. Пилат, которому сообщили о них, вышел на биму (или трибуну), расположенную под открытым небом на месте, называемом Гаввафой или, по-гречески – Антостротос – так как это место было вымощено камнем. Когда Пилат узнал о приговоре, он выразил свое неудовольствие, что его впутали в это дело. Затем он заперся с Иисусом в претории. Там между ними произошел разговор, подробности которого до нас не дошли, так как не было при том ни одного свидетеля, могущего передать содержание разговора. Но общий его характер, кажется, довольно удачно угадал четвертый евангелист. По крайней мере, его рассказ вполне согласуется с данными истории об обоих собеседниках. Прокуратор Понтий, прозванный Пилатом за пожалованный ему или его предкам в виде отличия дротик (*pilum*), до тех пор не имел никаких сношений с нарождавшейся сектой. Равнодушный к внутренним распрям иудеев, он во всех сектантских движениях видел только проявление

необузданного воображения и заблуждений. Вообще, он не любил иудеев. Но последние еще больше ненавидели его; они находили его жестоким, надменным, вспыльчивым, обвиняли его в невероятных преступлениях.

Итак, Пилат вздумал попытаться спасти Христа. Быть может, спокойная осанка обвиняемого произвела на него впечатление. Как гласит предание, впрочем, мало вероятное, Иисус нашел поддержку в собственной жене Пилата, утверждавшей, что она видела страшный сон, героем которого был Иисус. Она могла видеть нежного галилеянина из окон дворца, выходящих во двор храма. Быть может, она снова видела его во сне, и кровь этого красивого молодого человека, которую должны были пролить, была причиной страшного кошмара. Достоверно только то, что Иисус нашел в Пилате поддержку. Губернатор благосклонно расспрашивал его с намерением отыскать все средства для его оправдания.

Иисус никогда не присваивал себе названия «царь иудейский», но его враги указывали на это название, которое говорило о его роли и его притязаниях и которое, естественно, являлось лучшим предлогом для возбуждения подозрения римских властей. Основываясь на этом, его и обвинял, как мятежника и как государственного преступника. Ничто не могло быть более несправедливым, так как Иисус всегда признавал Римскую Империю, как установленную власть. Но консервативные религиозные партии не имеют обыкновения отступать перед клеветой. Его учению придавали самые разнообразные толкования; его считали учеником Иуды Гавлонита и утверждали, что он запрещал платить подать Кесарю. Пилат спросил его, считает ли он себя действительно «царем Иудейским». Иисус не скрывал того, что думает. Но его погубил на этот раз иносказательный смысл его речей, составлявший его силу и долженствовавший после его смерти упрочить его царство. Как идеалист, не отделяющий духа от материи, Иисус устами, вооруженными обоюдоострым мечом, по выражению Апокалипсиса, никогда не мог успокоить вполне земных властей. Если

верить четвертому евангелисту, он признал свое царское достоинство, но тут же произнес следующие знаменательные слова: «Царство мое не от мира сего». Затем он объяснил, что он понимает под царским достоинством, говоря, что его царство есть истина, и что он пришел в мир провозгласить истину. Пилат ничего не понял в этом высшем идеализме. Но Христос казался ему неопасным мечтателем. Полнейшее отсутствие религиозного и философского прозелитизма у римлян той эпохи заставляло их смотреть на преданность истине, как на химеру.

Все эти споры казались римлянам скучными и лишеными смысла. Не замечая, как опасны для империи зародыши этих новых идей, они считали нужным употреблять в подобных случаях насильственные меры. Недовольство их падало, главным образом, на тех, кто требовал казни людей из-за таких пустяков. Двадцать лет спустя Галлион придерживался той же политики по отношению к иудеям. До разрушения Иерусалима административный прием римлян состоял в том, чтобы совершенно не вмешиваться в распри иудейских сект между собою.

Пилат нашел следующий выход, чтобы примирить свои собственные чувства с требованиями фанатичного народа, давление которого он так часто чувствовал. Существовал обычай в честь праздника Пасхи освобождать одного преступника по желанию народа. Зная, что Иисус был осужден только благодаря козням священников, Пилат хотел обратить этот обычай в пользу Иисуса. Пилат снова появился на биме и предложил народу отпустить «царя иудейского». Сделанное в подобных выражениях предложение свидетельствовало о широком взгляде на вещи, но имело в то же время и оттенок иронии. Священникам это показалось опасным. Они повели решительную агитацию. Чтобы отклонить предложение Пилата, они подсказали толпе имя узника, который пользовался в Иерусалиме большой популярностью. По странной случайности его звали тоже Иисусом по прозвищу Вар-Равван или Варавва. Это было всем известное лицо, арестованное как убийца во время одного

восстания, сопровождавшегося убийством. Поднялся всеобщий крик: «Нет, не этого Иисуса, отпусти нам Иисуса Варавву». Пилат был вынужден отпустить Иисуса Варавву.

Положение Пилата становилось все более затруднительным. Он боялся быть скомпрометированным слишком заметной снисходительностью к обвиняемому, которого называют «царем иудейским». К тому же фанатизм всегда вынуждает власти потворствовать ему. Пилат счел необходимым сделать уступку; но, не решаясь еще пролить кровь для удовлетворения ненавистных ему людей, он хотел обратить эту историю в комедию.

Как бы в насмешку над громким именем, которое дали Иисусу, он приказал его бичевать. Бичевание, по обычаю, всегда предшествовало распятию. Может быть, Пилат хотел показать, что приговор уже объявлен, в надежде, что народ ограничится предварительным наказанием? Тогда произошла, согласно всем рассказам, возмутительная сцена. Воины надели на Иисуса багряницу, на голову терновый венок, в руки ему дали жезл. В таком одеянии его вывели на трибуну, к народу, солдаты дефилировали перед ним, поочередно били его и приговаривали, становясь на колени: «Радуйся, царь иудейский». Другие плевали в него и били тростью по голове. Трудно понять, каким образом римское достоинство могло допускать такие постыдные поступки. Правда, в распоряжении Пилата, как прокуратора, имелись только наемные войска. Римские граждане, каковыми были легионеры, не унизились бы до таких поступков.

Думал ли Пилат таким образом избежать ответственности? Надеялся ли он отвести удар, угрожавший Иисусу, делая уступку ненависти иудеев и заменяя трагический конец комическим, как бы желая показать, что дело не заслуживало другого исхода? Если таково было его намерение, оно цели не достигло. Волнение разрасталось и перешло в настоящий мятеж. Со всех сторон раздавались крики: «Распни его, распни его!» Священники, принимая все более вызывающий тон, объявили, что Закону угрожает опасность, если богохульник не будет казнен. Пилат ясно видел,

что для спасения Иисуса необходимо будет прибегнуть к кровопролитному усмирению мятежа. Он сделал, однако, еще одну попытку выиграть время. Он вошел в преторию, справился, из какой местности был родом Иисус, отыскивая предлог, чтобы снять с себя ответственность. По одному преданию, он даже отправил Иисуса к Антипе, который был тогда в Иерусалиме. Иисус обращал очень мало внимания на все эти доброжелательные попытки. Как и у Каиафы, он замкнулся в гордом молчании, что поражало Пилата. Крики с улицы становились все более и более угрожающими. Пилата обвинили даже в недостаточном усердии, в попустительстве врагу кесаря. Самые горячие враги римского владычества обратились в верноподданных Тиверия, чтобы иметь возможность обвинять слишком снисходительного прокуратора в оскорблении величества. «Здесь нет, – говорили они, – другого царя, кроме кесаря; кто называет себя царем, тот против кесаря. Если правитель отпустит этого человека, он, значит, не друг кесарю». Слабый Пилат не выдержал. Ему чудились доносы, которые полетят в Рим по поводу его поддержки соперников Тиверия. Уже иудеи писали в Рим по поводу истории с двумя гербовыми щитами. В угоду иудеям, но на поругание потомства, он уступил, сваливая всю ответственность в этом деле на иудеев. Последние, по рассказам христиан, согласились, восклицая: «Да падет кровь его на нас и на наших детей».

Были ли действительно сказаны эти слова? Мы можем сомневаться в этом. Но в них глубокая историческая правда. Ввиду положения, занимаемого римлянами в Иудее, Пилат не мог поступить иначе. Сколько смертных приговоров, диктуемых религиозной нетерпимостью, было вырвано у гражданских властей! Испанский король, посылающий в угоду фанатическому духовенству сотни своих подданных на костер, более достоин порицания, чем Пилат. Он представлял собою более полную власть, чем власть римлян в Иерусалиме в 33 году. Когда гражданские власти начинают в угоду духовенству сеять смуты, они этим обнаруживают свою слабость. Но пусть правительство, безгрешное в этом

отношении, первое бросит камень в Пилата. «Светская власть», за которой прячется жестокость духовенства, не может считаться виновной. Человек, проливающий кровь через своих слуг, не имеет права утверждать, что он питает отвращение к крови.

Мы видим, что не Тиверий и не Пилат приговорили Иисуса к смерти. Его осудила старая иудейская партия, Моисеев закон. По нашим современным понятиям, дети не ответственны за моральные проступки отцов. Каждый человек несет ответственность перед человеческим и духовным правосудием только за то, что сделал сам. Следовательно, каждый еврей, который еще и теперь страдает за казнь Христа, имеет право жаловаться; ведь он мог быть Симоном Киринеянином; он мог также и не быть в числе тех, которые кричали: «Распни его»... Но нации несут такую же ответственность, как и отдельные личности, и если когда-нибудь нация совершила преступление, то смерть Иисуса может считаться таким преступлением. Эта смерть была «законной» в том смысле, что являлась следствием закона, составлявшего душу нации. Моисеев закон, правда, в своей первоначальной форме присуждал к смертной казни за всякую попытку изменить установленный культ. Между тем, Иисус, без всякого сомнения, обрушивался на этот культ и стремился его уничтожить. Иудеи справедливо и откровенно сказали об этом Пилату: «У нас есть закон, и по этому закону он должен умереть, так как он называет себя сыном Божиим». То был отвратительный закон, но это был закон античной жестокости; герой, который приносил себя в жертву, чтобы низвергнуть этот закон, прежде всего должен был испытать его на себе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Смерть Иисуса.

Несмотря на то, что действительный мотив смерти Иисуса был чисто религиозный, его враги предпочли объявить его в претории виновным в государственном преступлении; иначе им не удалось бы добиться от скептического Пилата утверждения приговора к казни за учение, противное их вере. Поэтому священники заставили народ потребовать для Иисуса распятия на кресте. Такая казнь не была чисто иудейской; если бы казнь Иисуса совершалась по закону Моисея, то он был бы побит камнями.

Распятие на кресте было римским способом казни, применявшимся в отношении рабов и в тех случаях, когда к казни хотели прибавить еще и позор.

Применяя этот вид казни к Иисусу, с ним поступали как с разбойником или грабителем, или как с преступником из черни, которых римляне не желали удостоить смерти от меча. В лице Иисуса казнили химерического «царя Иудейского», а не догматика ложного учения. Поэтому и исполнение казни было предоставлено римлянам. В то время у римлян войны, — по крайней мере, в случае казней политического характера, — исполняли должность палачей. Иисус был отдан отряду наемного войска, управляемого центурионом, и должен был испытать все страшные муки, введенные жестокими нравами новых завоевателей. Было около полудня. Его опять одели в собственные одежды, которые с него сняли, когда выводили на позорище. У когорты уже имелись два разбойника, приговоренные к смерти; всех троих осужденных соединили, и процессия направилась к месту казни.

Это место называлось Голгофой. Оно было расположено за Иерусалимом, но вблизи от городских стен. Слово

«Голгофа» значит «череп», оно соответствует французскому слову «плешь», и обозначало, вероятно, лишенный растительности холм, напоминающий голый череп. В точности не известно местоположение этого холма. Вероятно, он лежал к северу или северо-западу от города, на неровном высоком плоскогорье, которое было расположено между стенами города и двумя долинами Кедромом и Гинномом, в месте очень непривлекательном, и еще более неприятном от соседства с большим городом. Потому нет основания думать, что Голгофа находится в том месте, которое христианство со времен Константина считает за таковое. Вместе с тем, нет достаточных оснований для того, чтобы поколебать в этом отношении воспоминания христиан.

Осужденный должен был сам нести орудие своей казни. Иисус будучи более слабого телосложения, чем остальные двое осужденных, не мог донести своего креста. Навстречу процессии шел какой-то Симон из Киренеи, который возвращался с поля, и с грубостью, свойственной чужеземным войскам, отряд заставил его нести роковой крест. Быть может, они (воины) в данном случае воспользовались своим правом на принудительный труд, так как сами римляне не могли взять на себя доставку позорного креста. Симон впоследствии вступил, как кажется, в христианскую общину. Его два сына, Александр и Руф, были там очень известны. Симон, может быть, и рассказал о многих подробностях смерти Иисуса, свидетелем которой он был. Никого из учеников не было возле него в тот момент.

Наконец, прибыли на место казни. По иудейскому обычаю, осужденным предлагали выпить вина, приправленного благовониями, — опьяняющий напиток, который давали осужденному из сострадания, чтобы его одурманить. Повидимому, женщины Иерусалима сами приносили это вино несчастным, которых вели на казнь, в их последний час; если же ни одна из женщин не являлась, то вино покупали на общественный счет. Иисус, прикоснувшись губами к чаше, отказался пить. В этом печальном облегчении обыкновенных преступников не нуждалась его высокая душа.

Он предпочел расстаться с жизнью при ясном сознании, ожидая и призывая желанную смерть. Тогда с него сняли одежды и пригвоздили его к кресту. Крест состоял из двух перекладин, соединенных в форме буквы Т.

Крест был не очень высок, так что ноги осужденного почти касались земли. Прежде всего крест устанавливали, затем прибывали к нему осужденного, вколачивая гвозди в руки. Ноги иногда тоже пригвождали, иногда же только привязывали веревками. К кресту у середины его прибывали деревянный брусок, который проходил между ногами осужденного, служа для них опорой. Без этой опоры от тяжести тела перерывались бы руки, и тело оборвалось. Иногда же на высоте ног прибывалась для опоры горизонтальная дощечка.

Иисус испытал до конца все эти жестокие мучения. Два разбойника были распяты по обе стороны от него. Воины, которым оставляли обыкновенно одежду (*pannicularia*), поделили по жребию эту одежду и, сидя у подножия креста, стерегли его. Согласно преданию, Иисус произнес следующие слова: «Отче, прости им, не ведают ибо, что творят». Но если и не на устах – в сердце его, наверное, были эти слова. По римскому обычаю на кресте над головой казненного была прибита надпись на трех языках: еврейском, греческом и латинском – гласившая: «Царь иудейский». В такой надписи звучало известное презрение к еврейской нации, ироническое отношение к ней. Многочисленные прохожие, читавшие ее, чувствовали себя оскорбленными. Священники обратили внимание Пилата на то, что надпись надо было бы изменить так, чтобы было ясно, что Иисус сам так назвал себя. Но Пилат, которого уже начало утомлять это дело, отказался изменить что-нибудь в том, что написано.

Ученики Иисуса скрылись. Но одно предание гласит, что Иоанн долго оставался у подножия креста. С большей вероятностью можно утверждать, что его верные подруги из Галилеи, которые последовали за ним в Иерусалим и продолжали ему служить, не покидали его. Мария Клеопа,

Мария из Магдалы, Иоанна из Кузы, Саломея и некоторые другие стояли в отдалении и не сводили с него глаз. Если верить четвертому Евангелию, Мария, мать Иисуса, тоже находилась у подножия креста, и Иисус, видя вместе свою мать и своего дорогого учителя, сказал ему: «Вот твоя мать», а ей: «Вот твой сын». Но тогда непонятно, каким образом синоптические евангелисты, называя других женщин, не отметили Марии, присутствие которой было так замечательно. К тому же, высокая душа Иисуса едва ли была бы способна тронуться личными чувствами в тот момент, когда, уже весь поглощенный своим делом, он существовал лишь для человечества.

Кроме этой небольшой группы женщин, которые издали утешали его взглядами, перед Иисусом было только зрелище человеческой низости и тупости. Проходящие оскорбляли его. Вокруг него раздавались глупые насмешки, и его крики отчаяния обращали в отвратительную игру слов. «А, вот тот, кто называл себя сыном Божиим! Пусть же его Отец избавит его, если он угоден ему». – «Других спасал, а самого себя не может спасти», – говорили другие. «Если он царь Израилев, то пусть сойдет с креста, и мы уверуем в него!» Некоторые говорили: «Разрушающий храм и в три дня создающий, спаси себя самого! Посмотрим!»

Некоторые, смутно знакомые с его апокалипсическими верованиями, полагали, что он призывает Илию, и говорили: «Посмотрим, придел ли Илия спасти его». Небо было мрачное; земля, как во всех окрестностях Иерусалима, была суха и угрюма. По некоторым рассказам был момент, когда силы его изменили; тучей затуманилось пред ним лицо Его Отца; Его охватило смертельное отчаяние, в тысячу раз ужаснее всех физических мучений. Пред ним открылась людская неблагодарность; он, быть может, раскаивался в том, что пострадал ради ничтожного жалкого народа, и он воскликнул: «Боже мой, Боже мой, почто ты меня оставил?» Но божественная воля одержала верх. По мере того как угасала жизнь тела, его душа прояснялась и возвращалась мало-помалу к своему небесному началу.

Он вновь восчувствовал значение своей миссии. Он увидел в своей смерти спасение мира. Отвратительное зрелище, происходившее у ног его, уже не касалось его. В глубококом уединении со своим Отцом он начал на кресте ту божественную жизнь, которая отныне отведена ему в сердце человеческого на вечные времена.

Особенный ужас казни распятием заключался в том, что в этом ужасном состоянии можно было прожить три или четыре дня. Кровотечение из ран на руках быстро останавливалось и не было смертельно. Истинная причина смерти состояла в неестественном положении тела, которое нарушало правильное кровообращение, вызывало ужасные боли в голое и сердце и, наконец, одеревенелость членов. Распятие на кресте с крепким организмом в состоянии были спать и умирали только от голода. Первоначальный смысл этой ужасной казни состоял в том, чтобы не убивать сразу осужденного раба причинением каких-нибудь повреждений, но выставить его на позор, пригвоздив за руки, которыми он не сумел хорошо воспользоваться, и оставить его гнить на дереве. Нежная организация Иисуса спасла его от этой медленной агонии. Его мучила сильная жажда, одна из пыток, сопровождающих распятие, как и прочие виды казни, которые вызывают обильное кровотечение. Он попросил пить. Возле находился сосуд с обычным напитком римских воинов, представляющим смесь уксуса и воды, называемом «росса». Воины должны были носить с собой эту «росса» во всех экспедициях, в том числе и при исполнении казней. Один из воинов намочил губку в этом питье, надел ее на трость и поднес к губам Иисуса, который пососал ее. На Востоке полагают, что, давая пить распятым или посаженным на кол, тем самым ускоряют их смерть. Многие полагали, что Иисус испустил дух тотчас же, как выпил уксуса. Гораздо более вероятно, что паралич сердца или мгновенный разрыв одного из сосудов в области сердца причинил ему через три часа внезапную смерть. За несколько минут до смерти голос его еще твердо звучал. Вдруг он испустил ужасный крик, в котором некоторые

разобрали: «Отче, в руки Твои отдаю дух мой». Другие же, более сосредоточенные мыслью на исполнении пророчеств, уловили одно слово: «Свершилось!» Голова его склонилась на грудь. Он испустил дух.

Почий отныне в своей славе, благородный учитель! Твое дело кончено; твоя божественность установлена. Не опасайся, что созданное твоими усилиями может погибнуть от каких-либо ошибок. Отныне, недоступный нападениям суетного мира, ты будешь взирать с высоты божественного покоя на бесконечные последствия твоих дел. Ценою нескольких часов страданий, которые даже не задели твоей великой души, ты купишь себе полное бессмертие. В течение тысячелетий мир будет вдохновляться тобою. Зная наших противоречий, ты будешь символом, вокруг которого произойдет самая пламенная битва. В тысячу раз более могущественный и более любимый после смерти, чем во время твоего земного бытия, ты сделаешься одним именем своим краеугольным камнем вселенной. Исторгнуть его – значило бы потрясти основы вселенной. Между тобой и Богом не будет различия. Одержавший победу над самой смертью, владей своим царством, в которое пойдут за тобой во веки вечные по начертанному тобой царственному пути твои поклонники.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Основной характер дела Иисуса.

Иисус никогда не распространял своей деятельности за пределы иудаизма. Хотя его симпатия ко всем презираемым ортодоксией и побудила его допустить язычников в царствие Божие, хотя он неоднократно жил среди язычников, и хотя раз или два сказались его благосклонные отношения к ним, — все же можно сказать, что вся его жизнь протекала в маленьком, тесно замкнутом мире, в котором он родился. В греческих и римских странах о нем и не слышали. Лишь спустя сто лет его имя встречается у светских писателей, и то лишь косвенно, по поводу мятежных волнений, вызванных его учением, или по поводу преследований, которым подверглись его ученики. Даже в недрах иудаизма Иисус не оставил продолжительного впечатления. Филон, умерший в 50 году, не подозревал о нем. Иосиф, родившийся в 37 году и писавший в конце столетия, упоминает о его казни в нескольких строчках, как о факте второстепенной важности; перечисляя секты своего времени, он даже опускает христиан. Юст Тивериадский, историк современный Иосифу, не упоминает об Иисусе. С другой стороны, в Мишне мы не находим следов нового учения; места в двух Гемарах, где основатель христианства назван по имени, не могли быть отредактированы раньше IV или V веков.

Сущность творения Иисуса заключалась в том, чтобы собрать вокруг себя группу учеников, которым он внушил безграничную привязанность и в душе которых он заронил семя своего учения. Заставить себя полюбить «так сильно, что его не переставали любить и после смерти», — вот в чем великое дело Иисуса, что более всего поражало его современников. В учении его было так мало догматического, что

он ни разу не подумал о том, чтобы записать его или поручить это другим. Каждый делался его учеником не потому, что верил в то или другое, но потому, что привязывался к его личности и любил его. Все, что осталось от него, – это несколько изречений, собранных по памяти его слушателями, и главным образом его моральный облик и произведенное им впечатление. Иисус не был основателем догмы, творцом символов; он был инициатором мира, проникнутого новым духом. Менее всего были христианами, с одной стороны, – учителя греческой церкви, которые, начиная с IV века, толкали христианство на путь наивных метафизических споров, с другой стороны, – латинские схоластики средних веков, стремившиеся извлечь из Евангелия тысячи пунктов одной колоссальной «Соммы». Быть христианином – значило в первые времена примкнуть к Иисусу, чтобы удостоиться Царствия Божия.

Таким образом становится ясным, как чистое христианство благодаря своей исключительной судьбе еще и теперь, в конце XVIII столетия, сохраняет характер всемирной и вечной религии. Это потому, что религия Иисуса во многих отношениях является действительно законченной. Христианство, как результат совершенно непосредственного духовного развития, отрешившись при самом возникновении от догматических рамок, борясь в течение трех столетий за свободу совести, несмотря на последующие падения, – еще и теперь пожинает плоды своего выдающегося происхождения. Чтобы обновиться, ему достаточно вернуться к Евангелию. Царствие Божие, как его мы понимаем, значительно разнится от сверхъестественного появления в облаках, которое надеялись видеть первые христиане. Но чувство, которое Иисус внес в мир, есть наше чувство. Его высокий идеализм есть высший принцип добродетельной и самоотверженной жизни. Он создал небо чистых душ, где находится то, чего тщетно ищут на земле: совершеннейшее благородство детей Божиих, полная святость, полное отрешение от мирской грязи, – наконец, свобода, которую реальное общество считает невозможной, и которая достигает

своей полноты только в области мысли. Иисус же является великим учителем тех, кто ищет прибежища в этом идеальном рае. Он первый провозгласил царство духа, он первый возвестил, по крайней мере, своими поступками: «Царство мое не от мира сего». Основание истинной религии принадлежит, конечно, ему. После него остается лишь развивать ее и распространять.

Итак, «христианство стало почти синонимом «религии». Все, что будет сделано вне этой великой и прекрасной христианской традиции, останется бесплодным. Иисус создал религию в человечестве, как Сократ создал в нем философию, Аристотель – науку. Философия существовала и до Сократа, наука – до Аристотеля. После Сократа и Аристотеля – философия и наука сделали громадные успехи; но все это было построено на фундаменте, ими заложенном. Точно так же до Иисуса религиозная мысль потерпела много изменений, после Иисуса она одержала великие победы; однако человечество никогда не выходило и не выйдет из основных понятий, установленных Иисусом. Он навсегда установил способ, посредством которого надо познавать чистый культ. Религия Иисуса не имеет границ. У церкви были свои эпохи и фразы. Она замкнулась на символах, которые имели или будут иметь лишь одну эпоху. Иисус же основал абсолютную религию, которая ничего не исключает, ничего не определяет, кроме чувств.

Напрасно стали бы искать в Евангелии какую-нибудь теологическую подкладку. Все вероисповедания представляют собой извращения идеи Иисуса; точно так же как схоластики средних веков, объявляя Аристотеля единственным творцом законченной науки, тем самым извращали мысль Аристотеля. Если бы Аристотель присутствовал при дебатах этой школы, он отверг бы их узкое учение. Он был бы на стороне прогрессивной партии против рутины, прикрывавшейся его авторитетом. Он аплодировал бы своим противникам. Точно так же, если бы между нами явился Иисус, он признал бы своими учениками не тех, кто стремится заключить его целиком в несколько фраз катехизиса, но тех, кто работает для продолжения его дел.

Во всех великих началах вечная слава принадлежит тому, кто заложит первый камень. Возможно, что в руководствах физики и метеорологии нашего времени не найдется ни одного слова из трактатов Аристотеля, посвященных этим наукам; все же Аристотель остается основателем науки о природе. Каковы бы ни были изменения догмата, Иисус навсегда останется творцом религии чистого чувства, ничто не превзойдет нагорную проповедь. Никакая революция не заставит нас уничтожить связь с той великой интеллектуальной и моральной семьей, мы останемся христианами даже тогда, когда расходимся почти во всех пунктах с предшествовавшим нам христианским преданием.

Это великое дело основания религии было личным делом Иисуса. Чтобы заставить себя обожать до такой степени, надо было быть достойным обожания. Любовь не является, если нет объекта, способного ее зажечь. И если бы мы не знали об Иисусе ничего, кроме страстной любви, которую он внушал к себе в окружающих, мы и тогда должны были бы утверждать, что он был велик и чист. Вера, энтузиазм, твердость первого поколения христиан можно объяснить только предположением, что все движение обязано своим происхождением человеку с титанической душой. Рассматривая чудесные дела эпохи веры, мы наталкиваемся на два впечатления, одинаково роковые для верной исторической критики. С одной стороны, можно предположить, что эти дела безличны, и приписать коллективному действию то, что часто являлось делом личной могучей воли и сильного ума. С другой стороны, как-то отказываешься видеть в виновниках этих необычайных движений, решавших судьбу человечества, таких же людей, как мы. Но рассмотрим силы, скрытые в природе человека, с более широкой точки зрения. Наши цивилизации, управляемые мелочно полицейской регламентацией, не могут нам дать никакого представления о том, что значил человек в то время, когда оригинальность каждого имела полную возможность широко развиваться. Представим себе, в каменоломне по соседству с одной из наших столиц живет отшельник, который

время от времени является во дворцы государей, прорываясь сквозь стражу, повелительным тоном сообщает царю, что приближается революция, зачинщиком которой является он сам. Одна мысль об этом вызывает у нас улыбку. Между тем, таков был пророк Илия. Илия Фезбит нашего времени не проник бы даже за ограду Тюльери. Проповедь Иисуса, его свободная деятельность в Галилее тоже не соответствует социальным условиям, к которым мы привыкли.

Вне тисков нашей условной вежливости и не получившие однообразного воспитания, делающего нас более уточненными, но в то же время ограничивающими нашу индивидуальность, эти цельные натуры вносили в свою деятельность удивительную энергию. Они представляются нам исполнителями героической эпохи, не существовавшей в действительности. Какое глубокое заблуждение! Эти люди были нашими братьями. Они были нашего роста, думали и чувствовали так же, как мы. Но дыхание Бога свободно веяло на них; у нас же оно сковывается железными цепями жалкого общества, осужденного на безысходную посредственность.

Так поставим же личность Иисуса на высшую точку человеческого величия. Пусть нас не вводит в заблуждение излишняя недоверчивость к легенде, постоянно рисующей нам мир сверхъестественного. Жизнь Франциска Ассизского есть тоже сплошное сплетение чудес. А между тем, кто сомневался когда-нибудь в существовании и роли Франциска Ассизского? Не будем утверждать, что слава основания христианства должна принадлежать толпе первых христиан, а не тому, кого обожествила легенда. Неравенство людей гораздо более заметно на Востоке, чем у нас. Там мы нередко можем видеть, как среди общей атмосферы злобы вырастают характеры, величие которых нар поражает. Иисус не только далеко не был созданием своих учеников, он во всех отношениях стоит выше их. Его ученики, за исключением св. Павла и, быть может, св. Иоанна, были люди, лишённые инициативы и гения. Даже святой Павел не выдерживает никакого сравнения с Иисусом; что же касается Иоанна, он в своем Апокалипсисе только вдохновлялся

поэзией Иисуса. Отсюда огромное преимущество евангелий над всеми книгами Нового Завета. Отсюда то впечатление ужасного падения, которое испытывается при переходе от истории Иисуса к истории апостолов. Сами евангелисты, завещавшие нам образ Иисуса, настолько ниже того, о ком говорят, что беспрестанно искажают его, не будучи в состоянии подняться на одну с ним высоту. Их сочинения полны заблуждений и противоречий. В каждой строчке проглядывает оригинал божественной красоты, искажаемый редакторами, которые его не понимают и подставляют свои собственные мысли на место идей, только наполовину доступных их пониманию. В общем, характер Иисуса далеко не был прикрашен его биографами, которые, наоборот, скорее умаляли его достоинства. Чтобы представить его таковым, каков он был в действительности, критике надо отбросить целый ряд недоразумений, явившихся следствием ограниченного ума его учеников. Последние представили его так, как понимали его сами, и часто, думая возвеличить его, на самом деле только унижали.

Я знаю сам, что наши современные принципы часто оскорбляла эта легенда, созданная другой расой, под другим небом, среди других социальных условий. Не все добродетели одинаково соответствуют нашим вкусам. Честный и кроткий Марк Аврелий, смиренный и нежный Спиноза, не считая себя способными совершать чудеса, избегли поэтому некоторых заблуждений, которые разделял Иисус. Спиноза при всей своей полной безвестности обладал преимуществом, которого Иисус не добивался. Крайней деликатностью в выборе средств для убеждения, абсолютной искренностью и бескорыстной любовью к чистой идее, — все мы, посвятившие себя науке, основали новый нравственный идеал. Но общая оценка истории не должна ограничиваться критикой личных заслуг. Марк Аврелий и его благородные учителя прочного влияния на мир не имели. Марк Аврелий оставил после себя превосходные книги, порочного сына, приходящий в упадок мир. Иисус остается для человечества неиссякаемым источником нравственного возрождения.

Большинство не удовлетворяется философией; оно требует святости. Аполлоний Тианский со своей чудесной легендой должен был иметь больше успеха, чем Сократ с его холодным разумом. «Сократ», говорили, «оставляет людей на земле, Аполлоний возносит их к небу. Сократ только мудрец, Аполлоний – Бог». Никогда не существовало религии, вплоть до наших дней, без доли аскетизма, набожности, чудесного. Когда, после Антониев, возникла мысль создать религию из философии, – понадобилось превратить философов в святых, написать «Vie edificante» Пифагора и Плотина, окружить их легендой, добродетелью воздержания и созерцательности, сверхъестественной силой, – без этого современное им человечество не признало бы их авторитета. Не будем же искажать историю ради удовлетворения требований нашей мешанской щепетильности. Кто из нас, пигмеев, мог бы совершить то, что сделал безумец Франциск Ассизский и истеричка св. Тереза? Пусть медицина знает определенные названия для этих великих уклонений человеческой природы; пусть она утверждает, что гений есть болезнь мозга; пусть она усматривает в известной нравственной чуткости зародыш этизии; пусть она относит энтузиазм и любовь к категории нервных припадков, – что нам до этого? Понятия «здоровья» и «болезни» очень относительны. Кто не предпочел бы быть больным Паскалем, чем здоровой посредственностью? Узкие взгляды на душевную ненормальность, распространившиеся в наше время, вносят самую серьезную путаницу в нашу историческую критику этого рода. То состояние духа, которое обуславливает бессознательные речи, работу мысли, рожденной и направленной не волей, – способны обречь в настоящее время человека, испытывающего этого состояние, на удаление из общества, как галлюцинанта. Некогда это называлось пророчеством и вдохновением. Все самое прекрасное в мире рождалось в лихорадочном возбуждении; всякий великий творческий акт влечет за собой нарушение равновесия; разрешение от бремени есть по закону природы мучительно болезненное состояние.

Мы признаем, конечно, что христианство – дело слишком сложное, чтобы могло быть создано одним человеком. В известном смысле, – в создании его участвовало соединенным трудом все человечество. Нет такого общества, как бы он ни было замкнуто, куда не проникало бы дуновение ветра извне. История полна синхронизмов, свидетельствующих о том, что в различных концах мира и, не сообщаясь между собой, люди одновременно создавали почти вполне тождественные идеи и представления. В XIII веке латины, греки, сирийцы, мусульмане создают схоластику, одну и ту же, от Иорка до Самарканда; в XIV веке царит всеобщее увлечение мистической аллегорией – в Италии, в Персии, в Индии; в XVI веке искусство развивается почти в одном и том же направлении в Италии и при дворе Монголов, несмотря на то, что св. Фома, Варевреус, нарбоннские раввины, багдадские мотекаллемины не знали друг о друге, – несмотря на то, что Данте и Петрарка не видывали ни единого суфи, – несмотря на то, что ни один из учеников школы Перузы и Флоренции никогда не был в Дели. Великие влияния распространяются по свету подобно эпидемии, не различающей границ и рас. Обращение идей среди человечества происходит не только путем книг или непосредственного обучения. Иисус даже не знал имен Будды, Зороастра, Платона, не прочел ни одной буддийской суты, – а, между тем, в его учении есть много элементов буддизма, парсизма, греческой мудрости, чего он и не подозревал. Все это сообщалось по таинственным каналам и в силу таинственной симпатии, существующей между различными частями человечества. Великий человек, с одной стороны, заимствует все от своей эпохи, а с другой, – господствует над ней. Доказать, что религия, основанная Иисусом, явилась единственным следствием всего предшествовавшего, отнюдь не значит умалить ее достоинство, это лишь значит доказать, что она была законной, т. е. соответствовала инстинктам и потребностям людей своего века.

Разве более верно сказать, что Иисус всем обязан иудаизму, что его величие есть лишь величие иудейского народа?

Никто больше меня не расположен ставить высоко этот единственный народ, который, кажется, получил особый дар: совмещать в себе все крайности добра и зла. Без сомнения, Иисус исходит из иудаизма, но он вышел из него, как Сократ вышел из школы софистов, как Лютер из средневековья, как Ламеннэ из католицизма, Руссо – из XVIII века. Человек всегда принадлежит своему веку и своей расе, даже тогда, когда протестует против своего века и своей расы. Иисус не только не продолжал иудаизма, но его дело именно и состоит в разрыве с еврейским духом. Если даже допустить, что в этом отношении мысль Иисуса дает повод к недоразумению, то общее направление христианства после него уничтожает эти сомнения. Христианство все более и более удалялось от иудейства. Конечное совершенствование христианства будет состоять в возвращении к Иисусу, а не к иудаизму.

Таким образом, великая оригинальность Иисуса, как основателя религии, остается незыблемой. Разделить его славу не имеет права ни один ученик. Благоприятные обстоятельства сыграли, бесспорно, видную роль в деле успеха этой удивительной революции, но обстоятельства помогают только добрым и справедливым начинаниям. Всякая власть человеческого развития, – искусство, поэзия, религия, – встречает на протяжении веков благоприятную эпоху, когда она без усилий достигает совершенства в силу своего рода самопроизвольного инстинкта. Никакая работа мысли не в состоянии создать такого совершенного творения, какие создает в подобные моменты природа при посредстве вдохновения гениев. Эпоха Иисуса сделала для религии то, что сделала цветущая эпоха Греции для искусства и светской литературы. Иудейское общество представляло самое необычайное интеллектуальное и моральное состояние, которое когда-либо встречалось в человечестве. Это был один из тех божественных моментов, когда великие творения рождаются сами собой, вследствие сплетения тысячи скрытых сил, когда высокие умы находят поддержку в потоках восторга и симпатии. Мир, освободившись от

тирании маленьких городских республик, пользовался большой свободой. Римский деспотизм еще не успел проявить свое губительное влияние, – да и в отдаленных провинциях он был гораздо менее ощутителен, чем в центре Империи. Наши мелкие предрассудки, гораздо более губительные для духа, чем пытки, еще не существовали тогда. В течение трех лет Иисус вел жизнь, за которую наш современный общественный строй уже сто раз отдал бы его под суд. Одних современных законов о лечении без соответствующих прав было бы достаточно, чтобы положить конец его карьере. С другой стороны, династия Иродов, сначала неверующих, мало интересовалась религиозным движением. При Асмонеях Иисус был бы, вероятно, арестован в самом начале своей деятельности. Всякий новатор при таком состоянии общества рисковал бы только смертью, а смерть для тех, кто работает для будущего, является желанной. Вообразите только, что Иисус должен был бы влачить бремя своей божественности до 60 или 70 лет, теряя мало-помалу свой божественный огонь, изнашиваясь с течением времени. Но избранникам судьбы все благоприятствует. Они идут к славе, подчиняясь непреодолимому влечению изнутри и роковому стечению внешних обстоятельств.

Это возвышенное существо, которое и до сих пор правит судьбами мира, позволительно назвать божественным не в том смысле, что Иисус вмещал в себе все божественное, или тождествен божеству, а в том смысле, что Иисус заставил род человеческий сделать самый крупный шаг на пути к божественному.

Человечество представляет, в общем, собрание ничтожных существ, эгоистичных, как четвероногие, и даже больше их, потому что эгоизм их более осмыслен, чем у животных. Но среди этой однообразной пошлости возвышаются к небу столпы, свидетельствующие о более благородном назначении человека. Иисус самый высокий из всех этих столпов, указывающих человеку, откуда он происходит и куда он должен стремиться. В нем объединилось все, что есть лучшего и возвышенного в человеческой природе. Он

не был безгрешен, но он умел побеждать в себе те страсти, с которыми мы боремся. Никакой ангел божий не поддерживал его, кроме его собственной совести. Никакой демон не искушал его, кроме того, который живет в сердце каждого человека. Как многие великие черты его потеряны для нас, вследствие непонимания его учеников, – так остались, вероятно, скрытыми от нас и многие его недостатки. Но никто никогда не ставил широкие интересы человечества до такой степени выше суетного мира, как ставил он. В беззаветной преданности идее он все подчинил ей до такой степени, что вселенная перестала существовать для него. Этими-то порывами героической воли он и завоевал небо. Мир не знает другого человека, за исключением, пожалуй, Сакия-Муни, который бы так беззаветно отрешался от радостей семьи, от всех наслаждений здешнего мира и всех его текущих забот. Он жил только своим Отцом, своим божественным призванием и убеждением в том, что он его выполнит.

Преклоним колена перед этими полубогами, все мы, дети мира, обреченные на бессилие, на труд без пожинания плодов, без возможности увидеть всходы нами посеянного. Им дано было то, что нам не дано: творить, утверждать, действовать. Родится ли вновь когда-нибудь такая великая индивидуальность, или мир удовлетворится отныне тем, что будет следовать по путям, проложенным смелыми творцами древних эпох? Мы не знаем этого.

Но как бы ни сложилось будущее, – Иисуса никто не превзойдет. Вечно юным останется культ Иисуса. Вечно будут вызывать слезы сказания о нем. Вечно будут его страдания волновать лучшие сердца. Во все века не будет среди сынов человеческих более великого, чем Иисус.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Иисус в гробнице.

Было около трех часов пополудни, по нашему счету, когда Иисус испустил дух. По иудейскому закону запрещалось оставлять труп на кресте позже вечера того дня, в который совершалась казнь. Мало вероятно, чтобы римляне при исполнении казней руководствовались этим правилом. Но так как на следующий день была суббота, то иудеи выразили римским властям желание, чтобы этот день не омрачался подобным зрелищем. Их просьба была исполнена. Был отдан приказ об ускорении смерти трех осужденных и о снятии их с креста. Воины исполнили это распоряжение, применив к двум разбойникам вторую казнь, более скорую, чем распятие, *scutifragium* – раздробление голеней, обычную казнь рабов и военных пленников. Иисуса они уже нашли мертвым и не сочли нужным раздроблять ему голени. Только один из них, чтобы уничтожить всякое сомнение в действительной смерти Иисуса и прикончить его, если бы он еще дышал, проткнул его копьем. Всем показалось, что из раны потекла кровь с водой, что сочли признаком прекращения жизни. Четвертый евангелист, – согласно которому апостол Иоанн присутствовал при этом в качестве свидетеля-очевидца, – настаивает на этой подробности. Очевидно, возникали сомнения в действительной смерти Иисуса. Несколько часов висения на кресте казались недостаточными для смерти этим привыкшим к казням людям. Называли много случаев, при которых распятые во время снятия с креста возвращались к жизни энергичным лечением. Ориген впоследствии объяснял чудом такую быструю смерть. То же удивление чувствуется и в рассказе Марка. Собственно говоря, лучшей гарантией для историка в этом

вопросе являются ненависть и подозрительность врагов Иисуса.

Вопрос о том, боялись ли уже иудеи в то время воскресения Иисуса, подлежит большому сомнению, но, во всяком случае, они должны были наблюдать за тем, чтобы он был действительно мертв. Какова бы ни была в некоторые эпохи небрежность древних к законной точности и строгому ведению дел, нельзя допустить, чтобы в данном случае заинтересованные лица не предприняли каких-нибудь мер предосторожности в вопросе, который был так важен для них.

По римскому обычаю труп Иисуса должен был остаться висеть, чтобы сделаться добычей птиц. По иудейскому закону его должны были снять вечером, чтобы отправить на позорное место, предназначенное для погребения казненных. Если бы Иисус имел среди своих учеников только бедных и робких галилеян, не имевших никакого влияния, оно бы так и случилось. Но мы видели, что Иисус, несмотря на свой неуспех в Иерусалиме, приобрел симпатии некоторых видных лиц, которые ждали царства Божия и которые, не признавая себя открыто его учениками, питали к нему втайне сильную привязанность. Один из них, Иосиф, из маленького города Аримафеи (Nagamathaim), отправился вечером к прокуратору просить у него тело Иисуса. Иосиф был богатый и уважаемый человек, член Синедриона. Римский закон в то время разрешал, впрочем, выдавать трупы казненных тем, кто потребует. Пилат, не знавший случая с *scutifragium*, удивился, что Иисус так скоро умер, и потребовал центуриона, распорядившегося казнью, чтобы узнать, как было дело. Получив удостоверение центуриона в смерти Иисуса, Пилат согласился удовлетворить просьбу Иосифа. Тело, вероятно, уже было снято с креста. Его выдали Иосифу в его распоряжение.

Другой тайный друг, Никодим, который, как мы видели, уже употреблял свое влияние в пользу Иисуса, тоже оказался там в тот момент. Он явился, неся с собой обильный запас веществ, необходимых для бальзамирования. Иосиф и Никодим приготовили тело Иисуса к погребению по

иудейскому обычаю, т. е. завернули его в саван с миррой и алоэ. Тут же присутствовали женщины из Галилеи, которые выпускали, без сомнения, вопли и крики горя.

Уже было поздно, и все это делалось очень поспешно. Для погребения Иисуса еще не было выбрано окончательно место. Перенос тела, впрочем, мог продлиться до позднего часа и повлечь за собой нарушение субботы. Ученики еще добросовестно исполняли предписания иудейского закона. Они решили похоронить его во временной гробнице. Неподалеку в саду находилась гробница, недавно высеченная в скале и еще никогда не бывшая в употреблении. Она, вероятно, принадлежала кому-нибудь из его последователей. Погребальные пещеры, предназначенные только для одного трупа, представляли маленькое помещение, в глубине которого устраивалось в виде выступа в стене место для тела.

Так как грот был высечен с пологой стороны стены скалы, то в него и входили прямо, дверь закрывалась при помощи тяжелого камня.

Иисуса поместили в такой пещере, заложили камнем дверь и решили придти снова, чтобы совершить полное погребение. Но на завтра была священная суббота, и погребение было отложено на послезавтра.

Женщины тоже ушли после того, как внимательно осмотрели, как уложено тело. Оставшиеся до вечера часы они употребили для приготовлений к бальзамированию. В субботу все отдыхали.

В воскресенье рано утром женщины пришли к гробу.

Мария из Магдалы явилась первая. Камень был отвален от двери, тела Иисуса тоже не нашли в том месте, где его положили. В то же время самые странные слухи распространились в христианской общине. Крик: «Он воскрес!» как молния облетел всех учеников. Любовь к Иисусу обеспечивала верный успех этой вести. Что же случилось? При изучении истории апостолов мы могли бы рассмотреть это явление и исследовать первоначальные предания, относящиеся к вопросу о воскресении. Для историка же жизнь Иисуса кончается с его последним вздохом. Но след,

оставленный Иисусом в сердцах его учеников и преданных друзей, был так значителен, что еще в течение многих недель он как бы жил с ними и являлся для них утешителем. Кто же унес его тело?

При каких условиях легковверный энтузиазм породил эту массу преданий, по которым можно судить о вере в воскресение Иисуса? Этого мы никогда не узнаем вследствие противоречивости документов. Скажем только, что пылкое воображение Марии Магдалы играло здесь не последнюю роль. Божественная сила любви! Священные моменты, когда страсть галлюцинирующей женщины дает миру воскресшего Бога!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Судьба врагов Иисуса.

По счислению, принятому нами, смерть Иисуса приходится на 33-й год нашей эры. Во всяком случае, она не могла последовать раньше 29 года, так как проповедь Иоанна и Иисуса началась в 28 году и не позже 35-го года, так как в 36-м году и, кажется, перед Пасхой, Пилат и Каиафа потянули свои места.

Впрочем, смерть Иисуса не имела никакого отношения к их смещению. Покидая должность, Пилат, вероятно, ни на мгновение не вспомнил об эпизоде, благодаря которому печальная слава о нем передалась самому отдаленному потомству. Что касается Каиафы, то его преемником был Ионафан, его шурин, сын того самого Анны, который играл главную роль в процессе Иисуса. В саддукейской семье Анны еще долго переходило первосвященничество из рода в род. Более могущественная, чем когда-либо, эта семья не переставала вести с учениками и семьей Иисуса ожесточенную войну, начатую с самим Иисусом. Христианство, которое было ей обязано окончательным актом своего существования, было ей также обязано своими первыми мучениками. Анна был одним из счастливейших людей своего века. Истинный виновник смерти Иисуса, он кончил свою жизнь, окруженный почестями и уважением, ни на мгновение не сомневаясь, что он оказал большие услуги нации. Его сыновья продолжали царить среди аристократии храма, с большим трудом сдерживаемые прокураторами и обходясь много раз и без их согласия в деле потворства своим жестоким и высокомерным инстинктам. Антипа и Иродиада тоже скоро сошли с политической сцены.

Когда Ирод Агриппа был возведен Калигулой в царское достоинство, ревнивая Иродиада поклялась, что и она будет царицей. Под постоянным влиянием этой честолюбивой женщины, которая считала его трусом за то, что он терпел старшего в роде, Антипа преодолел свою природную лень и отправился в Рим, чтобы добиться такого же титула, какой получил его племянник (в 39-м году нашей эры). Но дело приняло очень плохой оборот. Очерненный Иродом Агриппой в глазах императора Антипа был низложен и остаток своей жизни влачил существование изгнанника, переезжая то в Лион, то в Испанию. Иродиада разделила с ним эту опалу. Прошло по меньшей мере сто лет, прежде чем до этих отдаленных стран дошло имя неизвестного подданного, ставшего Богом, и напомнило над могилами этих людей об убийстве Иоанна Крестителя.

Что касается несчастного Иуды из Кериота, то по поводу его смерти ходили страшные легенды. Уверяли, что ценой своего предательства он купил поле в окрестностях Иерусалима. Действительно, к югу от Сиона существовало место, называемое *Hakeldamma* (поле крови). Полагали, что это и была собственность, приобретенная предателем. По одному из преданий он покончил жизнь самоубийством. По другому преданию он упал в поле и при этом выпали на землю его внутренности. Существует еще предание, по которому он умер от водянки, сопровождавшейся такими отвратительными явлениями, что ее считали небесной карой. В основе этих легенд лежало желание представить в образе Иуды подобие Ахитофеля и показать на нем, как исполняются угрозы, высказанные Псалмопевцем по отношению к одному вероломному другу. Быть может, Иуда, уединившись на своем поле «*Hakeldamma*», вел мирную жизнь, в то время как старые друзья готовили завоевание мира и распространяли в нем слух о его позоре. Быть может также, страшная ненависть, тяготевшая над ним, принудила его к крайности, в которой видели перст Божий.

Но эпоха великой христианской мести еще не наступила. Новая секта не имела отношения к той катастрофе,

которую иудаизму пришлось вскоре испытать на себе. Синагога только гораздо позже поняла, какой опасности она подвергается, применяя закон о нетерпимости. Конечно, Империя была еще более далека от подозрения, что уже родился ее будущий разрушитель. Еще около трехсот лет она шла своей дорогой, не подозревая, что рядом с ней вырастают новые принципы, предназначенные для полного преобразования человечества. Брошенная в мир идея Иисуса – теократическая и демократическая в одно и то же время – вместе с нашествием германцев послужила одной из наиболее активных причин распада создания Цезарей. С одной стороны, было провозглашено право всех людей принять участие в царстве Божиим. С другой стороны – религия, в принципе, отделилась от государства. Права совести, неподвластные политическому закону, создают новую силу – «власть духа». Эта власть много раз уклонялась от своего первоначального значения. В продолжение веков епископы были князьями, а папа королем. Это мнимое господство духа неоднократно проявляло себя в виде ужасной тирании, прибегавшей для своего поддержания к пыткам и кострам. Но наступит день, когда отделение церкви от государства принесет свои плоды, когда государство в области духа будет называться не «властью», а «свободой». Христианство, созданное идеей человека из народа, развивавшееся перед народом, любимое и почитаемое, прежде всего, народом, носило на себе оригинальный отпечаток, который не изгладится никогда. Это было первое торжество революции, победа народного чувства, выступление смиренного сердцем, праздник добра, как его понимает народ. Таким образом, Иисус пробил брешь в аристократических сферах древнего мира, через которую открылся выход.

Гражданская власть, хотя и неповинная в смерти Иисуса (она только подписала приговор, и то против воли) должна была нести эту тяжелую ответственность. В лице начальства, в сцене на Голгофе, государство нанесло себе самый тяжелый удар. Легенда, полная всякого рода непочтительности, одержала верх и обжала весь свет: в этой

легенде установленные власти играют гнусную роль, обвиняемый является правым, судьи и полицейские власти образуют сообщество, направленное против истины. Глубоко возмутительная история Страстей, распространенная в тысячах популярных образов, показывает, как римские орлы дали свою санкцию одной из самых несправедливых казней; как воины привели ее в исполнение, как префект отдал приказание ее совершить. Какой это удар всем установленным властям! Им никогда уже не восстановить себя. Как можно требовать от бедных людей признания и непогрешимости тех, на чьей совести лежит великая Гефсиманская ошибка?

ДОПОЛНЕНИЕ

Книга Э. Ж. Ренана «Жизнь Иисуса» посвящена основателю христианства – Богочеловеку Иисусу Христу.

Эрнест Жозеф Ренан (1823–1892) – французский писатель, историк религии, филолог-востоковед, член Французской академии. Его перу принадлежат многие труды по истории христианской религии, из них наиболее популярна книга «Жизнь Иисуса» (1863). Слово «Иисус» – греческая транслитерация древнееврейского имени Иешуа – «спаситель» (исходная форма Йегошуа – «бог помощь, спасение»). «Христос» является переводом на греческий древнееврейского «Машиах» – «помазанник». Помазанниками называли пророков, первосвященников, монархов, помазанных елеем, тем самым символически получивших власть от самого Бога. Главные книги, рассказывающие о жизни Иисуса Христа, – Евангелия (от греческого «благая весть»). Вначале учение Христа распространялось устно, первыми были записаны его речения – логи. Папирусы конца второго – начала третьего века с текстами логий были найдены в Египте в 1897 и 1904 годах.

Из устных преданий и речений постепенно сложилось развернутое повествование о жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа. Создание Евангелий было связано с апостолами – учениками Христа или учениками этих учеников. Каноническими (от греческого: норма, правило), исходящими от самого Иисуса Христа и его апостолов, признаны четыре Евангелия: от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна. В строгом, современном смысле слова евангелистов нельзя назвать авторами «благих вестей». Христианский автор 2 века н. э. Папий Гисрапольский свидетельствовал: – «Матфей составил на еврейском языке запись речений (разговоров Иисуса – логий), а перелагал их на греческий язык, – кто

как сумеет». Предание говорит, что учениками Христа были два евангелиста – Матфей и Иоанна; Лука был спутником апостола Павла, Марк – спутником Петра.

В Евангелиях много притч – небольших рассказов аллегорически назидательного содержания, представляющих образную иллюстрацию какого-либо морального наставления. В древней иудейской литературе притча называлась машал. Таков, например, иносказательный рассказ о фарисее и мытаре (Лук., 18, 10–13). Есть в Евангелиях словесные изложения, которые восходят к жанру рассказов, называемых в иудейской литературе Ма'асе, много поговорок, житейской мудрости.

Наиболее архаическим является Евангелие от Марка. Исследователи предполагают, что эта часть Библии оформилась во 2-м веке н. э. В каноне Нового Завета Евангелие от Марка идет вторым. Исследователь древней литературы С. С. Аверинцев пишет, что в нем хорошо просматривается повествование, которое собиралось по частям из отдельных кратких машал и логий: «Швы еще ощущаются, отдельные эпизоды и сообщения интонационно почти не соединены между собой, подробно изложенные фрагменты чередуются с крайне лапидарными пассажами... не содержит длинных поучительных речей Иисуса». В этом Евангелии нет вступления, оно сурово, кратко, выразительно по изложению, в тексте много разговорных уменьшительных слов. Сильно выражены семитические литературные традиции. Это действительно «благовестие» о пришествии Мессии.

Мессия – ниспосланный Богом спаситель, который покончит с миром зла и навечно установит царство Божие.

Евангелие от Матфея написано более «корректным» литературным греческим языком, чем Евангелие от Марка. Больше внимания уделено преемственным связям между Ветхим Заветом и новой верой; рассказывается о родословии Иисуса Христа, которое возводится к библейским патриархам Аврааму и Исааку, царям Давиду и Соломону, напоминаются ветхозаветные пророчества о будущем появлении Мессии. Повествование Евангелия от Матфея более плавное,

интонация ровная, больше внимания уделено не жизни Христа, а его учению. Главное содержание христианской этики выражено в Нагорной проповеди.

В ней – отношение нового учения к ветхозаветному закону – Библии. Нравственной нормой Ветхого Завета было «око за око, зуб за зуб». (В псалме сказано: «Да усладит себя честный человек отмщением, да омоет ноги свои кровью злодеев».) Христос говорит: «Вы слышали, что сказано «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Лев. 19, 18). А я говорю вам, любите врагов ваших» (Мат. 5, 43).

Из Нагорной проповеди пошли речения: «соль земли», «светоч под спудом», «метать бисер перед свиньями». Евангелие от Матфея – это «Священная история», близкая к Ветхому Завету.

Евангелие от Луки приписывается не еврею, как предшествующие два, а греку, врачу из Антиохии, в нем сильнее выражены традиции греческой литературы и культуры. Оно написано позднее. Перу Луки принадлежит и сочинение «Деяния апостолов». Оба эти произведения близки по стилю, более изящны, их язык представляет нечто среднее между разговорным греческим языком той эпохи и языком литературы, семитизмы представлены в нем более деликатно – лишь слегка «подцвечивают» текст. Используются термины науки того времени.

Излагаемые факты датируются, связываются с другими историческими событиями, композиция произведений (Евангелия и Деяний апостолов) тяготеет к симметрии, много бытовых деталей, проникнутых утонченной эллинской чувствительностью. В Евангелии от Луки Христос не одинок среди людей, простые люди любят его, тянутся к нему, и только власть имущие готовят ему гибель. В этом Евангелии сильнее подчеркнута божественность Иисуса и в то же время его человеческая сущность – сострадание, любовь. Современные исследователи характеризуют Евангелие от Луки «как единственное из четырех, которое можно с оговорками охарактеризовать как «Жизнь Иисуса» (С. С. Аверинцев, Истоки и развитие раннехристианской литературы. – История всемирной литературы. – М.: Наука, 1983, т. 1, с. 510).

Евангелие от Иоанна раскрывает космический мировой смысл жизни Христа. Изложение сжато, концентрировано, насыщено символическими словами и образами. «Если Евангелия от Марка, Матфея и Луки раскрывают общедоступные стороны ветхозаветного учения, то Евангелие от Иоанна дает его сокровенный смысл, – пишет С. С. Аверинцев. – Земная жизнь Христа интерпретируется как самораскрытие мирового смысла... Евангелие ассимилировало греческую философскую мысль и диалектику греческого мифа, – разумеется, радикально переработав и то, и другое в духе христианской мистики» (с. 511–512).

Канонические Евангелия складывались в конце I – начале II веков. Имеются Евангелия, не признанные церковью священными – апокрифические (от Петра, Фомы, Филиппа).

Сведения о раннем христианстве и жизни Иисуса Христа содержатся и в других религиозных произведениях на греческом языке, объединенных названием «Новый Завет». В его канон входят 27 сочинений: кроме четырех Евангелий и примыкающих к ним Деяний апостолов в Новом Завете двадцать одно послание апостолов (из них 14 – апостола Павла, 2 – апостола Петра, 3 – Иоанна, 1 – Иакова, 2 – Иуды) и Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис. Какие сведения можно почерпнуть о жизни Христа из Нового Завета и других источников?

Иисус родился в Иудее в городе Вифлееме от девы Марии. В Евангелиях о ней сказано мало. В преданиях говорится, что Мария происходила из царского рода Давида (Давид жил в конце II века до н. э., создал централизованное государство со столицей в Иерусалиме). Родители Марии Иоаким и Анна до преклонных лет не имели детей; наконец родилась девочка. С трехлетнего возраста Мария воспитывалась при Иерусалимском храме, занималась рукоделием, получала пищу из рук ангелов. К двенадцати годам она дала обет вечной девственности. Совершеннолетняя девочка не могла оставаться при храме, ей должны были найти супруга, который бы жил с ней, сохраняя ее целомудрие. Выбор пал на старика – овдовевшего плотника

Иосифа (еврейское: «бог да умножит»), человека честной, праведной жизни. Хранитель девственности Марии был тоже потомком династии Давида, жил в бедности, имел сыновей: Иакова, Иосифа, Иуду, Симона и двух дочерей.

Архангел Гавриил сообщил Марии «благую весть» – у нее родится «Сын Божий». Узнав о беременности Марии, Иосиф не поверил в непорочное зачатие, пришел в смущение, решил тихо, без огласки расстаться с девой. Во сне к нему явился архангел и сказал, что Мария не обманывает: «Иосиф, сын Давидов! Не бойся принять Марию, жну твою; ибо родившееся в ней есть от Духа Святого», родит же сына, и наречешь ему имя Иисус; ибо он спасет людей своих от грехов их (Матф. 1; 21–22). По Ветхому Завету мессия должен был родиться в Палестине в легендарном городе Давида – Вифлееме. Иосиф и Мария жили в небольшом поселении Назарете. Римские власти, оккупировавшие Иудею, объявили в это время перепись населения. Иосиф и Мария отправились в Вифлеем, чтобы записаться по месту пребывания своего рода. «И родила она сына своего первенца и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было для них места в гостинице» (Лук. 2; 7). По Матфею, поклониться новорожденному пришли волхвы – маги, звездочеты. Волхвы – это мудрецы – цари неизвестной национальности, их земли лежали на восток от Палестины. Они узнали, что родился «Царь иудейский», пришли к Ироду просить помочь им найти царственного младенца. Ирод запросил своих книжников. Те сообщили, что царь иудейский народился в Вифлееме. Ирод и направил туда волхвов. Путь им указывала звезда. Волхвы поверглись ниц перед Иисусом, принесли ему в дар золото, ладан, миро. Вещий сон не позволил им возвратиться к Ироду.

В Евангелии от Луки вместо волхвов-звездочетов к новорожденному младенцу пришли пастухи.

По прошествии восьми дней младенец был подвергнут обряду обрезания и получил имя Иисус. На сороковой день как первородный сын иудейской семьи Иисус был принесен в Иерусалимский храм для ритуального посвящения

Богу. Здесь его встретил Симеон Богоприимец, всю жизнь ожидавший прихода мессии. Симеон предсказал, что младенец выйдет «на служение спасения людей».

Царь Ирод (Ирод I Великий около 73–4 гг. до н. э.), боясь соперничества, приказал уничтожить всех младенцев. Архангел второй раз явился Иосифу, предупредил об опасности, повелел бежать в Египет. На пути святого семейства разрушались идолы, в безводной пустыне открывались источники для утоления жажды, плодовые деревья склоняли ветви. В третий раз архангел явился к Иосифу и Марии с сообщением о том, что Ирод умер и можно возвратиться в землю Израилеву!

За годы, проведенные в Назарете, Иисус выучился ремеслу плотника. Достигнув религиозного совершеннолетия (12 лет), он совершил с семьей на пасху паломничество в Иерусалим. Это древний священный город. Царь Соломон (950–928 гг. до н. э.) построил в нем храм бога Яхве. У иудеев праздник пасхи связывался с ожиданием мессии, с воспоминанием исхода народа из египетского плена. После праздника Святое семейство возвратилось домой. Иисус остался в Иерусалиме. Иосиф и Мария «возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, видящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их» (Лук. 2, 45–47). На упреки Марии Иисус ответил: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» (Лук. 2; 50).

Приход Мессии Иисуса Христа народу возвестил Иоанн Креститель (Иоанн Предтеча). Это был последний из ветхозаветных пророков – «из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя, но меньший в царстве небесном больше его» (Матф. 11; 11). Его родители – священнослужители Захарий и Елизавета были людьми праведными. Захарии было восемнадцать лет, он не мог и мечтать, чтобы родился сын и продолжил его род. Архангел Гавриил возвестил ему, что Елизавета произведет младенца, которого нужно наречь Иоанном, он будет исполнен святого духа, силой и разумом пророка Илии и приготовит путь мессии.

Детство Иоанн провел в пустыне: «имея одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищей его были акриды и дикий мед» (Матф. 3; 4). (Акриды – род съедобной саранчи. Питаться акридами – жить скудно, впроголодь.) Пустынник возвещал наступление конца света, пришествие Царства Божьего, казни для деспотов, гордецов, требовал восстановления норм патриархальной этики. Поверивших в его пророчества крестил в реке Иордан. Иоанн всенародно свидетельствовал, что Иисус – мессия и совершил обряд крещения. – «И крестившись Иисус тотчас вышел из воды, и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором мое благоволение» (Матф. 3; 16, 17).

Иоанн обличил в распутстве правителя Галилеи римского ставленника Ирода Антипу – тот отнял у своего брата жену Иродиаду и сочелся с ней браком. Антипа решил наказать сурового прорицателя.

У тетрарха был праздник, отмечали его пятидесятилетие. Гостей пленила танцем тринадцатилетняя дочь Иродиады от первого мужа Ирода Бозтуса Покинутого – Соломея. К образу Соломеи, погубившей Иоанна Крестителя, обращались многие императоры, драматурги, художники. Приведем отрывок из произведения венесуэльского писателя XX века Мигеля Отеро Сильвы «И стал тот камень Христом»: «... она была прекрасна, как финиковая пальма, ее талия покачивалась, как пшеничный колос. Сверху донизу ее опутывала красно-синяя шаль наподобие плаща бедуинских шейхов, а по плечам рассыпались волосы, перевязанные золотой с драгоценными камнями лентой, пересекавшей лоб... Тут она сбросила шаль, обнажила, скинув туфли, свои лилейно-белые ножки, легким взмахом руки подала знак арфам и флейтам и начала танцевать...

– Ты так танцевала, как никогда не станцевать и ангелу небесному, – сказал Ирод Антипа... – Проси у меня все, что хочешь...

Мать успела шепнуть ей на ухо:

– Проси голову Иоанна Крестителя...

Антипа знал, что Иоанн Креститель пользовался громадным влиянием в народе, боялся, что казнь пророка могла привести к осложнениям, но Соломея настаивала.

– Отруби в темнице узнику голову и принеси ее сюда на серебряном блюде! – приказал Антипа палачу. За кровь праведника пришлось поплатиться: получив ужасный дар, Соломея, громко плача, побежала по коридорам дворца. В эту ночь ее изнасиловал брат Антипы – Ирод Филипп. Сам Антипа кончил плохо, в конце жизни он был изгнан из Иудеи, умер в болезнях и нищете. Одна Иродиада разделила его несчастье».

В основе этой легенды были действительные события: писатель I века Иосиф Флавий в произведении «Иудейские древности» упомянул проповедника Иоанна, казненного Иродом.

У Предтечи были последователи, такие же, как он, аскеты – ученики Иоанновы (Матф. 9; 15). Они порицали фарисеев – религиозно-политическую секту – по-своему, иначе толковавших ветхозаветное Пятикнижие. За показное благочестие их назвали в Евангелии лицемерами. Жесточкой критике «ученики Иоанна» подвергли саддукеев – группу из жрецов, защищавших интересы рабовладельческой знати, отрицавших мессианские и эсхатологические идеи. Современные исследователи полагают, что Иоанн Креститель был близок к существовавшей во 2 веке до н. э. – 1 веке н. э. религиозной общине кумранитов. Они исповедали иудаизм, но не признавали власти первосвященников, называли себя «сынами света», «простоцами», «нищими». «Сыны света» жили замкнутой общиной, у них не было частной собственности на имущество, они занимались совместным трудом, осуждали рабство. Вступавшие в общину «младшие члены» проходили тяжелые испытания. Внутри организации была строгая дисциплина, во главе стояли жрецы. Эти приверженцы общественно-религиозного течения в Иудее II века до н. э. – I века н. э. назывались ессеями. Они были главными предшественниками христианства. После Иудейской войны 66–73 годов часть их влилась в иудеохристианские

общины. В 1947 году на западном побережье Мертвого моря, в пещерах в районе Хирбет-Кумрана, Масада и других были найдены рукописи общины кумранитов (2 века до н. э. – 2 века н. э.). Древние свитки рассказывают, что «сыны света» ожидали решающей схватки с «сынами тьмы», надеялись, что зло будет побеждено. В комментариях к труду пророка Аввакума основателем общины назван некий «учитель праведности» – «Праведный Наставник». «Ему, несомненно, отводилась роль главного борца, предводителя в борьбе с силами зла», – писала доктор филологических наук К. Б. Старкова («Палестинский сборник, 1975, с. 101%. Преследуемый «нечестивым жрецом» «Праведный наставник» вступил в конфликт с «неверными последователями» и погиб. Некоторые ученые (И. Д. Амузин. Рукописи Мертвого моря. – М.: 1960 и др.) склонны предполагать, что Праведный Наставник был историческим прототипом Иисуса Христа. Общины кумранитов погибли в результате восстания против римлян (66–73 гг.).

После крещения в Иордане начался период активной проповеднической деятельности Иисуса. Он ушел на сорок дней в пустыню, воздерживался от пищи (40 – знаменательное число – продолжительность Великого поста перед Пасхой). Запреты на пищу во всех религиях способствовали самоуглубленному «покаянному настроению» – убеждению, что человек, «предоставленный самому себе, не в силах победить низкую природу и грех», должен обратиться за помощью к Богу. Евангелие рассказывает, что к изнемогающему от голода Христу явился дьявол и начал его искушать: если Иисус – сын Божий, то пусть превратит лежащие перед ними камни в хлебы! – «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Матф. 4; 4), – ответил Христос... Сатана перенес Иисуса на крыло притвора Иерусалимского храма, предложил броситься вниз: Если он сын Божий, то в воздухе его поддержат ангелы и Христос докажет этим свое божественное происхождение. – «Не искушай Господа Бога твоего!» – ответил Иисус (Втор. 6; 16; Мат. 4; 7).

Сатана вознес Христа на высочайшую гору, с которой взору открылись страны мира, и предложил власть над ними и славу. «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи», – ответил Спаситель (Мат. 4; 8–10).

Иисусу Христу было тридцать лет (Лук. 3, 23), наступил символический возраст зрелости. 30 лет было царю Давиду, когда он воцарился и создал великую державу со столицей в Иерусалиме, перенес в этот город Ковчег – дарохранильницу со скрижалями – заповедями, которые дал Бог Моисею. В тридцать лет началось и мессианское время Христа: с этого времени Иисус начал проповедовать. Он собрал вокруг себя двенадцать учеников – апостолов (по-гречески: посол, посланец). Двенадцать – число мистическое. Его можно выразить как 3×4 , т. е. состоит оно из богочеловеческого числа «3» – символа богочеловеческой сущности («Святая троица») «горнего мира» и числа «4» – символа материальных стихий (четыре стороны света) человеческой природы, «дольнего мира» (горный мир – высокий, возвышающий, небесный; дольний – земной, низкий.)

Апостолы – проповедники нового учения. (После кончины Иисуса они разошлись по свету, создавая новые общины христиан. О них рассказано в Евангелиях и в Деянии святых апостолов.)

Автором Деяний был евангелист Лука. Как и Евангелие от Луки, Деяния начинаются с посвящения: «Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых он избрал». (Деяния... 1; 1–2). Литературное посвящение было в традиции античных авторов того времени.

Евангелист Лука был грек, хорошо знакомый с мемуарной и исторической греко-латинской литературой того времени. Это сказалось на стиле его произведения. Образы апостолов в Деяниях воплощают в себе живую конкретность, индивидуальность их черт и свойств. Апостол Петр – человек с твердым характером, внимательный к явлениям окружающего мира, порывистый и независимый, не боится

возражать Иисусу. Иаков могуч. Иоанн мечтателен, мягок. Филипп скромн, образован, знает иноземные языки, но не придает большого значения своим знаниям. Варфоломей начитан. Матфей не всегда настойчив, меняет профессии, гостеприимен. Фома – скиталец, много видевший, сомневающийся.

Образы Христа и апостолов оказали огромное влияние на историю культуры всего человечества. К ним обращались и обращаются писатели, художники, композиторы. Представление об апостолах можно получить и из книг Э. Ренана «Апостолы», «Святой Павел», являющихся продолжением «Жизни Иисуса». Современный латиноамериканский писатель Мигель Отеро Сильва в своей книге «И стал тот камень Христом» рассказал о жизни Назарянина в его мессианское время. Приведем обширный отрывок, повествующий об апостолах:

«Андрей – первый ученик Иисуса, самый первый по времени, так как он был у Вифанийской заводи Иордана, когда Иоанн Креститель, указав на Назарянина, сказал: «Вот агнец божий». Андрей бросился тогда на поиски своего брата Симона, сообщить ему, что нашел мессию. «Пойдем со мной к его пристанищу», – сказал ему, и они отправились вдвоем. Как только Иисус увидел Симона, он стал называть его Петром, что значит «камень», будто предчувствуя стойкость его убеждений, или ощущая каменную твердость его характера, или видя в нем базальтовый фундамент своей будущей церкви. С той самой встречи братья становятся верными друзьями Иисуса и сопровождают его, когда не надо идти на рыбную ловлю, и дают ему приют в своем доме.

Иаков и Иоанн, сыновья Зеведея и Соломеи, тоже рыбачат с детства, здесь же родились и не умеют читать, точь-в-точь как Андрей и Петр, хотя и не такие бедняки, как они, ибо Зеведей – хозяин прекрасной ладьи и большой донной сети, которой вычерпывает всякую рыбу. Иаков отнюдь не тяготится своей неотесанностью скалы первозданной в противовес Иоанну, которому семнадцать лет и который

снедаем желанием видеть невиданное... Как Иаков, так и Иоанн горячи по природе... честолобивы, но не земные блага их привлекают, а неземная мечта в будущем Царстве Божиим сидеть рядом с Господом Богом, заручиться особой любовью Христовой... Филипп и Варфоломей не братья друг другу, но неразлучные друзья... Филипп служит толмачом у купцов из Дамаска и Македонии.

Нафанаил или Варфоломей... может читать целые куски из Святого писания.

...Матфей был сборщиком налогов до того, как последовал зову равви. По матери он арамеянин, но говорит и по-гречески, на языке философов и торговцев. Зовут его Левием, но Иисус, которому по душе менять имена, дабы возвысить униженных в собственных глазах, назвал его Матфеем, что означает «дар божий». В свои юные годы Левий хотел преподавать в школе, читать детям Закон, учить числам, рассказывать о прошлом израильского народа, но ему не хватило терпения... он решил зарабатывать деньги на торговле оливковым маслом, но кончил тем, что нанялся собирать налоги и пошлину в Капернауме, иначе говоря, стал мытарем... И вот настал день, когда Иисус сжалился и сказал ему: «Иди за мной». – И Левий понял вызволяющий смысл зова, бросил арендованный стол, швырнул в озеро списки тех, кто облагался данью, и пошел за Назарянином... Левий, отныне зовущийся Матфеем, ходит вслед за белым хитоном Иисуса и отмечает слова и дела Учителя на деревянных табличках, которые раньше служили ему для записи долгов налогоплательщиков...

Фома, или Фома-близнец, тоже рыбак... всегда ставит под сомнение чужие мысли, докапывается до сути, верит ответам лишь одного Иисуса, ибо с самого начала знает, что Иисус и есть сам мессия...

Иаков и Фаддей – близкие родственники Иисуса, сыновья Алфея и Марии Клеоповой – сестры Марии, матери Иисуса... двоюродные братья Иисуса. Они, вопреки желанию родственников и односельчан, бросили свои посеи, своих волов, ушли из Назарета, чтобы следовать за Иисусом.

Зелот – крестьянин из Хоразина. Его отец – крестьянин – погиб в восстании Иуды Голонита против римского владычества: был сожжен живым, сын унаследовал его идеи... Позже Иисус сумел внушить Симону два завета, которые заставили его мыслить иначе: «Насилие приводит только к ненужной смерти, Симон, царство свободы, к которому ты стремишься, это царство милосердия, к которому я призываю, Симон...»

Двенадцатым апостолом был Иуда Искариот (др. евр.: Иш Кариот – человек из Кариста), предавший Иисуса Христа за тридцать сребренников. Иисус поверил ему – простому селянину «в желтом плаще на зеленых одеждах». В общине Апостолов Иуда хранил собранные подаянием деньги.

Апостолы проповедовали Новое учение, «имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов» (Тар. 3; 14–15). В Кане Галилейской на свадьбе не хватило вина, Иисус, по просьбе матери, превратил воду в вино (Иоан. 2; 1–11); воскресил Лазаря и дочь начальника синагоги Иаира; укротил бурю, ходил по воде, как по суше, исцелял больных, своим ученикам Петру, Иакову и Иоанну Богослову явил чудо преображения: лицо его просияло, как солнце, одежды сделались «блистающими», из облака явились Моисей и Илия, раздался голос: «Сей есть сын мой возлюбленный» (Мат. 17; 1–7). В родном Назарете, где в него не верили, Христос «не мог совершить... никакого чуда» (Тар. 6; 5).

Иисус постоянно нарушал запрет иудейской религии: исцелял в субботу (согласно Библии, Бог сотворил мир в шесть дней, седьмой день «благословил и освятил». У иудеев суббота была днем покоя, праздником, когда нужно было воздерживаться от любой работы). Христос прощал людям грехи (что мог делать только Бог). Его называли «рабби» (мой учитель), а он и не прошел специального обучения, необходимого для раввина; говорил «Как власть имущий, а не как книжники и фарисеи» (Мат. 7; 29). Слушавшие его проповеди, должны были либо «уверовать» в него, либо занять враждебные позиции: – «Кто не со Мною, тот против Меня» (Мат. 12; 30). Все это не могло не восстановить власть имущих, не подвести к трагическому концу.

Перед праздником Пасхой Иисус торжественно въехал в Иерусалим. Он был не на коне, а на ослице (что являло собой символ кротости и смирения, в противоположность боевому коню). Народ радостно приветствовал его как мессию. Иисус властно изгнал из храма менял и торговцев жертвенными животными. Все это восстановило против него Синедрион – высший орган власти в Иудее. Иудейская знать решила наказать нарушителя установившейся обрядовой дисциплины, лжепророка, выходца из Галилеи. Он мог возгласить чернь, поссорить с римлянами. Приближалась роковая развязка. В кругу своих учеников Иисус справил обряд пасхального ужина – Тайную вечерю и предсказал, что один из них предаст его. Подал хлеб и вино, мистически претворяя их в свои тело и кровь, уподобляя себя закланному и поедаемому пасхальному ягненку – евхаристии (причащению). Съев хлеб и выпив вино, ученики стали «стелестниками Иисуса Христа», «участниками божеского естества». Подавая пример взаимного служения, Иисус омыл ученикам ноги.

Ночь Иисус провел с апостолами в Гефсиманском саду, на Масличной горе, к востоку от Иерусалима, – «он ужасается и тоскует» – просит трех избранных апостолов бодрствовать с ним, обращается к Богу с молитвой («моление о чаше»): «Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем, не Моя воля, но Твоя, да будет» (Лук. 22, 42). Иуда Искариот привел вооруженных пособников иудейских старшин, поцеловал Иисуса – то был знак, кого нужно схватить. Воины отвели арестованного на суд синедриона, где он подтвердил, что является мессией, за что его приговорили к смерти. Иудея была оккупирована римлянами, и без согласия с римским прокуратором синедрион не мог казнить смертью. Рано утром Иисуса Христа повели для подтверждения приговора к прокуратору Понтию Пилату. Это был образованный римлянин, всадник, сын начальника легиона. Писатель Отеро Сильва написал о прокураторе: «В годы юности Понтий Пилат отнюдь не мечтал стать воином и соваться в сражения, как его отец».

В ту пору он желал лишь одного, желал горячо и страстно – играть на театральных подмостках Рима, являться в роли вестника ужасных событий, побеждать, как Орест, погибать, как Ксеркс, хранить тайну, как Прометей...

В одной из лирических комедий Теренция его увидела юная Клавдия Прокула, шестнадцатилетняя патрицианка, витающая в идиллиях и легендах падчерица Тиберия и любимая ученица старого Сенеки. Клавдия Прокула влюбилась в актера Понтия Пилата не без содействия тех прекрасных юношей, которых он изображал. Она велела своим рабам внести себя на амфитеатр, дабы сказать ему такие слова: «Клянусь тебе всеми богами всегда быть твоей сладчайшей возлюбленной, хотя бы это заставило меня порвать со всем миром, ибо только смерть могла бы разлучить нас». Клавдия Прокула была нежна, как аромат, бела, как жасмин. К тому же внучка Августа и падчерица Тиберия. Слишком велик был искус, и не выдержало театральное призвание Понтия Пилата, и он оставил подмостки и женился на Клавдии Прокуле, а Тиберий назначил его прокуратором Иудеи и предоставил ему редкую привилегию – взять жену с собой. Только смерть могла бы разлучить их».

Пилат спросил Иисуса: «Ты Царь Иудейский?» Он же сказал ему в ответ: ты говоришь. И первосвященники обвинили Его во многом. Пилат же опять спросил Его: «Ты ничего не отвечаешь»... (Марк. 15; 3–4). Пилат получил утвердительный ответ, не хотел казнить необычного обвиняемого. К празднику Пасхи из тюрьмы обычно отпускали одного осужденного. Толпа иудеев, возбужденная первосвященниками, требовала казнить Иисуса, а отпустить совершившего убийство Варавву. Христа ждало бичевание, издевательство римских легионеров, казнь на кресте.

В XX веке в обиход широко вошло понятие конформизм – приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка, господствующих мнений. Евангелисты создали гениальный образ одного из таких конформистов – Понтия Пилата. Последующая литература немного прибавила к этому образу беспринципного человека – соглашателя, воспитанного средой, идеологическим воздействием.

«Тогда Пилат опять вошел в преторию и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне. Что Ты сделал? Иисус отвечал: царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы я не был предан Иудеям; но ныне царство Мое не отсюда. Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем»... (Иоан. 18; 33–35). Несколько раз прокуратор говорил, что не находит в действиях Иисуса никакой вины, искал отпустить его», но все же «предал Его им на распятие» (Иоан. 19; 17). Казнили Иисуса на горе Голгофа. Она была расположена в районе пригородных садов и могил за городской стеной. Иисуса распяли между двумя разбойниками. Один из них начал издеваться над ним, другой – «благоразумный разбойник» выразил сочувственное понимание Иисусу. – «...Ныне же будешь со Мной в раю», – сказал Иисус (Лук.: 23, 43).

М. А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» описал смерть Иисуса. Приведем отрывок из главы 16 «Казнь»: «С ближайшего столба доносилась хриплая бессмысленная песенка. Повешенный на нем Гестас к концу третьего часа казни сошел с ума от мух и солнца и теперь тихо пел что-то про виноград, но головою, покрытой чалмою, изредка все-таки покачивал, и тогда мухи вяло поднимались с его лица и возвращались на него опять.

Дисмас на втором столбе страдал более двух других, потому что его не одолевало забытье, и он качал головой, часто и мерно, то вправо, то влево, чтобы ухом ударять по плечу.

Счастливее двух других был Иешуа. В первый же час его стали поражать обмороки, а затем он впал в забытье, повесив голову в разматавшейся чалме. Мухи и слепни поэтому

совершенно облепили его, так что лицо его исчезло под черной шевелящейся массой. В паху, и на животе, и под мышками сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело...

Один из палачей взял копьё, а другой принес к столбу ведро и губку. Первый из палачей поднял копьё и постучал им сперва по одной, потом по другой руке Иешуа, вытянутым и привязанным веревками к поперечной перекладине столба. Тело с выпятившимися ребрами вздрогнуло. Палач провел концом копья по животу. Тогда Иешуа поднял голову, и мухи с гуденьем снялись, и открылось лицо повешенного, распухшее от укусов, с заплывшими глазами, неузнаваемое лицо.

Разлепив веки, Га-Ноцри глянул вниз. Глаза его, обычно ясные, теперь были мутноватые.

– Га-Ноцри! – сказал палач.

Га-Ноцри шевельнул вспухшими губами и отозвался хриплым разбойничьим голосом:

– Что тебе надо? Зачем подошел ко мне?

– Пей! – сказал палач, и пропитанная водою губка на конце копья поднялась к губам Иешуа. Радость сверкнула у того в глазах. Он прильнул к губке и с жадностью начал пить влагу. С соседнего столба донесся голос Дисмаса:

– Несправедливость! Я такой же разбойник, как и он.

Дисмас напрягся, но шевельнуться не смог, руки его в трех местах на перекладине держали веревочные кольца. Он втянул живот, ногтями вцепился в концы перекладин, голову держал повернутой к столбу Иешуа, злоба пылала в глазах Дисмаса.

Пыльная туча накрыла площадку, сильно потемнело. Когда пыль улеглась, кентурион крикнул:

– Молчать на втором столбе!

Дисмас умолк. Иешуа оторвался от губки и, стараясь, чтобы голос его звучал ласково и убедительно, и, не добившись этого, хрипло попросил палача:

– Дай попить ему.

Становилось все темнее. Туча залила уже полнеба, стремясь к Ершалаиму, белые кипящие облака неслись впереди напоенной черной влагой и огнем тучи. Сверкнуло и ударило над самым холмом. Палач снял губку с копья.

– Славь великодушного Игемона, – торжественно шепнул он и тихо кольнул Иешуа в сердце. Тот дрогнул, шепнул:

– Игемон.

Кровь побежала по его животу, нижняя челюсть судорожного дрогнула, и голова его повисла.

При втором громовом ударе палач уже поил Дисмаса и с теми же словами:

– Славь Игемона! – убил и его...»

Булгаков нарисовал картину с подробностями, которые усилили эмоциональное воздействие. Они были навеяны событиями не только далекой истории начала первого тысячелетия нашей эры, но и современной писателю жизнью, когда погибали миллионы мучеников. На всяком произведении жанра исторической беллетристики можно заметить отблеск событий, современником которых был его автор. Мигель Отеро Сильва передает дух католической Латинской Америки (несмотря на свою приверженность марксизму), Э. Ренан – Франции.

Иисус Христос страдал на кресте 6 часов – с 9 часов до 3-х часов пополудни. «Боже мой! Боже мой! Для чего Ты Меня оставил» (Мар. 15; 35), – произнес Христос, умирая. Смерть сопровождалась затмением солнца, в Иерусалимском храме сама собой сверху донизу разодралась завеса, произошло землетрясение.

Тело Иисуса Христа было выдано друзьям, обито плащаницей, похоронено в пещере, которую завалили камнями. Наступила пасхальная Суббота (евр. шаббат). Евреям нельзя было ничего делать. По прошествии субботы, на третий день после распятия, пришли мироносицы: Мария Магдалина, Мария Иаковлева и Соломия, чтобы еще раз омыть и умастить благовониями тело Христа. Гроб был пустым: внутри гробницы сидел юноша, облаченный в белую одежду. Он сказал: Иисуса ищите Назарянина, распятого. Он воскрес. Его нет здесь» (Мар. 16; 6). Мария Магдалина была в свое время исцелена Христом, последовала за ним, присутствовала при кончине и погребении. Увидев воскресшего Иисуса, бросилась к нему, но он остановил словами: «Не прикасайся ко мне!» На Магдалину была возложена миссия

сказать апостолам о воскресении их учителя. Это она поднесла императору Тиберию пасхальное яичко со словами: «Христос воскрес!»

Само воскресение Иисуса Христа описано только в произведениях, не признанных церковью, – апокрифах (Евангелие от Петра). Воскресший Христос явился ученикам по дороге в Емиаус, он долго беседовал с ними, но те не узнали учителя. Мария Магдалина сначала приняла его за садовника. В селении, где остановились, Иисус взял хлеб, благословил его, переломил и подал апостолам. «Тогда открывались у них глаза, и они узнали Его» (Лук. 24; 30–31). Фома неверящий ощупал раны от гвоздей. Иисус послал апостолов проповедовать по всему миру. На сороковой день после Пасхи произошло его вознесение.

Второе пришествие Христа должно совершиться в конце времен, когда будет страшный суд, подведены итоги судьбам мира. Канонические Евангелия повествуют в основном о рождении и младенчестве Христа, о его просветительской деятельности от крещения в Иордане до вознесения на небо. Жизнь Иисуса запечатлена от 30 до 33-летнего возраста, т. е. на протяжении трех с половиной лет. В Евангелии от Иоанна сказано, что записаны далеко не все его слова и дела. Не легко установить даты земной жизни Христа. Высказывались предположения, что Иисус Христос родился в 4 году до н. э., распят накануне еврейской Пасхи 783 года до основания Рима: 14 нисанов пятницу.

Через 20 лет после распятия о Христе написал в послании апостол Павел. Римский историк Тацит (58–117 гг.) писал, что в Риме в 64 году «огромное множество людей, которых народ звал христианами, предано было изысканнейшим казням. Христос, родоначальник этой секты, был казнен прокуратором Понтием Пилатом; И подавленное на время гибельное суеверие вновь не раз прорывалось наружу не только в Иудее, где оно первоначально зародилось, но в самом Риме». Римский писатель и историк Гай Светоний Транквилл (70–140 гг.) вспоминал, что при римском императоре Клавдии, около 50 года I века н. э., из Рима были изгнаны иудеи из-за волнений, возникающих вследствие проповеди

о Христе. Об Иисусе Христе – «праведном человеке» писал римский историк Иосиф Флавий (37–95 гг.) в «Иудейских древностях».

Были попытки принизить значение Христа. Это сделал философ II века Кельс, автор антихристианского сочинения «Правдивое слово» (трактат не дошел до нашего времени, известен по цитатам в сочинении александрийского философа и филолога Оригена (185–253/254 гг.) «Против Кельса»). В своде религиозных и правовых положений иудаизма «Талмуде» (4 век до н. э. – 5 век н. э.) говорится, что Иисус – Иешуа Га-Ноцри, незаконнорожденный сын пряхи Марии и беглого римского солдата Пантеры, за чародейство был объявлен вне закона и побит камнями. На протяжении двух тысяч лет не прекращаются попытки поставить под сомнение жизнь Христа.

Э. Ренан изобразил Иисуса Христа в очеловеченном плане. Его книга вдохновила многих выдающихся мыслителей, писателей, художников конца XIX – начала XX веков. Она не утратила своего значения и в более позднее время. Писатель Леонид Андреев рассказал в «Елеазаре» о воскресшем Лазаре, в «Иуде Искарите» о Христе. Иуда не верит, что Христос делает людям добро, но его тянет к нему, временами ему хочется, чтобы Иисус оказался прав. Иуда совершает предательство с целью проверки верности апостолов. В произведениях Л. Андреева Иисус изображен в «ренановском плане». Д. С. Мережковский в трилогии «Христос и Антихрист» воплотил свои представления о мировой истории как борьбе между религией духа и религией плоти. «Христос открыл людям, что Бог – не власть, а любовь, не внешняя сила власти, а внутренняя сила любви», – писал Д. С. Мережковский.

Писатель А. М. Розанов стилизовал свои произведения под библейские притчи. Таковы сочинения «О безумьи Иродиадином», «Гнев Ильи Пророка», «Светло – Христово воскресенье». В. Муйжель в рассказе «Нищий Ахитофел» поведал о казни Христа. Список подобных произведений литературы можно продолжить.

В «ренановском» плане воспринимали Христа многие художники. Скульптор М. М. Антокольский, создавший глубокий историко-психологический образ Христа, писал: «Я представлял Христа с той стороны, где он является реформатором, восставшим против фарисеев и саддукеев за их аристократическую несправедливость, за правду, братство и свободу, за тот самый народ, который с таким бешенством и неведением кричал: распни его, распни!»

Художник Н. Н. Ге, написавший «Тайную вечерю», «В Гефсиманском саду», «Что есть истина?», «Суд синедриона», «Голгофа», «Распятие» и другие произведения, изобразил Христа как выразителя правды и человеческих отношений.

В. Д. Polenov, написавший «Христос и грешница», «На Тивериадском озере», цикл картин «Из жизни Христа» и другие произведения, старался приблизить к жизни евангельские сюжеты.

И. Н. Крамской, автор картины «Христос в пустыне», воплотил в образе Иисуса мучительные раздумья человечества над выбором жизненного пути. Писателю Гаршину Крамской писал: «Я вижу ясно, что есть один момент в жизни каждого человека, мало-мальски созданного по образу и подобию божию, когда на него находит раздумье – пойти ли направо или налево, взять ли за Господа Бога рубль или не уступать ни шагу злу...»

Основанное Иисусом, сотворенным Богом по своему образу и подобию, христианство создало учение об абсолютной ценности человеческой личности, признало равенство всех людей в отношении к Богу, учение об идеальном назначении человека, заключающееся в бесконечном всестороннем духовном усовершенствовании, господстве духовного начала над материей. Бог – творец материи, вручил человеку господство над материальным миром.

Христианство не отрицает существование материи, но приводит ее в гармоническое соотношение с духом.

А. И. Кузьмин
доктор филологических наук